

Юрий Иванович
Уникумы Вселенной
Серия «Уникумы Вселенной», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174199
Уникумы Вселенной: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-30628-2*

Аннотация

Планета Аларастрасия, спутник звезды Малтри. Именно здесь обитают цорки, самые долгоживущие существа во Вселенной, год жизни которых равняется тридцати земным. Уже только благодаря этому они могут достичь очень многого в великом космосе. Но их главная цель – уничтожение других цивилизаций. И так было суждено судьбой, что на пути этих безжалостных монстров оказалась наша Земля.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	41
Глава 7	48
Глава 8	55
Глава 9	61
Глава 10	68
Глава 11	76
Глава 12	85
Глава 13	94
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Юрий Иванович Уникумы Вселенной

Земля, шесть тысяч лет назад. На севере африканского континента расположено самое большое государство планеты – Хардия. По экономической мощи оно занимает второе место, но прилагает все силы, чтобы вырваться в лидеры. И не гнушается при этом никакими средствами.

В сюжетной линии «Хардия» речь пойдет о людях, которые вершили историю тех дней.

Глава 1

Хардия

– А ты ничего не напутал? – Величественный старик, оторванный от дела неожиданным визитом, грозно сдвинул брови, решая, продолжить прерванный опыт или выслушать сбивчивые объяснения визитера.

– Клянусь, ваше святейшество! Лично все проверил. Да и во время этого невероятного воскрешения находился рядом. Видел, как вода вылилась у него изо рта и носа, как руки начали двигаться, слышал судорожный хрип. А потом он зашелся диким кашлем, чем чуть не до смерти напугал всех нас. – Молодой человек в мокрой форме ордена науки нервно сглотнул и вытер тыльной стороной ладони пот, мелкими бисеринками выступивший на лбу. – Жуть! Сам с трудом верю.

Верховный жрец всей Хардии Райгд Садиван осторожно поставил колбу с мутной зеленоватой жидкостью в ряд с такими же точно сосудами и, отвернувшись наконец от стола, внимательно посмотрел в глаза своему первому заместителю. То, что тот рассказывал, выходило за рамки здравого рассудка. Однако и сомневаться не приходилось: юноша, восходящая звезда в мире науки, несмотря на свою молодость, носил высокое звание декёра. Что в более пространным виде означало: «Познавший истинное лицо Творца Солнца».

– Странно... И что же ты сам об этом думаешь?

Тяжело вздохнув, молодой человек стал загибать пальцы.

– На все это у меня три версии. Версия первая... – Он кратко задумался и выдохнул: – Здесь есть нечто божественное, не иначе как рука Творца нашего вдохнула жизнь в это бренное тело.

– Вителла! – оборвал Райгд его рассказ. – Ты мой помощник по науке, а не по богословию. Оставь эти рассказы для тех, кто будет вдалбливать подобное простому народу с амвонов храмов. Меня интересуют в первую очередь факты, логические выкладки и скрупулезная исследовательская работа в любом, даже самом необъяснимом, «божественном» происшествии. Если уж отвлек меня от важной работы, то говори по сути, как полагается человеку науки!

– Извините, ваше святейшество! Тогда я перехожу ко второй версии. – Вителла загнул второй палец. – Есть вероятность, что при затоплении комнаты, в которой находился пострадавший рабочий, вверху под потолком образовалась воздушная подушка, из которой он все это время и дышал.

– Сорок восемь часов? – спросил Райгд.

– А почему бы и нет?

– Плавая под самым потолком, в темноте?

– Да, маловероятно... Впрочем, есть обстоятельство, которое вовсе опровергает эту версию. Конечно, проще предположить, что он плавал-плавал, а перед открытием двери обессилел и утонул и мы успели его спасти... Но! – Вителла указал на потолок. – Вода была до самого верху. Штольня, по которой откачивали отработанный воздух из того помещения, имела выход вниз, у самого пола. Но когда в нее прорвалась вода, лопнула перемычка со штольной чистого воздуха, и все было затоплено до самого потолка. Мало того. Работник улегся, скорее всего, спать в одну из ниш в стене. А чтоб его никто не увидел, закрылся пузырьковыми носилками.

Когда мы туда вошли, носилки оставались на месте, хоть воды в комнате было еще по колено. Видно, спросонья он не смог даже сообразить ничего – и сразу захлебнулся. Когда носилки откинули, он и лежал там с открытыми застывшими глазами, с открытым, полным

воды ртом, совершенно бездыханный. Его вынули из ниши, перекатив при этом на живот; вода стала выливаться из легких, а он вдруг стал «оживать».

– Он-то ожил. А его разум? Ты говорил что-то о помешательстве?

– Да, единственное, о чем он пока говорит, так это о том, что плавал в Солнце.

– В каком смысле? – заинтересовался Райгд, присаживаясь на один из каменных стульев, стоящих вдоль длинного стола в центре огромной лаборатории.

– В прямом! Я, говорит, плавал, нырял, купался, летал в самой сердцевине Солнца. – Пожав плечами, Вителла спросил: – Может, лучше дать ему прийти в себя, а потом уже побеседовать подробнее?

– Да, пожалуй. Это очень интересно. – Райгд многозначительно приподнял брови. – У нас ведь только избранные знают, что такое Солнце. Ну а пока хотелось бы выслушать твою следующую версию. Надеюсь, уже с чисто научными объяснениями.

– Постараюсь. – Вителла посмотрел на стоящий возле него табурет.

Перехватив его взгляд, Райгд милостиво разрешил:

– Присядь. И можешь снять с себя мокрую мантию, а то от тебя уже пар валит.

Сбросив стесняющую его верхнюю одежду, Вителла сел и с удовольствием вытянул уставшие ноги. Хоть Райгд и был для него самым близким человеком во всей империи, правила не позволяли садиться в присутствии верховного жреца и главного регента науки без его позволения. Декёрл был самым приближенным к сокровищнице знаний, которой владел Райгд, и знал уже половину того, что знал главный. Хотя чем больше Вителла узнавал, тем больше укреплялся в мысли, что это одна вторая от малой части секретов и познаний человека, которого он считал своим учителем, наставником и едва ли не отцом.

Набрав в грудь побольше воздуха, Вителла стал быстро говорить, как бы боясь, что его остановят:

– Третья версия такова: затопленная комната находится в самых глубоких наших разработках по добыче серебра. В стенах полно мельчайших крупиц этого металла. Если бы это было в карьере, мы бы пустили всю породу в переработку. А так, на глубине восьмисот метров, приходится разрабатывать только основные жилы, бедные же породы оставлять для стен, сводов туннелей и стволов. Но самое главное – температура! В этой комнате она была наивысшей: тридцать четыре градуса. То есть мы, углубляясь и углубляясь, все больше приближаемся к тому таинственному источнику тепла, который согревает городские катакомбы и наши древнейшие пещерные храмы. В верхних уровнях жара не создает проблем, даже наоборот, а вот внизу она причиняет немалые неудобства. Приходится бурить новые длинные штольни для принудительной вентиляции и охлаждения. А чтобы не вентилировать даром помещения, в которых не ведутся работы, между ними устанавливаются герметичные двери. Причем двери устанавливаются поочередно: в одной комнате-пещере они открываются наружу, в следующей – обе двери вовнутрь. В принципе, инженеры правильно рассчитали: если вода из подземного озера прорвется в шахтные выработки, будет затоплена одна комната, максимум три. По стечению обстоятельств, очень печальных для работника и счастливых для меня...

– Для тебя? – удивленно перебил Райгд.

– Да, да, для меня. Месяц назад вы лично дали мне указание заниматься проблемой повышенной температуры и выяснением источника этого тепла. И я каждый день проверял показания приборов, которые до того целых три недели спускал и устанавливал с помощью инженеров на разных уровнях.

Как раз за пять минут до аварии я проходил через эту злополучную комнату. Записал температуру, удивился и пошел дальше. Вдруг слышу шум, грохот. Я назад, но вода уже надавила на дверь и та не открывалась. Утечку воды устранили быстро. И даже не собирались спешно открывать прижатые изнутри водой двери. Надо ведь было придумать, куда

девать воду – не полузатапливать же соседние помещения. Но к вечеру появился товарищ «утопленника» и заявил, что того нигде нет, а значит, он, скорее всего, отсыпается в любимом теплом местечке. Начали открывать. А дверь-то из последней партии, пузыритовая! Их успели установить почти на всем нижнем ярусе. Потому и прошло сорок восемь часов с момента затопления, когда мы мощным домкратом открыли наконец дверь, дав выход воде. Я первым вбежал туда и сразу глянул на градусник: тридцать три с половиной градуса! То есть за двое суток вода прогрелась почти до предела. В этот момент, отодвинув носилки, нашли пострадавшего. Ну, он там же и ожил. Попытавшись с ним поговорить и наслушавшись бредней, я дал указание медику усыпить его снотворным и отправить на поверхность, а сам тут же к вашему святейшеству.

– Я ценю твое умение излагать все так четко, – Райгд недовольно поморщился, – но где же твои окончательные выводы?

– Боюсь, ваше святейство, об окончательных выводах говорить рано. А за рабочую гипотезу можно принять то, что тело, находясь в воде с высоким содержанием серебра и не теряя при этом жизненной теплоты, сохраняет человека как существо, но лишает при этом разума. Ведь бывали случаи оживления утопленников, которые больше шести минут находились под водой. Ценой больших усилий, массажа, электричества удавалось оживить тело. Но мозг, который не работал длительное время, как правило, не восстанавливался, и человек становился дебилом или пребывал в состоянии комы до конца отпущенного ему времени. А в этом случае тепло и серебро создали благоприятную среду для полного сохранения организма.

Вителла замолчал, переводя дух, а потом добавил:

– Я приказал никого не пускать на нижний ярус, даже выставил охрану.

Райгд задумчиво посмотрел на него и улыбнулся:

– Как не стыдно гонять старика в самую преисподнюю! Ведь, признайся, ты с самого начала знал, что я захочу лично посетить это место?

– Ваше святейство, – Вителла укоризненно покачал головой, – готов побиться об заклад, что вы дадите фору в быстроте и ловкости большинству нашей молодежи! Уж я-то знаю, какой вы «старик».

– Ты, я вижу, научился льстить? – Польщенный Райгд погрозил пальцем. – Видно, пора тебя перевести из Академии в царедворцы: там ты сделаешь прекрасную карьеру.

– Хотя в лаборанты, только не туда!

– Ну ладно! – Райгд встал, тут же вскочил на ноги и Вителла. Подойдя к столу, верховный жрец скомандовал в переговорное устройство: – Главного инженера, начальника рудника, главного геолога немедленно ко мне! – затем вновь обратился к декёру: – А где именно пострадавший?

– В академическом госпитале, ваше святейство! Я приказал никого к нему не пускать, вести постоянное наблюдение и следить, чтобы после пробуждения он ни в коем случае не нанес себе каких либо повреждений! – Вителла развел руками. – Все-таки с виду он не совсем вменяемый.

– Прекрасно! Пойдем ко мне, я переоденусь, – Райгд глянул на одежду своего заместителя, – да и ты тоже. И – вперед, показывай мне эту чудо-комнату!

Через пять часов усталые Райгд и Вителла сидели в мягких креслах комнаты отдыха, примыкающей к кабинету магистра медицины. Попивая крепкий горячий чай, они ждали пробуждения человека, оставшегося в живых после двухдневного пребывания в роли утопленника. Сон которого, по их мнению, слишком затянулся.

– Выглядит он прекрасно. – Райгд вспоминал только что проведенный осмотр. – Дыхание ровное, все тело нормальной температуры, анализ крови тоже ничего особенного не показал. Только спит он долго, ведь ему уже пора проснуться?

– Да, час или даже два назад. Побаиваюсь только, ваше святейшество, что произошло отмирание какой-то частички мозга, и тогда он будет спать долго.

– Если это произойдет... – Главный магистр в раздумье поставил пустую кружку на стол. – Жаль, очень жаль. – И тут же, вскинув голову на раздавшийся стук в дверь, сказал: – Войдите!

Вошел магистр медицины:

– Ваше святейшество, подопечный очнулся. Он в полном здравии и, кажется, в своем уме.

– А именно?

– Сразу сказал, что его мучит жажда, а желудок терзает зверский голод. Ему предоставили все востребованное, и он занялся обедом с превеликим удовольствием.

– Не давайте ему насытиться. Ведите сюда! – Райгд недовольно сдвинул брови. – Полагаю, переизбыток ему вредно.

Уловив металл в голосе главного магистра, руководитель госпиталя опрометью выскочил за дверь. Через несколько минут в комнату ввели одетого в больничный халат немного растерянного человека. Рассмотрев верховного жреца, он пал на колени, касаясь земли головой.

– Оставьте нас! – приказал Райгд, и охранники тут же вышли. После чего Вителла подошел и встал впереди своего учителя, как бы предохраняя последнего от коленопреклоненного посетителя.

– Как тебя зовут? – спросил Райгд рабочего.

– Халид, ваше святейшество, – подняв голову и сложив руки на груди, смиренно ответил тот, продолжая стоять на коленях.

– Как же ты осмелился во время работы на благо империи отлынивать от своих обязанностей? Да еще и спать при этом!

От грозного голоса верховного жреца тщедушный Халид затрепетал от страха.

– Помилуйте, ваше святейшество! – дрожащими губами пролепетал он. – Осмелюсь сказать, что я заснул после того, как отработал свою смену.

– У тебя что, нет дома? Ты же не раб, у которого ничего нет, кроме подстилки! – Райгд при этом еще больше повысил голос.

– Есть, конечно. Но я живу не один и не люблю веселых компаний, которые собираются после работы. – Увидев, что его не перебивают, рабочий немного осмелел и продолжил: – А в самом низу так хорошо спится.

– Так ты спал там уже не один раз?

– Да, ваше святейшество. Я не знал, что это запрещено.

– Этого нельзя делать хотя бы из соображений собственной безопасности. – Райгд, немного смягчившись, вздохнул. – А почему ты спал именно там?

– Там так тепло и снятся такие прекрасные сны!

– Ну, видишь, твои сны тебя и довели до того, что ты утонул.

– Но ведь со мной все в порядке, – недоуменно сказал Халид. – Меня же успели спасти.

Райгд и Вителла многозначительно переглянулись.

– Мне, правда, снилось, что я утонул, но потом сон продолжался еще очень долго, а проснувшись, я почувствовал во рту воду и чуть не захлебнулся.

– Да, тебя успели спасти... – Райгд замолчал, а потом вкрадчиво попросил: – Расскажи мне поподробнее о своем последнем сне.

Халид беспомощно посмотрел на Вителлу, как бы ища у того поддержки, после чего с трудом выдавил:

– Но там я видел... такое... ммм... непонятное.

Вителла вопросительно посмотрел на верховного жреца и, когда тот кивнул головой в знак согласия, заговорил:

– Халид! Ты рассказывал мне что-то о Солнце?

– Но я не знаю, можно ли так говорить о Творце нашем?

– Поверь, друг мой, нет ничего важнее истины! – Вителла развел руками и ободряюще улыбнулся Халиду. – Все мы свято чтим Творца нашего – Солнце. Но только верховный жрец знает обо всех его обликах и всевозможных превращениях. И ему тоже известен тот вид Творца, который ты мне описывал ранее.

– Это правда, ваше святейшество? – с надеждой спросил Халид.

– Да! Солнце – это миллион океанов кипящего огня и обжигающего света, – торжественно подтвердил Райгд.

– Да, да! Я тоже это видел! – восторженно воскликнул Халид.

– Возможно, твой сон вещий, – продолжал верховный жрец, – поэтому я хочу знать каждое мгновение из твоего сна.

– Слушаюсь, ваше святейшество! Вначале мне снилось огромное поле, по которому я шел, вдыхая ароматные запахи незнакомых мне трав и цветов. Потом послышался шум бегущего ручейка, и, пойдя в ту сторону, я увидел мелкую речушку с прохладной чистой водой. Мне стало душно и жарко, и я смочил ноги и руки, а потом попытался напиться. Но песок неожиданно ушел из-под меня, и я окунулся с головой. Пытаясь всплыть, я вдруг ударился головой о камни какой-то подводной пещеры, в которую меня, видимо, затащила вода. Закричав от страха, я наглотался воды и, задыхаясь, изо всех сил попытался приподнять нависшие надо мной камни. Все мои мысли были о том, как выбраться к свету. И тут случилось чудо! Камни пропустили меня сквозь себя, замелькали светлые пятна с черными полосами, потом – резкий свет, потом – полная тьма, а потом все вокруг залило солнечным светом. Впереди меня было наше Солнце, большое и теплое, и я приближался к нему с огромной скоростью. Я хотел закрыть глаза, но у меня не было глаз. Я хотел закрыть лицо руками, но у меня не было рук, так же как и лица, и ног, и всего остального тела. Я был как дух: мог видеть, мог слышать, мог двигаться, но совсем не мог издать даже звука – мой крик остался беззвучным. Еще я чувствовал приятное тепло Солнца спереди и неприятное покалывание холода сзади. Как бы оглянувшись назад, я увидел два шара – большой – голубоватый и маленький – серебряный, они удалялись от меня на фоне тысяч ярко сияющих звездочек. Но там было холодно, и, обернувшись к теплу, я снова полетел к Солнцу. Почувствовав, что могу лететь еще быстрее, я помчался как молния. Творец звал меня к себе своим ласковым теплом и волшебным светом, и мне совсем не было страшно. Увидев пылающие океаны, я нырнул в них, пытаясь в глубине их найти божественный лик Творца нашего. Но, пройдя через много полос огня разного цвета, я через некоторое время выплыл с другой стороны Солнца! Оно оказалось огромным шаром! Я нырнул в него снова и снова, пронесился через него то медленно, то быстро, плавал в огромных водоворотах лавы и взмывал вверх с гигантскими огненными фонтанами. Я ликовал, я был счастлив, я восторгался тем, что дух мой свободен и плоть не сковывает моих движений. – Халид замолчал, бессмысленным взором уставившись в пол.

Райгд нетерпеливо оборвал затянувшееся молчание:

– Что было потом?

Халид вздрогнул и притихшим голосом продолжил:

– А потом... Неожиданная сила вдруг вырвала меня из самой глубины Солнца, за одно мгновение перенесла через черную пустоту и вдавила в это жалкое, слабое тело. – Он с отвращением посмотрел на свои руки. – Я начал кашлять, выплевывая воду, открыл глаза. Увидев своих товарищей, я понял, что жив и снова нахожусь в помещениях шахты.

– Ты говоришь об этом таким тоном, будто жалеешь, что остался жив!

– Да, ваше святейшество! Лучше бы Творец оставил меня у себя!

– Не отчаивайся, Халид! Все в руках нашего великого Солнца! – Воздев руки кверху, Райгд добавил: – Возможно, это знак тебе свыше! И возможно, исполнятся твои желания. Готов ли ты достойно встретить вид Творца нашего еще раз?

– В любое время дня и ночи! – с надеждой воскликнул недавний утопленник.

– Иди и жди. Но помни: предвидению было угодно выбрать тебя одного из всех для встречи с божественным. Храни эту тайну в самой глубине своего сердца.

– Конечно, ваше святейшество! – Халид распластался на земле.

Райгд вызвал охрану и приказал:

– Ухаживать за этим человеком как можно лучше, ублажать все его желания и беречь от любой неприятности! – а когда все вышли, добавил, обращаясь к Вителле: – И проследи лично, чтобы он ни с кем не общался!

Вителла недоуменно моргал глазами, но верховный жрец не дал ему сказать даже слова.

– Иди, иди. Устрой ему райскую тюрьму и немедленно возвращайся ко мне – нам надо решить массу проблем. – И задумчиво добавил: – Огромную массу проблем...

То же время: шесть тысяч лет назад. Место действия – планета Аларастрасия, которая вращается вокруг самой большой звезды Вселенной – Малтри. Именно здесь живет во время отдыха от межгалактических полетов главный враг земных цивилизаций цорк Чинкис. Цорки – самые долгоживущие существа во Вселенной, один год их жизни равеняется тридцати земным. Уже только благодаря этому они могут достичь чего угодно в великом космосе. Но их главная цель – наша главная беда. Ибо цорки всегда стремились к одному – к уничтожению других цивилизаций.

Глава 2

Чинкис

Шел только одиннадцатый час утра, а Чинкис, после небольшой разминки, уже отправился принимать водные процедуры. Проходя по холлу мимо огромных, во всю стену, зеркал, он с удовлетворением оглядел свою стройную мускулистую фигуру. Сегодня, в день своего шестисотлетия, он выглядел как четырехсотлетний цорк, родившийся на планете Ала-растрасия и ведущий здоровый образ жизни. Рельефные мускулы мощно перекачивались под упругой кожей, покрытой короткой красной шерстью. Мышцы живота без малейших признаков ожирения плавно облегали выпирающие широкие ребра. Огромная оранжевая грива ниспадала на атлетические плечи и спину, обрамляя бронзовое безволосое лицо без единой морщинки. Остановившись, Чинкис внимательно осмотрел ровные белые зубы и принялся гримасничать, придавая лицу различные выражения. Потом, похлопывая себя по бокам великолепной кисточкой своего длинного пружинистого хвоста, сорвался с места и, разогнавшись, с веселым рычанием бросился в бассейн.

Поныряв и поплавав, он перевернулся на спину и застыл на струях воды, бьющих со дна бассейна. В предвкушении назначенных на сегодня торжественных мероприятий, связанных с его юбилеем, Чинкис улыбался, радуясь предстоящей встрече с близкими, друзьями и знакомыми. Радостно волновало и ожидаемое награждение орденом Фетиуса третьей степени. Впервые в истории аларастрасийской цивилизации космический чистильщик получит высшую награду в таком возрасте. Все обладатели орденов трех степеней получали последний при выходе в отставку, в возрасте семисот пятидесяти – восьмиста лет. Да и то не всегда заслуженно, чаще – благодаря высоким постам.

«Ну, уж про меня такого не скажут!» – подумал Чинкис, довольно поглаживая себя по животу. Он был самым знаменитым и заслуженным чистильщиком во всей Вселенной. Больше пяти тысяч вылетов по всем закоулкам космических миров. Только боевых цивилизаций им было найдено около двухсот. Благодаря чему элитные войсковые силы глубокого рейда никогда не оставались без работы и благоговели перед ним, всегда оказывая всемерную помощь и поддержку. Но не только военные превозносили Чинкиса. Весь ученый мир считал его самым талантливым и удачливым исследователем. Там, где другие не находили ничего примечательного, Чинкис отыскивал потрясающие и уникальные творения природы, стихий и разума. Доставленные им материалы служили почвой для работы многочисленных научных коллективов и давали новые толчки некоторым исследовательским направлениям. А его прекрасные новаторские разработки операций по уничтожению неугодного разума вошли в программы школьного обучения новых пилотов-чистильщиков. Вся Ала-растрасия знала Чинкиса и гордилась им. Пожалуй, среди современников он был самым знаменитым цорком.

И сегодняшний день должен стать лучшим днем в его жизни. Подумать только: орден третьей степени! Фетиуса!!! Этот величайший древний мыслитель, составивший программу развития, был бы счастлив увидеть свои мечты, воплощенные в реальность. В идеях прославленного идеолога и учителя цорков говорится о необходимости уничтожения всех разумных цивилизаций, вид которых отличен от аларастрасийцев. Но ни в коей мере не следует уничтожать миры, породившие разум, а также следует содействовать сохранению хотя бы некоторых видов животных, не обладающих разумом. В особенности возбранялось беспокоить те создания, внешний вид которых близок к цоркам.

Особенно опасными врагами Фетиус считал приматов и наказывал посещать места их обитания в два раза чаще, чем остальные. Его дальновидные предсказания по этому поводу

полностью подтвердились историей. Почти все боевые цивилизации состояли из приматов. Это племя оказалось самым живучим, быстроразмножающимся и необычайно воинственным. Именно приматы доставляли чистильщикам и «глубокорейдникам» наибольшие неприятности и оказывали наибольшее сопротивление. И проявляли при этом удивительную живучесть и наглую сообразительность. Хотя рейды против них всегда заканчивались успешно и деятельность их вырезалась на корню, казалось бы, бесповоротно, пилоты-чистильщики регулярно отыскивали планеты с разумными приматами. Для облегчения этих поисков гениальный ученый Нон изобрел прибор, улавливающий сигнал мозга разумного примата. В среде исследователей космоса и военных даже привилось неофициальное название этого прибора – «Ищи меня!». Как только примат начинает мыслить разумно, сигнал от его мозга устремляется в космическое пространство со скоростью света. На космическом корабле чистильщика находится постоянно включенный прибор Нона, который регистрирует этот сигнал и сразу издает особый звук: мелодию, дающую информацию пилоту. Тот тут же задействует автоматику аварийного выхода из темпорального режима. Тогда скорость падает до полусветовой, и чистильщику достаточно обследовать близлежащие звездные системы, найти, а затем уничтожить врагов. Или, как минимум, вернуть их к начальной стадии развития. Ну а когда приматы обрастают шерстью и начинают жить на деревьях, сигнал разумности, идущий от их мозга, пропадает. Так как великий Фетиус запрещал уничтожать животных, не обладающих разумом, то планета после этого просто фиксируется в памяти компьютера и подлежит проверке через каждые двести лет по времени Аларастрасии.

Правда, были и печальные случаи. Аварийно выйдя на более низкий режим скорости, корабли чистильщиков неожиданно попадали в тиски космических кораблей высокоразвитых приматов и подвергались интенсивным атакам. Корабли аларастрасийцев всех размеров и во все времена строились одинаковой формы. Поэтому те из приматов, которые уже встречались с цивилизацией уничтожителей, сразу пытались или взорвать, или захватить в плен корабль чистильщика. Именно эти сопротивляющиеся, опытные цивилизации приматов и называли боевыми. Вначале подобные случаи были редкостью. Цорки, обладающие совершеннейшим оружием и неизмеримо большим опытом, разносили в пух и прах начинающих космоплателей. А если становилось жарко, прыгали в темпоральный режим и через кратчайшее время возвращались с ощутимой помощью. Силы глубокого рейда всегда находились в боевой готовности и только ждали сигнала для начала операции возмездия.

И все-таки иногда корабли гибли. А ведь случаи неожиданной смерти славных чистильщиков могли иметь весьма чреватые последствия. Великий Фетиус в своих заповедях строжайше запрещал выдавать информацию о местонахождении не только звезды Малтри, вокруг которой вращалась Аларастрасия, но и родной шаровой галактики цорков, хотя галактика эта была прекрасно укрыта со всех сторон черными газовыми и пылевыми туманностями. Когда же возникла реальная угроза пленения или расшифровки информации с уничтоженного корабля, со всей остротой встала проблема выполнения запрета.

Начав суммировать данные, выяснили, что за предыдущие несколько десятилетий семнадцать чистильщиков пропали без вести и все сроки их возвращения давно истекли. Конечно, такие случаи бывали и прежде. Несмотря на все совершенство и неуязвимость аларастрасийских кораблей, в великом космосе всегда возможны тысячи опасных непредсказуемых ситуаций, ведущих к неожиданной гибели как отдельного пилота, так и боевого корабля в целом. Например, было несколько случаев, когда находили корабли цорков, дрейфующие в космосе с мертвым экипажем на борту. В результате сложнейших вычислений и исследований выяснилось, что некоторые из них погибли во время близких вспышек сверхновых. Подробности же смерти остальных так и остались невыясненными. Ясно было одно: они погибли от действия неизвестных излучений.

После чего на всех без исключения кораблях были установлены системы самоликвидации. Сами эти системы были снабжены наивысшей степенью защиты. В случае гибели пилота или выхода из строя даже всех бортовых систем самоликвидация все равно срабатывала и разносила в пух и прах корабль и планету, если таковая находилась поблизости. Когда через некоторое время еще несколько чистильщиков не возвратились, было добавлено еще одно усовершенствование. В корпусах кораблей были установлены мини-бакены, которые при ликвидации корабля разлетались в разные стороны со сверхсветовой скоростью. Более пяти тысяч этих «черных ящиков» с погибшего корабля тысячи лет могли передавать только один позывной: «Я погиб!» Перехватив мини-бакен, любой аларастрасийский корабль, высчитав траекторию его полета, мог определить место гибели своих товарищей и отправить туда силы глубокого рейда. Именно так и была обнаружена боевая цивилизация приматов в галактике ЗКХ128. Война с ней была самой кровавой и продолжительной за всю историю Аларастрасии со времен великого Фетиуса. В огне космических сражений погибла половина флота сил глубокого рейда, а это была пятая часть всего мужского населения планеты. Сам Чинкис свои первые вылеты совершил именно в галактику ЗКХ128 и получил там первое боевое крещение, участвуя в финальной стадии этой тяжелой войны. Победив грозного врага, цорки превратили вражескую галактику в невообразимое месиво из осколков звезд, планет, метеорных потоков и пылегазовых туманностей. Зато участвовавшие инспекции около этих остатков всегда давали отрицательные результаты. Приборы, регистрирующие сигналы от мозга разумных приматов, молчали.

Послышался шум раздвигаемой двери, и Чинкис отвлекся от воспоминаний о своей боевой молодости.

– К тебе можно присоединиться, дорогой?

Изящно ступая по мраморным плитам, к бассейну подходила Кетин, самая молодая жена Чинкиса.

– Даже нужно! – Чинкис стал подплывать к бортику, похлопывая от удовольствия хвостом по воде.

– Автоответчик с самого утра полон поздравлений в твой адрес, но их поступает все больше и больше. – Кетин грациозно прогнулась, томно прикрыв свои огромные зеленые глаза. – А все еще спят... – Промурлыкав это, она кокетливо сложила губки бантиком.

«Ух ты! – подумал Чинкис. – Завожусь как мальчишка! Не мешало бы быть посолидней и сдержанней».

Но не в силах совладать с охватившим все тело возбуждением спросил:

– Так почему же ты еще не в воде?

Ответом ему было мелькнувшее над его головой гибкое тело и взметнувшийся фонтан брызг, лишь на секунду скрывших прекрасную возлюбленную.

На Аларастрасии совместное проживание в браке считалось обязательным не менее пяти лет. После этого прекрасная половина могла выбирать другого мужа или, по взаимному согласию, оставаться жить с прежним. Но если у них за это время не появлялись наследники, мужчина был обязан взять новую жену и не обязательно при этом расставаться со старой. Обусловлено это было очень низкой рождаемостью, которую не компенсировала даже огромная продолжительность жизни: восемьсот пятьдесят – девятьсот лет. Дети рождались только парами, и были эти пары всегда разнополыми. В среднем у аларастрасийца за всю жизнь рождались одна-две пары детей, реже три или ни одной. Поэтому численность семей была разная. У кого-то было до десяти жен одновременно, а у кого-то одна-две. Этому способствовала большая количественная разница между мужским и женским населением цоркской цивилизации. Что обуславливалось высокой смертностью воинов и невероятным уровнем охраны жизни женщин.

Единственное, чего не было у Чинкиса, так это детей. Регулярно заводя новых жен, он горел желанием оставить после себя наследника, который бы продолжал его славные дела, стал поддержкой рода и гордостью отца. Но шли годы безрезультатных ожиданий, и Чинкис постепенно свыкся с мыслью, что лишен возможности иметь детей из-за огромных воздействий космоса, выпавших на его долю. До недавнего времени с ним постоянно жили только две самые близкие жены из тех, что когда-то находились с ним под одной крышей. Чинкис даже принял решение не брать новых жен, так как после пятисотлетнего возраста возможность иметь ребенка практически сводилась к нулю.

Но год назад на одном из приемов начинающая телеведущая проявила такую целеустремленность и напор, а чуть позже – и такую страсть, что Чинкис с удовольствием сдался. И ни разу потом об этом не пожалел. Тридцатилетняя Кетин прекрасно вошла в его семью, став любимицей старших жен и настоящим плодом сладострастия, любви и нежности для Чинкиса.

Вдоволь насладившись бурными любовными утехами, Чинкис и Кетин растянулись на диване, укрывшись сабенситовыми полотенцами.

– Самое лучшее поздравление я получил только что! – сказал Чинкис, все еще вздрагивая от приятной истомы.

– А вот и нет. – Кетин игриво укусила его за плечо. – Мой подарок ждет тебя за пять минут до полуночи!

– А почему так поздно?

– Мой подарок должен быть последним в твой день рождения – и самым лучшим.

– Но разве может быть что-то лучше?

Чинкис попытался обнять жену, но та ловко вывернулась и вскочила с дивана.

– Поверь мне, может! – И улыбнулась одной из своих самых обворожительных улыбок.

– Тогда я не дожусь, сутки такие длинные. – Он тоже встал и, приняв позу крадущегося охотника, стал упрашивать: – Зачем так долго ждать?

Потом он игриво бросился к Кетин.

Но та неожиданно бросила в него полотенце и, пока Чинкис срывал его с головы, уже оказалась в дверном проеме.

– В сутках всего лишь тридцать часов, – назидательно изрекла она. – И потом, дорогой, у нас масса дел, хлопот и назначенных мероприятий. – И, поворачиваясь к двери, добавила: – Я жду тебя в кабинете.

– Ну, радость моя, погоди, – притворно грозно зарычал Чинкис, – я дожусь конца дня, а тогда...

– Вот тогда и посмотрим... на что ты способен! – И, игриво виляя пикантной частью тела, Кетин скрылась за поворотом коридора.

Зайдя через некоторое время в свой кабинет, Чинкис увидел целые кипы поздравительных телеграмм, писем и подарков, которые громоздились на чем попало, занимая уже чуть ли не треть огромного помещения. А автоматический приемник почты щелкал не переставая, ставя на каждой новой корреспонденции дату и время получения. Кетин еле успевала вынимать почту из контейнера и кое-как ее рассортировывать.

– Какой кошмар! – запричитал Чинкис. – Да я до следующего юбилея всего не перечитаю!

– Давай отключим приемник, – предложила молодая жена, – а когда я все разложу, включим снова.

– Нельзя, воздержимся от этого хотя бы до семнадцати часов, – попросил Чинкис и пояснил: – Иначе сразу отключатся устройства отправки и у поздравляющих загорится над-

пись «Адресат выключен», а это, знаешь ли, как-то неловко. Тем более в такой день. Так что зови остальных моих женушек, вскрывайте и просматривайте. Самое важное ко мне на стол, а остальное на стеллажи в архив, будем читать на досуге.

– А что делать с видеотелефоном? Сигнал вызова горит постоянно, автоответчик отвечает сразу по нескольким линиям. Может, хочешь хоть с кем-нибудь поговорить?

– Ну уж нет! Тут я могу не бояться поставить себя в неловкое положение. Разве что меня экстренно захочет видеть кто-нибудь из высшего совета управления. А они могут связаться со мной и через наручный монитор. Кто хочет меня просто увидеть, пусть наблюдает за церемонией награждения в пантеоне славы. А там, кстати, будут все, кого хотел бы увидеть я, разве что за редким исключением.

– Интересно, дорогой, неужели есть кто-то, не оказывающий тебе должного уважения? – Говоря это, Кетин в гневе швырнула целый ворох почты обратно в контейнер.

– Уважать-то они меня уважают, – Чинкис с улыбкой глядел на рассерженную супругу, – но я их не уважаю да и вообще терпеть не могу. Ты же знаешь этих мягкотелых либералов-пацифистов. Постоянно нудят о гуманности и чуть ли не о любви к этим гуманоидным тварям! Тьфу, мерзость какая! Обнаглели до такой степени, что поговаривают о пересмотре законов великого Фетиуса. Хотят открыть исторические архивы для всеобщего доступа! Те самые, которые великий Фетиус завещал лишь высшему совету. Лишь ему он давал право сокрытия или обнародования той части истории, которая нам неизвестна.

Теперь уже Кетин пыталась успокоить мужа:

– Милый не расстраивайся из-за каких-то отщепенцев.

– Да их вообще надо изолировать от общества!

– Вот станешь членом высшего совета управления, продвинешь новый закон об этом – и все будет в порядке.

– Конечно стану... Но когда это еще будет. – Чинкис взъерошил свою оранжевую гриву. – А вообще, если честно, мне уже сейчас хотелось бы покопаться в архивах.

В этот момент в кабинет вошли Велида и Соро с подарками и принялись поздравлять юбиляра. Соро, прожившая полтора века с Чинкисом, после нежных поцелуев вручила ему огромный торт с ароматными сливами, которые росли только в одном месте во всей Вселенной – на планете Плиут. Соро славилась своими кулинарными способностями на весь город и прекрасно знала, что плиутские сливы – любимое лакомство Чинкиса. Тут же, по традиции, Чинкис разрезал этот шедевр кулинарного искусства и угостил каждую жену потрясающе пахнущей порцией торта. А сам с довольным урчанием приговорил добрую треть десерта, от которого не отказался бы и на смертном одре. А на обещание Соро удивить его и гостей на торжественном банкете, который должен был начаться в 25.00, радостно закивал головой и воскликнул:

– Да! Если умирать, то только так!

Потом наступила очередь для поздравлений старшей жены. Четырехсотлетняя Велида, вступившая в брак с Чинкисом в тридцать пять лет, была известна всей цивилизации как гениальная поэтесса и писательница. Она входила в состав руководства развлекательной индустрии и принимала самое деятельнейшее участие во всей культурной жизни Аларастрасии. Если от Кетин Чинкис таял, а без Соро не мог «вкусно» жить, то Велида была самой большой его гордостью и возвращала и без того немалое тщеславие. Хотя Чинкис иногда и ревновал Велиду к ее успехам, но всегда радовался мысли, что нет пары, более известной, чем он и его старшая жена. О каждом из них знал каждый аларастрасиец в каждом уголке их огромного мира.

Вот и сейчас Велида продемонстрировала свой талант: написала в подарок Чинкису прекрасную поэму о его жизни и подвигах. С удовольствием выслушав ее непревзойденную

декламацию и принимая поэму и поцелуи в подарок, зардевшийся от удовольствия юбиляр спросил:

– Неужели это все обо мне?

– Да, мой герой, о тебе! – Велида продолжала нежно обнимать мужа. – И сегодня эту поэму опубликуют во всех печатных изданиях и прочитают в специальной программе, посвященной твоему юбилею. Эта передача будет перед самой трансляцией церемонии награждения из Пантеона Славы.

– О-о-о! – Растроганный Чинкис крепко сжал Велиду в объятиях. – Если бы обо мне никто не знал, то после твоей поэмы я стал бы самым известным во Вселенной!

– Милый, ты и так не нуждаешься ни в какой рекламе!

Потом все три жены встали рядом, многозначительно переглянулись, и вновь слово взяла самая старшая:

– А сейчас, после подарка для души, прими от нас троих еще подарок для тела.

С этими словами Велида достала из футляра, покрытого черными защитными пластинами, вещь немыслимой красоты, ранее, наверное, еще никем не виданной. Это был венок, сплетенный из небольших алмазных стебельков синего цвета. На конце каждого стебелька ярко рдел готовый вот-вот раскрыться алмазный бутон. Подобный шедевр ювелирного искусства стоил целого большого состояния, и вряд ли даже у самых богатых аларастрасийцев было нечто подобное. Алмазные цветы росли на планете Сукрис, при пятикратной силе тяжести, в глубочайших пещерах с ядовитой атмосферой. Гибкими были только молодые побеги, и такими они оставались не больше получаса после того, как их срывали. Даже для Чинкиса, считающего, что нет ничего невозможного, было загадкой, как это кто-то умудрился в подобных условиях создать такое чудо. Ему приходилось видеть раньше два, три, максимум пять стебельков, сплетенных в заколку, брошь или браслет. Но такое!..

– Лучшему мужу и лучшему воину! – торжественно провозгласила Велида и надела венок на голову Чинкиса. – Я вижу, этот подарок тебе тоже понравился, – добавила она, глядя на ошеломленного супруга.

– У меня нет слов, – прошептал Чинкис, чувствуя, как с покалывающим теплом от головы по всему телу прокатилась волна блаженства и бодрости.

Помимо эстетического удовольствия немного радиоактивные сукрисанские алмазы оказывали благотворное влияние на организм аларастрасийцев. Звезда Малтри, вокруг которой вращалась их планета со своими двумя спутниками, тоже поставляла немало радиации, благодаря чему цорки и жили так долго. Но сукрисанские алмазы давали дополнительную энергию, мобилизуя работу всего организма, особенно умственную деятельность. Считалось, что эти украшения добавляют минимум лет пятьдесят жизни. И хотя согревающая лучистая энергия алмазов со временем истощалась, владение ими давало цорку неоспоримое преимущество в здоровье и ясности ума.

– Я даже не знаю, можно ли мне спросить. Как... – начал было Чинкис, но Велида его перебила:

– Нельзя, дорогой. И не спрашивай. Просто мы все хотим, чтобы ты прожил еще как минимум столько же.

– Да, такого в моей жизни еще не было! – Лицо таящего от счастья и удовольствия Чинкиса стало по-детски простым и наивным.

– В твоей жизни еще много чего не было, – сказала старшая жена и, загадочно переглянувшись с Соро, невинно спросила у Кетин: – А ты еще не поздравляла?

– Нет! Я сделаю это, как и обещала, за пять минут до конца суток.

Чинкис от удивления затряс головой:

– Пойдите! Опять какой-то сговор? А я даже не догадываюсь какой.

– Не беспокойся, родной. – Подошедшая Соро погладила Чинкиса по всей длине спины. – Просто мы беспокоимся о тебе – вот и растягиваем удовольствие на весь день. Нельзя же все сразу. Надо, чтобы весь этот день запомнился тебе как самый счастливый день в твоей жизни.

– Вот получу орден, отгуляем банкет – и счастливее меня не будет на целом свете! – похвастался Чинкис. – Разве я могу быть еще счастливее?

– Можешь, можешь! – радостно захихикали его женушки, а Велида добавила:

– Ну все, девочки, за работу, а то почта сейчас заблокируется.

– Давайте вывалим все на стол, – предложила Кетин и ухватила за край контейнера.

– Лучше собирай с пола, – неожиданно возразила Велида и мягко, но настойчиво оттолкнула Кетин плечом. – Давай, Соро, хватай!

И, радостно взвизгнув, обе женщины со смехом вывалили содержимое на огромный стол.

После этого все втроем весело принялись за работу, переговариваясь о чем-то своем и хитро поглядывая в сторону озадаченного Чинкиса.

– Во сколько вылетаем? – спросила Соро.

– В семнадцать ноль-ноль будьте готовы. Меня просили прибыть в семнадцать тридцать, – ответил Чинкис.

– Хотят все подготовить заранее, – пояснила Кетин.

– А парадную форму тебе приготовить? – неожиданно спросила Велида.

– Ну нет! Ты же знаешь, это я делаю сам, – сказал Чинкис и, спохватившись, подумал: «Ого! Уже шестнадцатый час, до церемонии меньше четырех часов, а у меня еще ничего не готово. Хотя... После таких подарков ничего больше и не нужно!» Затем он вздохнул: – Хотел бы быть все время с вами, но в бой отечество зовет!

И, по несколько раз поцеловав каждую жену в щечки и губки, делано маршируя, как молодой новобранец, под одобрительные аплодисменты и улюлюканье, он отправился в свои личные апартаменты.

А личные апартаменты, занимавшие почти весь второй этаж, представляли собой огромный музей, совмещенный с арсеналом. Здесь были редчайшие экземпляры творений природы и разума, собранные Чинкисом за долгие годы – с первых полетов по закоулкам Вселенной. На планете было немало подобных трехэтажных особняков, но вряд ли кто мог похвастать подобной коллекцией прекрасных вещей, в особенности же – разнообразными видами оружия ближнего и среднего боя, которые Чинкис собирал с особой любовью и завидным постоянством. Каждый предмет он старался привезти в нескольких экземплярах: один-два для Научного или Исторического департамента и обязательно один для себя лично. Но были и уникальные вещи, хранившиеся только у него. Немногие счастливчики, которые, по мнению Чинкиса, были достойны посетить музей, попадали в анфилады комнат и залов, в которых хранились бесценные плоды мечтаний каждого коллекционера.

Все было расставлено строго в хронологическом порядке. Первая комната: первые вылеты и первые награды, первые экспонаты и первое трофейное оружие из разгромленной галактики ЗКХ128. И так, все дальше и дальше продвигаясь по лабиринтам личного музея Чинкиса, посетитель знакомился не только с интересующими его предметами, но и с географией полетов и биографией хозяина, вплоть до самого недавнего прошлого. Чинкис в последнее время сетовал на почти полное отсутствие пустых помещений для расширения музея. Еще до брака с Кетин он уговорил Велиду (что, как он полагал, само по себе было подвигом, достойным занесения в анналы истории) освободить от ее личной библиотеки два больших зала: они были необходимы для успешного «продвижения» его музея по второму этажу. За это Чинкису пришлось отдать четыре свои личные комнаты на третьем этаже, рядом с комнатами старшей жены. А тут в их семью вошла Кетин. А ведь ей тоже необхо-

димы помещения – для отдыха, развлечений, работы, личных вещей. Да и две-три комнаты для гостей. Стал назревать конфликт. Но Чинкис с честью вышел и из него. На семейном совете он торжественно пообещал, что сразу же после юбилея приступит к строительству небольшого крыла, примыкающего к особняку. В этом случае все были бы довольны. Кетин имела бы свою часть здания, коллекционер – новое пространство для расширения своего музея, и еще кое-что осталось бы на случай непредвиденных обстоятельств. А тут еще Соро заявила, что она уже все просчитала, и потребовала первый этаж предполагаемой постройки под новый кондитерский цех и подсобные помещения. Никаких возражений не поступило, скорее наоборот – на том и порешили.

Чинкис, проходя по музею в свою гардеробную, задумался о предстоящем строительстве. «Главное, не завязнуть в долгострое, построить действительно небольшое крыло. А то размахнусь, пожадничая – и на год-два выбьюсь из графика полетов». Конечно, он мог полностью свалить все хлопоты на плечи строителей, к тому же лучших. Но желание многое сделать своими руками, желание присутствовать на всех этапах строительства не позволяло ему так поступить.

Отвлечшись на хозяйственные размышления, Чинкис чуть не опрокинул подставку с хитроумным метательным оружием из системы Змеи, пятой СБ-галактики. От нахлынувших воспоминаний нервным тиком дернулась щека со старым шрамом. Чинкис в мельчайших деталях вспомнил момент, когда это оружие, стремительно вращаясь, с легкостью пробило центральный иллюминатор, полоснуло по щеке, срезало часть его гривы и с противным визгом застряло в бронированных переборках позади пилотской каюты. До этого диск, словно не замечая никаких препятствий, прошел через энергетический щит, который не пропускал даже самые мощные лазерные залпы. По данным расследования, энергощит даже не было надобности включать. Спасли Чинкиса только отменная реакция да еще палец, все время лежавший на кнопке аварийного старта. Сомкнувшаяся наружу броня отразила при взлете более сотни кромсающих ударов, и только чудо спасло корабль от уничтожения. Исследования этого опаснейшего оружия, названного Чинкисом «Цветок огня», выявили полнейшее равнодушие страшной вещицы к любым видам энергии. Состоял диск из пребывающих в спячке бактерий и сам по себе был совершенно безобиден. Но если перед запуском смазать его специальной слизью, то бактерии, проснувшись, не только усилят вращающий момент, но и создадут особое биополе, которое пробьет все на пути диска. А Чинкис наивно думал, сидя перед иллюминатором и разглядывая мечущихся вокруг силового щита восьмиметровых ящериц: «Что это они хлопают себя тарелками по осклизлым бокам? Ритуальный танец, что ли?» Хорошо, что не засмотрелся! Потом, конечно, было справедливое возмездие. Чинкис осушил эту болотистую дождливую планету и превратил ее в раскаленную песчаную пустыню. Ликвидировал всю среду обитания, в которой размножались любящие влагу земноводные. Правда, нескольких гадов он все-таки выловил, парализовав, – и привез домой. Благодаря этой предусмотрительности и удалось выяснить состав слизи, необходимый для пробуждения «Цветка огня». Теперь «Цветок» работал на благо Аларастрасии.

Чинкис поправил подставку и заспешил дальше. Уже подходя к гардеробной, он вспомнил: «Кстати, а как там идут исследования “чинка-четыре-ста шестьдесят семь”? Хотелось бы поскорей иметь броню из этого материала. Что-то исследовательский центр молчит и не шевелится. Надо будет поболтать с Устликом: столько лет топчется на одном месте. Хорошо, что он тоже будет на банкете! Вот попадетсЯ он мне, не посмотрю, что друг, все выскажу. Я им такое чудо доставил, а они столько лет без толку работают».

Войдя в помещение, в котором размещались все виды его формы – мундиры и многочисленные аксессуары к ним, Чинкис был вынужден полностью сосредоточиться на выборе одежды, которая лучше всего подошла бы для торжественной церемонии. Он всегда сам тщательно выбирал детали одежды, а также награды и украшения. Над чем, кстати, неод-

нократно подшучивали его жены, особенно Велида. Но Чинкис считал подобные шутки неуместными и делал вид, что не понимает их. Во внешнем облике, как и в выборе оружия, должна проявляться индивидуальность цорка, особенно же – мужчины, и стократ – мужчины, у которого такая многогранная профессия, как чистильщик.

Сняв с головы подарок и еще раз восхищенно полюбовавшись им, юбиляр бережно положил алмазный венок на стол, пожалев, что не захватил футляр, и раздвинул двери своего гардероба.

Через час с небольшим Чинкис, совершенно преображенный, прохаживался по фойе своего дома в ожидании опаздывающих жен. Придирчиво оглядывая себя в огромном зеркале, он иногда поправлял то одну, то другую деталь одежды. Его волосы, уложенные в специальный разноцветный чехол из плотной материи, венчал держащийся на специальных зажимах венок из сукрисанских алмазов. От затылка, соединенные перемычками вокруг ушей, шли два изящных черных ремешка, и еще один, с шестью бриллиантами, опоясывал лоб. И наконец, четвертый прижимал к подбородку облегающую чашечку из чистого отполированного серебра. Серебряный подбородник обозначал принадлежность Чинкиса к когорте чистильщиков, а шесть алмазов – число сотен лет, прожитых их владельцем. Грудь украшали две выпуклые защитные пластины из тончайшего анолитового сплава, который применялся для изготовления брони. Руки Чинкиса обвивали многочисленные браслеты и сложно сплетенные ремни. Они являлись не только украшениями, но и частью формы парадного мундира. За спиной располагался огромный щит, который с двух сторон покрывала ярко-синяя мантия. Состоящий из почти невесомого, но очень прочного пластика, щит был почти в метр шириной и в полтора высотой, доставая от колен до гривы. Крепился он к специальному каркасу, который, в свою очередь, прижимался ремнями к плечам, груди и животу.

От пояса почти до самых щиколоток спускалась юбка-кельт из позолоченных металлических пластин. Ноги были обуты в плотно облегающие коричневые сапоги на мягкой нескользящей подошве. К пяткам каблучков были прикручены короткие серебряные шипы, которые, в отличие от боевых шипов космического комбинезона, были просто украшением.

Все это великолепное убранство дополняли два ордена Фетиуса, красующиеся на нагрудных пластинах. Орден Фетиуса третьей степени вешался на шею на широкой атласной ленте – посредине и чуть выше предыдущих. На орденах, переливающихся глубиной трехмерного изображения, был запечатлен сам Великий Фетиус, рассыпающий из ладоней целые водопады звезд на оранжевую планету.

Раздался быстрый топот ног, и по лестнице сбежали Велида, Соро и Кетин. Остановившись внизу, они наперебой закричали:

– Виват! С днем рождения! Ура, ура! Ты лучше всех! Браво, браво! – и с воодушевлением захлопали в ладоши.

Чинкис церемонно поклонился и сделал приглашающий жест к выходу:

– Милые дамы! Транспорт подан, и кучер вас заждался!

– Ну нет! Сегодня тебе никто из нас не доверит управления! Сегодня мы тебя лелеем и пальцем о палец ударить не дадим! – С этими словами жены подхватили под руки довольного юбиляра и, смеясь, повели к выходу.

Когда они вошли в просторный флайер, напоминающий вытянутую кверху каплю, женщины расселись в удобных креслах и Велида переключила управление на себя. Чинкис, который мог только стоять в своем парадном костюме, скомандовал: «Вперед!» И флайер бесшумно взмыл в сияющее розовое небо.

И вновь Земля шесть тысяч лет назад. Третья линия повествования – Город. Всего одно слово. Хотя всех слов мироздания не хватило бы, чтобы описать красоту и потрясающее величие Хрустального города, который искусственно сотворенным островом взды-

мается из глубин океана к синему небу. Не было более сильного и великого государства на нашей планете того времени, как не было сил у других народов, чтобы одолеть защитников и поклонников великой и таинственной Матери Пирамиды. Но жителям Города не приходится почивать на лаврах, они тоже живут и борются за свое счастье и пытаются улучшить жизнь земной цивилизации. Их технические достижения достойны восхищения и удивления: радио, удобные автомобили, самолеты, уникальные нетонущие корабли, цветная фотография, попытки достичь космического вакуума и исследовать самые большие глубины Мирового океана. И основной базой этих достижений является уникальный артефакт Вселенной – пузыритовая Пирамида.

Глава 3

Город

– Эй, Халли! – Пожилой моряк, перегнувшись через леер, всматривался в полутемный трюм. – Выходи на палубу! Ты просил позвать, когда появятся первые летающие дельфины!

Вскоре по трапу поднялась долговязая фигура, с ног до головы укутанная в белые ниспадающие одеяния. Щурясь от яркого солнечного света, их обладатель, сделав несколько неверных шагов по палубе, крепко ухватился за ограждающий леер. Тяжело дыша и пытаясь сглотнуть подступающую к горлу тошноту, он окинул взглядом лениво катящиеся в безбрежность морские валы. Изящное судно рассекало волны с мягким приятным шелестом, то поднимаясь на самую вершину, то плавно проваливаясь меж голубых горok. Но даже эта небольшая качка вызвала у Халли новый приступ морской болезни, заставив перегнуться за борт, – и тогда его желудок отреагировал адекватно.

– Да... Пожалуй, морского волка из тебя не получится, – с лукавой улыбкой проворковал моряк, боцманские функции которого на корабле не вызывали сомнений. В свои пятьдесят шесть лет Донтер выглядел как профессиональный борец. Сто пять килограммов веса при росте сто восемьдесят шесть сантиметров таили в себе сокрушающую мощь стальных мускулов, не обремененных жиром. И только седина в коротких курчавых волосах выдавала солидный возраст. Морщинки у глаз делали его лицо приветливым и добродушным, а постоянная улыбка вызвала у собеседника желание поделиться самым сокровенным. Но сейчас он рассматривал юношу с явной иронией.

– А я-то всегда думал, что у вас все привыкли ездить на верблюдах и легко переносят любую качку.

Халли, достав откуда-то из своих одежд белый батистовый платок, не спеша вытер позеленевшие от морских страданий губы и с нескрываемым высокомерием повернулся к боцману.

– Милый Донтер! У нас на верблюдах ездят только нищие да пастухи. Дороги прекрасные, транспорт – самый современный, и не только на рессорах, но и с модными сейчас амортизаторами. Так что даже на большой скорости можно читать книгу.

– У вас уже и амортизаторы научились делать? – с притворным удивлением спросил боцман.

– Нет, к сожалению. И вы это прекрасно знаете! – Халли устало потер набухшие веки. – Но мы не отсталые дикари. И у нас есть свои прекрасные ученые, которые со временем изобретут то, что поставит нас с вами в равные условия.

– Равные условия? А разве мы торгуем, ущемляя чьи-то интересы?

– Я совсем не это имел в виду! – Досадливо крутанув головой, Халли снова полез за платком. – Дело в том, что, обладая современной и самой передовой технологией, Океания не хочет ее продавать и использует нас в качестве аграрного придатка: не дает развить свою промышленность. И в этом ваша политика нам не нравится!

– Ну, Халли! Я человек простой, в политику не лезу! – Боцман добродушно рассмеялся и вдруг показал рукой за борт: – Кстати, дельфины готовятся взлетать!

Метрах в двадцати от левого борта, двигаясь параллельно курсу судна, среди лазурных волн мелькали темные спины двух дельфинов. Стремительно двигаясь на небольшой глубине, они совершали волнообразные движения вверх-вниз, с каждым разом все больше и больше выбрасывая тело на поверхность. И вот они уже всем корпусом выпрыгивают из воды. Прыжки становятся все выше, достигая трех метров над волнами. В конце концов дельфины нырнули так глубоко, что наблюдающие потеряли их из виду.

– Халли, смотри! – Донтер, который видел подобное не раз, указал пальцем на место метрах в пятнадцати дальше по курсу. – Сейчас они там взлетят!

Точно в том месте в ореоле разлетающихся во все стороны брызг взметнулись вверх два гибких блестящих тела. Последний удар хвостовых плавников вспенил воду и подбросил дельфинов на высоту более четырех метров. Вылетев из воды под острым углом, они замерли на мгновение в наивысшей точке траектории и, как бы коснувшись невидимого для человека луча, заскользили вперед по прямой линии, полого поднимающейся над уровнем горизонта. Капли воды, стекая с расправленных плавников, сверкали в лучах солнца, как драгоценные камешки, оброненные щедрой рукой доброго волшебника.

– Это чудо! – В возбуждении Халли так сжал руками поручни, что побелели костяшки пальцев. Позабыв про все на свете, он с волнением наблюдал за удаляющимися дельфинами, которые постепенно увеличивали скорость и высоту полета.

– Что чудо, то чудо. – Донтер грустно улыбнулся, взглянув на Халли. – Если бы наш кораблик мог так летать. Всю жизнь об этом мечтаю. – Боцман завистливо поглядел вслед дельфинам. – Может, когда люди и додумаются, в чем тут секрет. Тогда и морские корабли будут летать.

Халли, совершенно позабывший о своей морской хвори, всем корпусом повернулся к боцману и, не скрывая волнения, спросил:

– Донтер! Вы опытный моряк и знаете про дельфинов все. Почему же они не летают в Среднем море и почему не летают над сушей? Почему летают только к Пирамиде и от нее? Верно ли, что они делятся с Океанией своими секретами? Столько легенд... Что в них правда, а что – вымысел?

– Как же я тебе сразу все могу рассказать? – с удивлением спросил боцман и с гордостью добавил: – Про это можно говорить сутками, и то всего не расскажешь.

– А вы заходите к нам в каюту. Заодно пропустим по паре стаканчиков вина. Из лучших запасов! Уж насчет вина вы не будете спорить: лучшее вино – у нас, в Хардии.

– А я и не спорю! Что лучшее, то лучшее!

– Ну так милости прошу. И Тайра будет очень рада вас послушать.

– Да, кстати, – с участием спросил боцман, – как она себя чувствует? Ведь она еще ни разу не вышла на палубу за четыре дня плавания!

Ему еще не довелось видеть девушку, так как при посадке он занимался погрузкой слитков серебра. Но те моряки, которые помогали грузить багаж, с восхищением рассказывали, какая это редкостная красавица.

– Увы, сестра не может даже выйти из каюты. Лежит пластом. – Халли скорбно вздохнул. – На ее фоне даже я смотрюсь как бывалый моряк.

– Женщинам всегда тяжелее, особенно в начале плавания. Зато потом они быстрее адаптируются. – Боцман глянул на волны, окинул взглядом горизонт и добавил: – Море успокаивается, через час-полтора станет как зеркало, и, я думаю, штиль добавит удовольствия вашему путешествию.

– Тем приятнее будет видеть вас гостем в наших апартаментах. – Халли сделал гостеприимный жест в сторону трапа, по которому сам поднялся совсем еще недавно.

– Я с удовольствием зайду, но чуть позже. Все-таки служба есть служба, – оправдывался Донтер. – Сделаю обход – и через часик буду у вас.

– Договорились, будем ждать.

Боцман кивнул головой, повернулся и уверенной походкой отправился по своим делам. Халли еще раз внимательно осмотрел окружающую морскую поверхность, очевидно, в поисках дельфинов, но больше ничего интересного не заметил и спустился по трапу в свою каюту.

Прошло чуть больше часа. Море засыпало. Оно уже не играло стремительно несущимся по его волнам изящным корабликом. Лишь иногда, как бы вздыхая, легкой зыбью кренило судно набок.

А боцман Донтер, прикрыв от удовольствия глаза, сделал первый глоток ароматного красного вина. Удобно расположившись в низких мягких креслах, он и Халли сидели напротив изящной тахты, на которой полулежала смуглая молодая девушка. Между ними находился длинный узкий стол с выступающим вверх кантом и с несколькими углублениями в центре. В этих углублениях красовались разного цвета бутылки, маня жаждущих самой дивной формой и уникальным содержимым. В глубоких, с прекрасными росписями тарелках лежали свежие и вяленые фрукты, разнообразные сладости и печенья. Из высокой фарфоровой пиалы доносился нежный запах чая, заваренного на лучших травах.

– Бесподобно! За бочку такого вина отдал бы что угодно. – Причмокивая, Донтер разглядывал вино в бокале на свет.

– Нет, нет, – засмеялась смуглая красавица. – Ничего не надо отдавать. Только побольше интересных историй. Другие моряки говорили Халли, что вы самый знающий мореплаватель и лучший рассказчик.

– Постараюсь не опровергнуть лестную для меня молву. Тем более что это мое хобби. Все свободное время я занимаюсь выискиванием чего-то нового – такого, что мне еще не было известно про дельфинов. В любой библиотеке, в любом порту ищу книги на эту тему. Если узнаю, что кто-то стал очевидцем чего-то необычного, интересного, – сразу же пытаюсь с ним встретиться и лично услышать все детали и подробности. И, поверьте, никогда не бываю этими встречами разочарован. Вот вы, например, знаете, что дельфины не летают над сушей?

– Ну, это общеизвестно. – Тайра, приподняв плечико, продемонстрировала свою осведомленность.

– А я вот недавно узнал об одном острове на севере Восточного континента, который находится почти на самой границе обитания дельфинов. Рассказал мне о нем бывший моряк пиратского судна, которого ваши имперские корабли захватили и продали в рабство хозяину пирса, возле которого мы швартовались. – Донтер брезгливо поморщился. – Я, конечно, не перевариваю пиратов, но как в вашей цивилизованной стране продолжает оставаться такой пережиток, как рабство?

– Но вы же сами недавно говорили, что мы отстаем и ездим на верблюдах. – Халли засмеялся и протянул боцману тарелку с фруктами. – Угощайтесь, пожалуйста. А если говорить серьезно, то в империи как раз проходят важные общественные реформы, которые, как мы все надеемся, приведут к полной отмене этого устаревшего отношения человека к человеку.

– Да уж... хотелось бы. Но возвращаюсь к рассказу бывшего пирата. Он показал мне этот островок на карте и очень живо описывал, как стадо дельфинов заходит за остров, берет направление строго на Океанию – и взлетает. Но, перелетев остров, они не продолжают двигаться дальше вверх, а резко опускаются в воду. И так – каждый день около полудня. Меня это так заинтересовало, что я обязательно постараюсь попасть если не в специальную экспедицию, то хотя бы на любой корабль, плывущий в те края.

– А что же тут интересного? – Девушка изящной ручкой взяла крупный апельсин и стала его чистить. – Ведь они и над Океанией пролетают?

– Да, пролетают. Прямо над вершиной Пирамиды, только парами и очень, очень редко. Поэтому это не имеет большого значения. Но в нашей истории есть много случаев, когда стая дельфинов, пролетая над Океанией, тем самым предупреждала о надвигающейся опасности. И опасность эта приходила с той стороны, откуда летели дельфины. Притом, чем больше было стадо, тем большая опасность грозила Городу.

– Странно, мы о таком никогда не слышали.

– Ну еще бы. Последний раз это было еще во времена молодости моего деда, лет пятьдесят назад. Раньше дельфины предупреждали в основном о цунами, но после возведения большой Стены сто пятьдесят лет назад и увеличения Океании до современных размеров любые, даже самые огромные волны уже не могли причинить вред. И дельфины, как будто почувствовав нашу защищенность, не пролетали стадом лет сто. Поэтому, как рассказывал дед, при последнем перелете над Пирамидой все не на шутку переполошились. Думали, что идет гигантское цунами, всех эвакуировали на верхние уровни, корабли спешно вывели в открытое море, установили постоянное дежурство. А на следующий день с севера теплым течением стало приносить многочисленные трупы гигантских кашалотов. Так как все были предупреждены, к этому редкому явлению отнеслись должным образом. И меры предосторожности оказались не напрасными. Все умершие животные были заражены опасным для человека вирусным заболеванием. Эпидемиологи оказались на высоте – за два дня сделали сыворотку для прививок, но жертв все-таки избежать не удалось. Особенно на Северном бастионе, где от болезни погибло несколько тысяч человек. Ведь именно им пришлось больше всего сражаться с инфекцией, сжигая из огнеметов разлагающиеся останки китов и толстую пленку всякой мерзости, кишевшей на поверхности воды.

– Вы видите какую-то связь? – Халли налил боцману полный бокал. – Предполагаете, что тому острову грозит какая-то беда?

Казалось, Донтер не заметил, с какой заинтересованностью – явно излишней – пассажиры ждали ответа на вопрос. Он выпил свое вино до дна, с удовольствием крякнул, вытер губы и ответил:

– Да нет. Остров совершенно необитаем, и опасаться там чего-либо некому. Просто мне кажется, дельфины над этим островом проводят тренировки, скорее всего, просто учат летать молодняк.

– А с какого возраста они умеют летать?

– Около года со дня рождения. Подобные полеты были уже не раз замечены, причем именно на южных и северных границах теплых вод. Я сам несколько раз наблюдал подобное возле южной оконечности вашего континента. Так дельфины учат подрастающее поколение правильно взлетать и приводняться, а также ориентироваться строго на Океанию. Правда, делают они это просто над океаном, хотя, может, и там есть необитаемые островки, о которых мы просто еще не слышали.

– Те дельфины, которых мы с вами видели, – неожиданно спросил Халли, – насколько они быстрее нашего корабля и когда достигнут Хрустального города? Ведь так, по-моему, называют Океанию те, кто бывал там раньше?

– Да. Когда вы увидите бастионы и стены со шпилями, переливающиеся в лучах солнца, сами поймете, откуда такое название. И уже никогда не забудете свое первое впечатление от встречи с самым прекрасным местом на Земле. А по поводу тех дельфинов, – Донтер немного задумался, – так это, как им заблагорассудится. Мы прибудем завтра еще при свете, а они, если вдруг не испортится погода, будут там уже сегодня, в сумерках. Если вообще не опустятся в океан через час-два полета.

– А я думал, они тоже пролетят над Пирамидой.

– Не обязательно. Да и вообще, на пролетающие пары редко кто обращает внимание. Другое дело, когда они взлетают возле корабля. Все наши моряки думают, что дельфины делают это специально, чтобы ими полюбовались.

– Как хочется, чтобы это плавание поскорее закончилось.

Встав с тахты, Тайра подняла вверх руки и изящно потянулась. При виде ее стройного тела, проступающего через полупрозрачные одеяния, мужчины замерли: Халли побледнел, а Донтер, наоборот, стал краснеть и покрываться испариной.

– Мечтаю побывать на ваших праздниках, молва о которых идет по всему миру. Говорят, к вам съезжаются лучшие танцовщицы со всех стран?

Донтер проглотил скопившуюся слюну и промямлил:

– Ну... Они не идут ни в какое сравнение с вами.

– Вы начинаете мне льстить? – Девушка засмеялась, увидев смущение боцмана. Потом хлопнула в ладоши и плавно развела руки в стороны. – Просто я ужасно люблю танцевать, а здесь даже некуда выйти, все время в каюте, никаких увеселительных мероприятий.

– Но, сестричка! Это же грузовое судно, а не круизный лайнер, – с холодными нотками в голосе проговорил Халли.

– Да, да. Здесь мы редко устраиваем пирушки. Разве что по поводу чьего-нибудь дня рождения.

Донтер, не отрывая глаз, смотрел на красавицу, которая тем временем села на тахту и, раскинув руки, оперлась о спинку. При этом через тонкое платье еще более явственно обозначилась прекрасная грудь с остро торчащими сосками. Боцман снова допил бокал до дна, при этом плотно зажмурив глаза. Потом выдохнул и, уставившись в иллюминатор, добавил:

– Но через три недели в Океании будет большущий праздник – Лунная Свадьба.

– Это прекрасно! – Тайра, словно ребенок, захлопала в ладоши. – А вы, Донтер, сможете уделить нам немного внимания и показать все самое интересное на празднике?

– Да я... С огромным удовольствием! – Боцман с удивлением глянул на свой бокал, который снова был полон. – Если не будет какого-нибудь срочного рейса, я полностью в вашем распоряжении.

Неожиданно по внутреннему коммутатору раздалось объявление: «Боцман Донтер, немедленно пройдите на мостик!» Несмотря на свой пожилой возраст, моряк проворно вскочил:

– Прошу меня извинить, вынужден покинуть ваше общество. С сожалением отрываюсь от столь шикарного угощения. Заверяю, ваш визит в мой дом на Западном бастионе доставит мне огромное удовольствие, и я постараюсь удивить вас чем-нибудь экзотическим.

– Но мы же с вами еще увидимся за время плавания? – Тайра капризно надула губки. – Ведь вы нам так мало еще рассказали.

– Естественно! Как только выдастся свободная минутка, я с удовольствием поведаю обо всем, что вам будет интересно. Честь имею!

Отсалютовав, Донтер быстро вышел, закрыв за собой дверь каюты. Несколько мгновений царила напряженная тишина. Потом раздался голос Халли, в котором проскальзывали злость и ревность:

– С чего это ты решила пособлазнить этого старого кретина?

– Ну, во-первых, он не такой уж и старый. – Она презрительно осмотрела фигуру своего собеседника. – И, полагаю, может поломать руки и ноги десятку таких «молодых и бодрых», как ты.

Халли вскочил, сжав кулаки, лицо его пошло красными пятнами.

– А во-вторых, – продолжала Тайра совершенно спокойно, не обращая внимания на возвышающегося над ней юношу, – Донтер совсем не кретин и много чего скрывает в своих рассказах. Ведь если бы те сведения о парах дельфинов были только байками, он не премировал бы посмеяться над досужими вымыслами. Да и насчет острова он явно перекручивает. – Подняв взгляд на Халли, она продолжила, но уже резко и угрожающе: – И в-третьих, не забывай, где твое место! Если ты думаешь, что я, переслав с тобой несколько раз от скуки, решила поменяться ролями, то глубоко ошибаешься. Сядь и не дергайся! Нечего показывать норы. – И уже совсем злобно, почти шепотом, добавила: – Или ты забыл, что я могу с тобой сделать?

Халли сел и дрожащими руками обхватил голову, пряча лицо в тени. Тайра с коварной улыбкой снова полулегла на тахту и, взяв свой бокал с персиковым соком, стала пить маленькими глоточками. Через минуту она, уже мягким голосом, сказала:

– Конечно, ты можешь высказывать свое мнение. Но без эмоций, «деликатно и неназойливо», как инструктировал тебя... сам знаешь кто.

Халли поднял голову и жалобно посмотрел на Тайру:

– А я надеялся, что наши отношения стали хотя бы немножко дружественнее и теплее...

– Еще чего! – Лицо девушки снова приняло каменное выражение. – Во время отдыха мы можем заниматься чем угодно, но дело – прежде всего.

Глава 4

Хардия

Солнце уже часа три как прошло высшую точку и неустанно продолжало клониться к западу. Тени удлинились, обещая вечернюю прохладу. Но в величественном дворце династии Садиван температура росла – жара только увеличивалась. Виной тому были не солнечные лучи, а лихорадочные последние приготовления к церемонии торжественной встречи дочери царя Египта, принцессы Айни.

Издавна вражда между двумя государствами разъедала напоенную кровью землю. Если Хардия занимала добрых две трети северной части Алмазного континента, то Египет – чуть больше одной четвертой. И все же, благодаря своим великолепным житницам в дельте Нила, он всегда оставался лакомым кусочком для любого завоевателя. От попыток включить Египет в состав своей империи долго не могла отказаться и Хардия. Но то время кануло в историю, новые реалии выдвинулись на передний план. И вот, благодаря дипломатической активности с обеих сторон властвующие династии решили породниться.

Именно поэтому таинственная, никогда и никем в Хардии не виданная принцесса и прибывала в столицу для предварительной церемонии знакомства.

Ее отец, царь Мухкантеоп, согласно обычаям и предварительным договоренностям сторон, должен прибыть через сорок четыре дня, как раз в день свадьбы. А сегодня состоятся смотрины и церемония помолвки принцессы Айни с Бутеном – единственным наследником Дайви, императора Хардии.

Бутен, будущий властелин, был крепким парнем среднего роста, двадцати восьми лет от роду. Как и большинство жителей великой империи, он имел чуть смуглую кожу, словно окрашенную въевшимся за века охряным загаром. Светлые выющиеся волосы, падая на плечи, обрамляли спокойное, по-детски приятное лицо с большими мечтательными глазами. Пухлые губы и слегка курносый нос делали весь его облик наивным и бесхитростным. Но те, кто был с ним знаком ближе, побаивались его нестигаемой воли и завидной твердости в выполнении поставленных целей. Цели эти порой достигались любыми средствами. Но об этом знали совсем уж единицы.

Стоя перед зеркалом в окружении придворных, помогающих ему одеваться в приличествующие данному дню роскошные одежды, Бутен весело крикнул запыхавшемуся слуге, который только что вбежал в комнату:

– Эй, бездельник! Ты нашел наконец этого книжного червя от науки? Или он вообще хочет пропустить такое важное событие в моей жизни?

– Ваше высочество! – Слуга приложил руку к груди, пытаясь отдышаться. – Декёрл Вителла найден и постарается прибыть сюда с минуты на минуту. Он приносит извинения вашему высочеству и сообщает, что был занят важными государственными делами вместе с его святейшеством, верховным жрецом Райгдом.

– А я чем занимаюсь?! – Наследник упер руки в бока и под одобрительный хохот придворных поставил ногу на небольшой стульчик. – Я усиливаю мощь и престиж своего государства тем, что готовлюсь навсегда распрощаться с бесшабашной холостяцкой жизнью. Да еще и неизвестно с какой «красавицей». – Подождав, пока утихнет новый взрыв хохота, он, паясничая, продолжил: – Подумать только, ей двадцать три года! Да в таком возрасте все мало-мальски симпатичные принцессы по несколько раз побывали замужем, а самые прекрасные давно отравлены или убиты престарелыми руками своих ревнивых муженьков. Ей-богу! В отместку Вителле, который так мало интересуется действительно важными государственными делами, я женю его на такой же «красавице», как моя будущая супруга.

Принц хотел сказать, что среди сопровождающих Айни ожидалось много девушек из знатных родов и они, по традиции, должны выйти замуж во дворце жениха. Как правило, такие решения принимались венценосными молодыми после собственной свадьбы.

Окружающие поняли намек так: Вителле предстоит жениться на худшей даме из свиты принцессы, – и еще больше развеселились. Один князь Ковели состроил кислую рожу и ехидно спросил:

– А если она окажется очаровашкой?

Только ему и Вителле разрешались в общении с принцем любые вольности. Ну, почти любые. Они втроем росли вместе и дружили чуть ли не с пеленок.

– Фи, как не стыдно смеяться над императорской особой! По-моему, за это еще недавно рубили головы! – Бутен подошел к Ковели, который притворно схватился за шею, и похлопал его по плечу. – Ладно, ладно, твоя голова нам еще пригодится. Но посуди сам, мой дорогой князь: как может оказаться красоткой моя будущая супруга, если мне ее навязывают силой? Это ж подумать только: ни одной фотографии, ни одного портрета, даже ни одного устного описания ее внешности! Да я не удивлюсь, если она вообще окажется калекой.

– Ваше высочество! Да не расстраивайтесь вы так! Может, в этом будут и положительные стороны...

– Не понял! Что ты хочешь этим сказать?

– Самое главное, вы больше будете заниматься государственными делами, что нас, ваших подданных, очень обрадует. Но еще важнее – вы никогда не откажетесь от встречи со старыми друзьями, а значит, шумные охоты с веселыми пирушками будут продолжаться, как и прежде. И это особенно радует лично меня, да и всех ваших друзей.

– Ах, вот ты о чем! – Принц засмеялся. – Ну от этого я никогда не откажусь! Даже за целый гарем первых красавиц мира.

– Не скажите, ваше высочество! Мне самому пришлось расстаться со своей супругой из-за ее вечных придирок к нашей веселой компании. То рано ушел, то поздно пришел. То: «Зачем тебе эти друзья? Зачем тебе эта охота? У тебя ведь есть я!» Кошмар какой-то!

– Зато тебе было легче: отдал ей кусище состояния – и свободен. – Бутен скорбно вздохнул. – Эх! Если бы и я мог так вот запросто: раз – и ни от кого не зависишь!

– Ваше высочество! Советую вам подождать часок. Все увидим. Может, она вам еще и понравится.

– Да нет. Уж слишком долго меня уговаривали на этот брак. Но раз надо, значит, надо! Забуду тело молодое, займусь делами и искусством!

– И наукой, ваше высочество! – Вошедший Вителла, услышавший последние слова принца, неловко поклонился и добавил: – Рад видеть ваше высочество в добром здравии и с завидным оптимизмом на будущее.

– Спасибо, Вителла! Ты настоящий друг! – Принц картинно вздохнул и добавил: – И ты достоин большого будущего.

– Все, что угодно! – заулыбался Вителла. – Лишь бы остаться с головой!

– Конечно с головой! – Принц сделал предупреждающий знак окружающим, чтобы они помалкивали. – Даже более того: ты останешься с двумя головами.

Все засмеялись, понимая, на что намекает Бутен. Один лишь Вителла недоуменно хлопал глазами:

– А как это?

– Как? Подождем, осталось совсем немного, и ты узнаешь, какой приятный сюрприз ожидает тебя сегодня. Только хочу добавить: мое решение окончательное. Принимая его, я руководствовался прежде всего интересами государства, а потому категорически отказываюсь от какой бы то ни было твоей благодарности.

– Ваше высочество! Вы меня страшно заинтриговали... – Вителла подозрительно всматривался в довольные лица присутствующих. – Не знаю, о чем вы, но сомневаюсь, достоин ли я?

– Достоин! – Принц торжественно повысил голос. – Ты достоин многого, а в некоторых случаях – того же, чего достоин и я!

– Но это не мешает мне заниматься моими научными работами?

– Да Творец с тобой, Вителла! – Наследник трона даже обиделся. – Наоборот! Если верить нашему другу Ковели, то предстоящее событие мобилизует тебя и даже ускорит успешную ученую карьеру.

– А, так это я тебе обязан еще не знаю за что? – спросил декёрл у князя.

– Увы! – ответил тот. – Не в моей власти делать такие царские подарки. Вся забота о твоём благополучии исходит лично от его высочества. А когда ты узнаешь о его подарке, твоя благодарность превзойдет...

– Но я же предупреждал! – вмешался принц. – Повторяю в последний раз: никаких благодарностей! – Потом лицо его расплылось в улыбке: – Ну, разве что простое дружеское рукопожатие... И то, лишь когда вспомнишь...

В это время в зал торопливо вошел церемониймейстер и объявил:

– Ваше высочество! Принцесса Айни с сопровождающим кортежем въехала в город и через полчаса будет во дворце.

Все замельтешили, забегали, пытаются успеть в последние минуты доделать несделанное. А принц, подойдя к Вителле и обняв его за плечи, сказал:

– Ну вот! Осталось полчаса... И мы ее увидим.

– Принцессу?

– Да. И наша жизнь примет конкретные очертания.

– Наша или ваша?

– И моя, и твоя! Или ты не рад моей помолвке?

– Рад, конечно. – Они так и пошли к выходу в обнимку. – Тем более что тебе давно пора жениться.

– И это ты говоришь, мой лучший друг? – Бутен укоризненно посмотрел в глаза Вителле.

– В этом же нет ничего плохого. У тебя появятся детки, и я буду их учить читать и писать...

– Благодетель нашелся! А что ж ты сам деток не заведешь?

– Так мне же не нужны наследники. Человек науки, в отличие от императора, должен полностью отдаваться только знаниям. Семейственность им не присуща.

– Ах, какой святоша! Помню, в юности ты не пропускал ни одной юбки.

– И зря! Лучше бы я больше окунался в реку знаний, чем в омут распущенности. Столько времени пропало даром!

– Ого! Сколько пафоса и самоотречения – и все для науки! Но я за тебя возьмусь, и ты даже не подозреваешь, как скоро!

Они спустились по лестнице, прошли по коридору, заполненному шумом и кланяющимися придворными, и вошли во второй по величине дворцовый зал – зал торжественных церемоний. Подскочили распорядители и организаторы со своими последними инструкциями и окружили принца. Но тот успел крикнуть Вителле:

– Не вздумай покинуть меня в трудную минуту, будь рядом!

Поэтому декёрл, подойдя к верховному жрецу Райгду, который уже находился на возвышении, предназначенном для духовенства, спросил:

– Ваше святейшество! Не возражаете, если я буду находиться не с вами, а в свите принца?

– Не возражаю и даже рекомендую!

Райгд в своих раззолоченных, усыпанных бриллиантами, ослепительно сверкающих одеждах возвышался над целым сонмом разряженных жрецов высшего ранга.

На церемонии помолвки обязаны были присутствовать только родители жениха, его ближайшие друзья, подруги невесты и высшее духовенство. Так как император Дайви был прикован к постели тяжелым недугом, а императрица давно умерла и почивала в императорской усыпальнице, то и вся многочисленная императорская свита тоже отсутствовала – официально. Однако просто прийти и посмотреть на принцессу никому из придворных не возбранялось. Поэтому зал был забит до отказа. Пустовали только места, отведенные для молодой суженой и сопровождающих ее лиц.

Императорская резиденция находилась в юго-западной части города и из любой точки города смотрелась как огромная гора, у подножия которой разместилась столица.

Современные высотные здания строились на противоположном конце города.

Сам дворец, построенный сто двадцать лет назад основателем ныне правящей династии Садиван императором Рокейви, до сих пор являлся самым большим зданием на всем Алмазном континенте. Рокейви впервые применил для перекрытия огромные пузыритовые плиты, в то время баснословно дорогие. В уплату пошли уникальных размеров алмазы, найденные на южной оконечности материка в специально организованных экспедициях. Плиты, с огромным трудом доставленные в Хардию (самые длинные из них достигали двухсот десяти метров), позволили построить дворец с высокими неарочными потолками и огромными залами. Самый большой из них, тронный, был размером двести на двести метров. Зал церемоний – сто двадцать на сто. Над залом церемоний находилось еще несколько дворцовых этажей, сквозь пол нижнего из которых можно было наблюдать за происходящим внизу. Тронный же зал достигал в высоту пятидесяти метров. Пузыритовые перекрытия в нем являлись и потолком, и крышей, беспрепятственно пропуская дневной свет и позволяя любоваться луной и звездами в ночное время. В этом зале через сорок четыре дня и должна была состояться брачная церемония, на которую были приглашены первые лица со всего мира. А пока этому должна была предшествовать сегодняшняя помолвка.

Принц со своими сопровождающими и гостями занял всю левую от входа сторону и сидел в дубовом кресле с высокой спинкой, которую венчало метровое изображение Солнца из золота и серебра. Сзади, по левую сторону от принца, сидел декёрл Вителла, по правую – князь Ковели. Следующие несколько рядов со скамьями были во всю длину зала, и на них сидели приближенные наследника и высшая знать Хардийской империи. Дальше в живописном беспорядке стояли все остальные, кому удалось попасть вовнутрь. А уж сколько зрителей находилось залом выше, и рассмотреть было трудно.

Прямо напротив входа размещались жрецы, призванные освятить предстоящую церемонию помолвки.

Справа были свободные места, где в таком же порядке, как и на левой половине, разместили несколько рядов красивых скамеек со спинками. Перед ними, метрах в десяти от кресла принца, стояло такое же кресло, только из орехового дерева, и вместо солнца на высокой спинке метровой дугой изогнулась сверкающая радуга, выложенная из разноцветных драгоценных камней.

Прямо над входом, в стенных нишах и на небольшом балкончике располагался дворцовый оркестр и лучший в Хардии детский хор, которые своей торжественной музыкой и нежными голосами должны были придать предстоящему событию величественное очарование.

И вот главный церемониймейстер громким голосом возвестил о прибытии принцессы и ее сопровождающих. Заиграла тихая музыка, зазвенели серебром нежные детские голоса, и прибывшие из Египта гости пышной процессией потянулись в зал. Вначале вошли менее знатные особы и заполнили стоячие места. Потом, удивляя своими роскошными нарядами,

расположились на сидячих местах высшая знать, духовные особы, родня и ближайшее окружение принцессы. После этого две лучшие подруги, вызвав своей красотой восхищенный шепот, уселись сразу за креслом, увенчанным радугой. И снова раздался громкий, торжественный голос:

– Ее высочество принцесса Египта, дочь великого царя Мухкантеопа, наследница великого Нила и любимица Творца нашего Солнца – божественная Айни!

Громче грянула музыка, сильнее зазвучала песня, и четверо мощных мужчин в одеждах царских телохранителей внесли в зал роскошный паланкин, закрытый со всех сторон легчайшими занавесками. Наследник престола встал, за ним поднялись все остальные. Слегка обернувшись, принц проговорил вполголоса ближайшим друзьям:

– Сбываются мои наихудшие предположения: она даже не может ходить! Вителла! Как нам не повезло!

Князь сочувственно посмотрел на декёрла, который недоуменно хмыкнул, пожимая плечами.

Паланкин тем временем поставили рядом с ореховым креслом, и из него шагнула женская фигурка, с головы которой до самого пола свисала почти непрозрачная вуаль. Низко поклонившись в сторону своего будущего супруга и в сторону верховного жреца и получив ответные поклоны, принцесса села под искрящейся радугой. После того как сел и принц, его примеру последовали остальные. Музыка и песня смолкли, так как наступил момент, когда девушка, готовящаяся к обручению, должна снять вуаль. Все замерли в ожидании. Только Бутен сидел с равнодушным видом, пытаясь придать лицу стоическое выражение и готовый принять любой удар судьбы.

Две девушки, сидевшие за принцессой, встали и медленно сняли с нее вуаль, аккуратно сворачивая над головой. Когда они завершили это действие, раздался всеобщий вздох восхищения: принцесса Айни была божественно прекрасна.

Огромные сверкающие глаза излучали жар страсти. Пухлые чувственные губки алели на смуглом лице, как цветок неземного удовольствия. Высокий открытый лоб, обрамленный черными как смоль волосами, опоясывала сказочная диадема из редких драгоценных камней, в центр которой был вделан гигантский голубой сапфир с красными прожилками. Очень смелое декольте приоткрывало такие прелести над тонкой талией, что подобное казалось немыслимым. Руки совершенной формы изящно возлежали на подлокотниках кресла, которое от этих прикосновений стало казаться уродливым и несуразным. Короткая просвечивающая юбочка была лишь жалкой попыткой скрыть стройные ножки, при виде которых у мужчин перехватывало дыхание от мечтаний, а у женщин – от зависти.

Наследник Бутен сидел с побледневшим, окаменевшим лицом и восхищенным взглядом рассматривал свою суженую. Князь Ковели первым нарушил молчание и, еле разжимая губы, со скорбью в голосе проговорил:

– Ваше высочество! Как я завидую Вителле!

Принц улыбнулся кончиками губ и так же тихо ответил:

– Я переживаю теперь о другом: если и найдется в мире подобная красавица, то Вителла до конца моей жизни будет постоянно ломать мне руку при благодарственном рукопожатии. О Творец! И почему я так падаю на благодарности?

– Ваше высочество! – вмешался декёрл. – Не понимаю, о чем вы тут говорите, но не пора ли продолжить церемонию? Все ждут только вас. Или вам не нравится будущая императрица?

– Как ты смеешь так подкалывать друга?! – возмущенно зашипел Бутен. – Думаешь, если тебе повезло, то теперь все можно?!

– О Творец! Принц, о чем это вы? Кому повезло?

– Скоро все узнаешь! – многообещающе произнес принц и, встав со своего кресла, шагнул к центру зала.

Там уже стоял верховный жрец всех храмов Солнца святейший Райгд, протягивая руки вперед в молитвенном жесте. Одновременно с наследником встала и его суженая. Под звуки грянувшего сверху религиозного гимна Солнцу они пошли навстречу друг другу. Как-то отрешенно, все еще сомневающийся в ее красоте, Бутен подумал: «А ведь она даже не хромотает!» Когда они сошлись, принцесса положила свои руки на вытянутые ладони принца – и снова наступила тишина. Райгд запел двухминутную молитву, восхваляющую Солнце, которую тут же подхватили во всем зале. После молитвы верховный жрец обвязал руки обручающихся двумя лентами: белой, символизирующей чистоту помыслов, и красной, символизирующей цвет жизни. И снова запел. Теперь – благословляя зародившийся союз от имени Высшего Творца, которому поклонялись обе соединяющиеся родством династии.

Когда отзвучали последние слова – с просьбой к Солнцу не оставлять без опеки избранных детей своих, – помощник святейшего подошел к нему со специальным подносом, на котором лежали два больших кольца. Верховный жрец взял меньшее из них и с торжественными словами надел на шею Айни, застегнув сзади на специальную застежку. То же самое было сделано и с кольцом, предназначенным принцу. С этого момента признавался сам факт обручения, и кольца можно было снять лишь через сорок четыре дня – на церемонии бракосочетания. По традиции, если кто-нибудь из молодых решал расторгнуть помолвку, то ему или ей достаточно было снять кольцо с шеи и, при желании, даже не давать каких-либо объяснений. То есть назначался как бы испытательный срок, в течение которого будущие супруги узнавали друг друга поближе и в каждодневном общении могли окончательно решить вопрос о дальнейшей совместной жизни. Конечно, снятие кольца было очень редким и считалось знаком крайнего неуважения к представителям договаривающихся сторон. А уж тем более в кругах высшей знати или, что вообще было немыслимо, после помолвки членов правящих династий. Но традиция есть традиция. И принц Бутен с замирающим сердцем представлял себе эти полтора месяца как новую дорогу в его жизни, ведущую к чему-то новому и прекрасному.

Отзвучали последние слова торжественной кантаты, и руки обрученных были освобождены от лент. Наследник империи взял свою суженую за руку и повел к выходу. За ними, в той же строгой последовательности, потянулись все присутствующие. Вителле и Ковели достались в пары ближайšie подруги принцессы, и они – один растерянный, другой веселящийся от столь приятного соседства – вышли вместе со всеми на внутреннюю площадь дворца. Там, среди изумительных фонтанов, дышащих свежестью и прохладой, были расставлены столы с царскими угощениями, достойными торжественного события.

Первыми, на хорошо видимом отовсюду возвышении, сели Бутен и Айни, потом Вителла с первой девушкой и сам верховный жрец Райгд. Справа от принца – вторая красавица из свиты принцессы и довольно улыбающийся Ковели. Принцесса первой нарушила затянувшееся молчание:

– Разрешите представить вам своих подруг: Сакрина, – кивок налево, – и Пеотия, – кивок направо.

Зачарованный ее грудным бархатным голосом, принц замер в растерянности, и Ковели пришлось умышленно громко кашлянуть, чтобы вернуть друга к действительности.

– А это мои лучшие друзья, – спохватившись, сиплым голосом произнес тот, – Ковели и Вителла. – Потом прочистил горло и уже нормальным тоном спросил: – Я надеюсь, столь длительное путешествие не слишком вас утомило?

– Нисколько! – На лице принцессы действительно не было и тени усталости. – Большую часть пути мы спали или проводили время за настольными играми. А когда выехали на

ваши прекрасные дороги, вообще пропало ощущение движения. Только иногда клонило на небольших поворотах. Признаться, такой чудесной трассы мне еще видеть не приходилось.

– Лестно слышать такое мнение, хотя в этом и нет моей заслуги. Она вся принадлежит дяде Райгду и моему отцу, которые придают дорогам большое значение. Но вы еще не видели гордость нашей империи – пузыритовую магистраль до самого побережья. По ней машины последних моделей развивают скорость до двухсот пятидесяти километров в час.

– Я слышала об этом. – Широко открытые удивленные женские глаза пьянили принца, как наркотик. – Но, честно говоря, в это верится с трудом.

– Завтра же первая экскурсия развеет все ваши сомнения! – Бутен с трепетным порывом взял принцессу за руку. – Нет! Даже сегодня ночью. Вся трасса освещена! Это такое удовольствие – мчаться в ночи, среди огней!

– Ваше высочество! – Верховный жрец укоризненно прервал принца. – У вас с принцессой впереди целая жизнь, а гости, между прочим, давно расселись и ждут вашего первого слова.

Немного смутившись, принц встал и, собрав на себе взгляды присутствующих, сделал ритуальное объявление:

– День первый начался! Пусть все приглашенные станут свидетелями наших намерений. И пусть никто не расходится, пока на столах еще есть угощение, а в бокалах – вино!

Все встали и, дружно опустошив обязательный первый бокал всемирно известного хардийского вина, приступили к оценке творений дворцовых кулинару.

А за столом главных виновников торжества продолжалась оживленная беседа. Там почти не обратили внимания на уход Райгды, который сослался на важные государственные дела. Накладывая в тарелку принцессы самые лакомые кусочки, принц рассказывал о своих лучших друзьях.

– Ковели – самый большой шутник в империи, организатор лучших розыгрышей и представлений. Без него даже интересное мероприятие превращается в заурядное повседневное событие.

– Ну не скажите, ваше высочество! – возразил князь, поддевая пузыритовой вилкой скользкий кусочек маринованного ананаса. – Думаю, мое отсутствие никак не отразилось бы на этом чудесном празднике. Впрочем, мне стоило появиться здесь уже ради того, чтобы выразить вам, принцесса, свое искреннее сочувствие, что я сейчас и делаю от всей души.

Все замерли и вопросительно уставились на Ковели. А тот, нисколько не смущаясь, доверительным тоном продолжал:

– Дело в том... Не при вас, несравненная принцесса, будет сказано, но принц молил Творца нашего о послании ему в жены прекрасной и обворожительной женщины.

– А чем же ему не подхожу я? – Принцесса взглянула на покрасневшего Бутена с некоторым подозрением.

– Боюсь, вы ему не понравились!

– И в чем же это выражается? – Айни демонстративно отвернулась от принца и пальцами погладила серебряное кольцо на шее.

– А в том, что он так и не сделал вам ни одного комплимента! – И, заглядывая принцу в лицо, князь озабоченно спросил: – Ваше высочество, у вас все в порядке со зрением?

В ответ раздалось приглушенное рычание наследника престола, который сначала незаметно показал князю кулак и лишь затем произнес кающимся голосом:

– Ну почему я не отрубил ему голову?! А ведь собирался сегодня это сделать!

Первой засмеялась Айни, своим переливчатым заворачивающим смехом. Не в силах сдержаться, ей вторили остальные.

– Чтобы не было больше инсинуаций, – продолжал принц, – я сразу хочу поклясться, что никогда в жизни не встречал девушки, более прекрасной, чем моя будущая супруга!

– Но ведь мы еще так мало знакомы... – Взгляд Айни оттаял, и она кокетливо повела бровями.

– Разве время имеет какое-нибудь значение?! – пылко возразил Бутен.

– Все в этом мире относительно! – назидательно произнес Вителла.

– Вот мы и слышали суждение восходящего светила на небе науки! – Принц перемигнулся с Ковели. – Правда, он в последние годы сторонится веселых забав и шумного застолья, но зато во всем остальном самый близкий и преданный товарищ. Мы с ним вместе выросли – с самого детства делили трудности, разочарования и успехи.

– Ваше высочество! – Вителла даже засмутился. – К чему это вы меня так расписываете?

– Да вот, вспомнил: когда нам было лет по семь, мы дали друг другу одно обещание.

– Какое обещание?

– Видишь, ты уже и забыл! – стал укорять принц. – Хорошо, что я так не углубляюсь в науку. А то бы и сам не вспомнил.

– О каком обещании говорит его высочество? – Удивленный Вителла обернулся к улыбающемуся Ковели.

– К сожалению, не могу разъяснить слова принца, – принялся объясняться тот. – Ибо в то время, когда нам было по семь лет, отец сподобился жениться в очередной раз и я целый год отсутствовал в столице. Только дикие и неприступные горы скрашивали мое гордое одиночество.

– Какой романтичный... – мечтательно протянула Пеотия, и все дружно рассмеялись.

– О!.. Приятно, что вы цените молодых, романтичных и...

– ...хвастливых! – перебил князя Вителла, чем вызвал новый приступ веселья.

– Пусть даже так. Но, возвращаясь к сказанному: когда вы, ваше высочество, напечатайте Вителле о его обещании? Хочется, чтобы наш друг порадовался за себя вместе с нами!

– Ну нет! Я хотел сделать это сейчас, однако раз он такой забывчивый, пусть помучается до утра. Тем более... – Бутен ласково посмотрел на Айни, – что я желал бы посоветоваться с одной особой, мнение которой мне будет, я надеюсь, небезразлично всегда.

Глава 5

Город

Спор в зале заседаний высшего совета ведущих разгорался и уже перешел в фазу выяснения отношений между отдельными его членами. Начинались споры о делах, не имеющих отношения к повестке дня. Те, что помоложе да поголосистей, пытались взять голосом. Более старые хватали соседей за рукава, привлекая их внимание, или стучали по столу, сосредоточивая на себе взгляды сидящих напротив. Потеряв терпение, Тасон, главный ведущий по контактам с другими народами, три раза ударил молотком по маленькому гонгу, прекращая всяческие прения. Подождав, пока не наступит полная тишина, он сказал:

– Уважаемые ведущие! Хочу напомнить, что сегодня моя очередь вести заседание, поэтому, на правах председательствующего, я прекращаю обсуждение вопроса об отправке человека на околоземную орбиту. В связи с тем, что поступило так много возражений, предлагаю ученым доработать эту тему и снова обсудить ее, скажем, через месяц.

Увидев, что большинство присутствующих согласно закивали, он продолжил:

– Решено! А сейчас предлагаю выслушать доклад советника по государствам Среднего моря. Он подробно осветит обстановку в Хардийской империи. – Нажав кнопку, Тасон командовал: – Пригласите господина Юниуса!

Двери открылись, и в зал вошел ладно скроенный человек среднего роста, светловолосый, с пронизательными карими глазами. На первый взгляд ему можно было дать лет тридцать, однако, присмотревшись, внимательный человек накинул бы еще лет пять-семь. В его плавных движениях чувствовалась хищная устремленность большого тигра, скрывающего за внешней красотой всеокрушающую настойчивость. Подойдя к возвышающемуся недалеко от общего стола пюпитру, он раскрыл свою папку и начал традиционным приветствием:

– Здравья ведущим! Пусть Мать Пирамида не лишит вас своего покровительства! Мой шеф, – кивок в сторону председательствующего, – по вашим рекомендациям, – не менее энергичный кивок в сторону собравшихся за столом, – дал задание нашему отделу скрупулезно проанализировать последние события, происходящие в Хардийской империи. Прошу извинить, если я буду повторять общеизвестные факты, но считаю необходимым высветить все подробно и обстоятельно, даже делая исторические отступления.

Сделав паузу, Юниус оглядел присутствующих и, не услышав возражений, продолжил:

– За последние тридцать лет Хардия из мало кому известной слаборазвитой провинции превратилась в мощнейшее индустриальное государство. Да и пространственно расширилась, увеличив площадь своих колоний чуть ли не вдвое. Сильно развитые рудо- и нефтеперерабатывающая отрасли наряду с хорошо сбалансированным сельским хозяйством вывели империю на второе место после Океании в мировом производстве. На данный момент она является нашим самым крупным торговым партнером. И это – при существующем там рабовладении и большой доле религии в выборе приоритетов, что выражается в чрезмерном расходовании средств и времени на строительство храмов в честь их божества – Солнца. Правда, по последним данным, они собираются рабство отменить и хотят это приурочить к одному торжественному событию, речь о котором немного позже.

Все основные достижения Хардийской империи начались как раз тридцать лет назад, когда к власти пришел император Дайви, дальновидный политик и, по всеобщему мнению, мудрый и образованный правитель. Ему всемерно помогал и во всем его поддерживал двоюродный брат Райгд, который стал верховным жрецом всех храмов, превратившись тем самым во второе лицо в государстве. Обладая обширными, можно сказать, уникальными познаниями в науке, он возглавил также Академию наук, став ее главным регентом. В те же сроки

в глубоких катакомбах, которые находятся в районе столицы, города Харди, были найдены верхушки жил, содержащих серебро. При углублении этих шахт было открыто редчайшее месторождение – а серебро высоко котируется на нашем рынке. Благодаря этому Хардия стала основным заказчиком изделий из пузырита, которые поставляет им Океания взамен за этот очень необходимый в промышленности металл. После закупки многочисленных буровых установок на побережье были освоены крупные месторождения нефти и газа. Построив несколько нефтеперерабатывающих комплексов, Хардия вышла на первое место в мире по производству бензина и сопутствующих продуктов. В настоящее время в империи самая развитая сеть дорог, нефте- и газопроводов, проложена самая длинная пузыритовая автомагистраль, связывающая столицу империи город Харди с крупнейшим портом Среднего моря Суартом. Порт Суарт полностью построен из пузыритовых плит и продолжает постоянно увеличиваться в размерах. Круглосуточно идет отгрузка как продукции нефтеперерабатывающей промышленности, так и разных металлов, при этом наибольшая доля принадлежит серебру.

В связи с тем, что в последнее время здоровье императора Дайви сильно пошатнулось, он решил срочно женить своего единственного сына Бутена на египетской принцессе Айни, дочери царя Мухкантеопа. Как раз к намечающейся свадьбе и собираются освободить всех рабов – за неплохую компенсацию, которая будет выплачена рабовладельцам из государственной казны. Таким образом будет достигнуто сразу несколько целей. Все останутся довольны, экономика будет развиваться еще успешней, а поддержка правящей олигархии со стороны народа станет мощнее. То есть народ станет более лояльным. Ну а после возникновения родственных связей с египетской династией (до этого много веков между странами были самые враждебные отношения) положение Хардийской империи окончательно укрепитя на мировой арене.

Но все это не вызывает особой тревоги, и не это заставило наш отдел срочно докладывать высшему совету ведущих. Дело в том, что в последнее время Хардия самым наглым и бесцеремонным образом пытается получить тайну производства пузырита, порой используя для этого грязные методы.

Сидящие за столом ведущие возмущенно заворочались в своих креслах, слышались негодующие возгласы. Юниусу пришлось подождать, пока все успокоится.

– Начиная от официального, на высшем уровне, предложения купить технологию изготовления пузырита за любые деньги, причем предложения неоднократные, и кончая подкупом, шантажом и даже попыткой похищения людей, хотя бы просто причастных к процессу изготовления. В главном консульстве Хардии, на Восточном бастионе, собрались целые полчища шпионов разных мастей, калибров и полов. Наши службы постоянно выдворяют засветившихся – не только якобы торговых представителей, но и высоких работников дипломатического корпуса. А на их место тут же прибывают новые подозрительные личности в еще большем количестве и с еще большим арсеналом разнообразных ухищрений и денег – и с полным отсутствием каких-либо принципов. По нашим сведениям, всю эту кампанию возглавляет не кто иной, как Райгд Садиван. Именно он руководит всей работой, направленной на получение доступа к высшей тайне в нашей Океании. К сожалению, без согласия высшего совета мы не имеем права сделать некоторые ответные шаги. А именно: создать обширную агентурную сеть по всей Хардийской империи, особенно в столице. Это позволит вести более эффективную борьбу с засылаемыми к нам шпионами и даст больше подробной информации о процессах, происходящих в верхних эшелонах власти. Тем более что для этого есть прекрасная возможность: предстоящая церемония бракосочетания наследника престола с египетской принцессой. В огромном скоплении съезжающихся со всего мира официальных и неофициальных лиц нам легче будет внедрить наших агентов и завербовать новых среди местного населения, которые даже не будут знать, на кого они работают.

– И сколько же времени вам понадобится для проведения всей операции? – спросил один из ведущих.

– Первая группа готова отплывать сразу же после последнего инструктажа. Вторая, самая многочисленная и разнообразная, будет готова дней через десять. К тому же немедленно будут даны указания резидентам на местах, которые уже внедрены и готовы начать работу.

– Но ведь это неэтично – так грубо вмешиваться в дела дружественного государства! – Длинная белая борода главного ведущего по делам культуры затряслась от гнева. – И помоему, ваша информация ложная. В молодости я лично был знаком с господином Райгдом, и он мне запомнился как уникальный ученый, прекрасный и, что самое главное, честнейший человек. Я с ним провел в совместной экспедиции более четырех месяцев, и у меня после нее остались самые приятные воспоминания.

– К сожалению, времена меняются. – Юниус грустно обвел взглядом присутствующих. – Наша информация неоднократно проверена. Да и вообще, что же тут странного: большой ученый всю жизнь бился над разгадкой тайны пузыря, у него ничего не получилось; в конце концов он решается на последний шаг – покупку или похищение желаемого секрета. И, учтите, в его руках средства и потенциал огромного государства.

– Но ведь у него никогда ничего не получится!

Увидев, что большинство взглядов скрестились на нем, Юниус ответил:

– Бесспорно! Мы никогда не допустим даже малейшей утечки информации.

– И все равно, – вступил в разговор главный ведущий по делам подводного хозяйства, – я не понимаю, зачем нам тратить силы и даже, возможно, человеческие жизни для создания такой огромной сети тайных агентов? – На этот раз он явно требовал объяснений от самого Тасона.

– Конечно, стремление соседей завладеть нашими секретами, – тот многозначительно обвел глазами главных ведущих, – не главная причина для подобных действий с нашей стороны. Но, как уже упоминалось, в Хардийской империи за последнее время было сделано немало открытий, которые заметно улучшили как их новейшие технологии, так и всю экономику в целом. Возьмите хотя бы тот факт, что лучшее топливо, которое мы, правда, с небольшими добавками, используем для запуска наших космических спутников, поставляется именно оттуда... – Тасон развел руками. – А мы неоднократно и безуспешно пытались купить у Хардии проект их новой ректификационной колонны. Но на все наши просьбы получали вежливый, но категорический отказ. И так во всех подобных вопросах: они придерживаются политики засекречивания открытий. По всем историческим канонам, легче заслать нескольких хорошо обученных разведчиков, которые быстрее и намного дешевле выполнят задачу, чем создавать целый институт, работающий над этой же проблемой.

Раздались возмущенные выкрики: «Ну уж это вы загнули!», «Да как вообще можно сравнивать?!»

Тасон повернулся к Юниусу:

– Спасибо за доклад. Побудьте пока в приемной. – Подождав, пока закроется дверь, начал говорить быстро и сердито: – Итак, вопрос не только в том, что хотят украсть у нас они, и не только в том, что хотим вывести мы. Самое главное – предотвратить гипотетическое нападение или иную попытку нанести нам вред; как минимум – предупредить о таких попытках.

Огромный осанистый мужчина, главный ведущий обороны, рывкнул со своего места:

– Океания неуязвима! Пусть только попробуют напасть!

– Океания – да, – в голосе Тасона слышался сарказм, – а вот мы, ее жители, – нет! Я ведь недавно говорил, что ракетное горючее можем делать не только мы, и трудно представить,

сколько погибнет жителей, если что-то огромное взорвется между стенами Хрустального города.

– Но ведь мы не продаем ни ракеты, ни какое-либо иное оружие, – вымолвил кто-то.

– Не продаем? Да полно вам! – не выдержав, вмешался ведущий конструктор по строительству. – Простой кусок нефтепроводной трубы с заслонкой на одном конце – мощнейшая пушка, которая забросит снаряд на большое расстояние. А если приделать к той же трубе стабилизаторы и обтекатели? Чем не ракета, летящая в любую точку? Из той массы пузырита, которую мы продаем по всему миру, можно сделать страшные орудия уничтожения. И не забывайте о металлургии. Появились сплавы, из которых можно создать все, что угодно. Я, например, совсем не удивлюсь, если завтра над Океанией появится чужой самолет, сделанный не из пузырита, но с нашими пузыритовыми двигателями. К тому же могут додуматься изготавливать из металла и двигателя, хотя это и очень архисложное дело.

За столом воцарилось молчание. Потом кто-то спросил:

– А что ж сложного в том, чтобы сделать двигатель из металла?

– Первое – это прочность. Только за счет утолщения всех деталей общая масса увеличится во много раз. К тому же металлы при нагревании расширяются, пришлось бы делать принудительное охлаждение, а это еще более увеличило бы вес и размеры. И не следует забывать об износе трущихся частей: нужна общая смазка, а в некоторых местах даже усиленная. Правда, после испытания каждый наш двигатель помещается в непрозрачный пузыритовый кожух, который препятствует изучению систем и самого принципа работы. Но... как уже говорилось, подобные вещи не могут вечно оставаться тайнами. Тем более что при изготовлении деталей и в процессе сборки участвуют многие тысячи самых разных людей и, если кто-то поставит себе целью пройти всю технологическую цепочку и достать чертежи двигателей любой мощности, он этого добьется.

– А ведь я вас предупреждал! – взревел вдруг ведущий обороны. – Просил, умолял! Сделайте мне орудия! Для панорамной стрельбы поверх города!

– Это ты-то? Умолял? – засмеялись сразу несколько ведущих. – Да после твоих «молений» мы полдня ходим оглохшими. И доказали же тебе: даже стрельба поверху может нанести ущерб городу упавшими вниз снарядами.

– А как мы будем сбивать самолеты противника, – еще громче загорланил главный военный, – если они будут над самой Пирамидой?!

– А вы их сбивайте еще на подлете к городу!

– И как же я узнаю, чей это самолет?

– Запроси по рации. Введи особые опознавательные знаки!

– Они разрисуются так же, ответят так же – и их бомбы полетят на ваши головы! – Ведущий обороны сопроводил свой громовой голос оглушительными ударами кулаков по деревянному столу. При этом он создавал такой грохот, будто бомбы уже взорвались.

– Замахал! Да что ж ты нас пугаешь! Он меня доведет до инфаркта! – раздалось стройное хоровое возмущение. – Гоните его! Вместе с его пушками! И с бомбами тоже!

Многие ведущие вскочили со своих мест, топая ногами, другие снова принялась перекрикивать друг друга, а третьи залились неуместным веселым смехом. Тасон сам не мог сдерживать улыбки, думая: «Вечно этот Панаис пытается использовать любой повод для выколачивания дополнительных средств на оборону и для организации всеобщей грызни. Хотя, возможно, он и прав: защита всегда должна совершенствоваться. Да и вообще, наш совет благодаря ведущему по обороне проходит намного оживленнее. И все же пора прекращать эту какадилю». Он три раза ударил в гонг:

– Прекращаем все прения. Ставлю на голосование вопрос о создании усиленной агентурной сети в Хардийской империи. Кто «за»? Кто «против»? Тридцать четыре «за», пятеро «против». Сегодня же приступаем к проведению операции.

– А как же новые пушки? – раздался бас ведущего по обороне, явно решившего хоть что-то урвать для своего ведомства.

– Дорогой Панаис! – Тасон говорил тихо, но твердо. – На следующем высшем совете твоя очередь быть председателем. И если ты захочешь поднять этот вопрос, мы с удовольствием проголосуем. А сейчас, – он снова обратился ко всем, – вопрос о месте строительства новой теплоэлектростанции. Как вы помните, мы собирались построить четвертую, на Западном бастионе – в дополнение к трем уже существующим. Но многочисленные возражения, особенно по поводу загрязнения атмосферы и питьевой воды, накапливаемой в резервуарах, поставили вопрос о переносе места строительства на ближайший к городу остров. На острове Черепахи уже имеются две ТЭС, одна из которых работает на Хрустальный город. Но по существующему подводному туннелю нет возможности проложить силовые кабели, да и поток транспорта возрос до предела. Поэтому одновременно с началом строительства ТЭС необходимо в срочном порядке спроектировать и построить новый, с большим запасом и расчетом на будущее, туннель между городом и островом. Этот туннель, по известным всем ведущим причинам, придется строить из составных конструкций и секциями погружать в море, где и производить окончательную сборку. Потребуется титанические усилия и предельно эффективная работа всей нашей промышленности в течение длительного времени. Поэтому, прежде чем проголосовать, попрошу выслушать главного ведущего по энергообеспечению, который хочет рассказать об альтернативном предложении. Попрошу, господин Магрис.

– Спасибо. Дело в том, что при растущем потреблении энергии и продолжении строительства новых ТЭС в том же темпе через некоторое время их попросту негде будет строить. Конечно, это произойдет не скоро, но все-таки произойдет. Не правильнее ли бросить все усилия на получение нового источника энергии, в десятки раз более эффективного, чем все имеющиеся, и полностью независимого от поставок нефти и газа?

– И что ж это за источник?

– Почему мы о нем не слышали раньше?

– Слышать-то вы о нем слышали, потому что это подводный вулкан, и, хочу заметить, их очень много в окружающем нас океане.

– А как вы себе представляете отбор энергии у вулкана?

– Наши проектировщики создали макет устройства, подобного перевернутой чаше, в верхней части которой находятся турбины и вращаемые ими генераторы, дающие электроэнергию. Вращать турбины будет пар, который из-за огромного давления на глубине океана почти никогда не доходит до поверхности. Чаша с турбинами накроет вулкан на высоте до пятисот метров над поверхностью дна. Для этого снизу будут установлены опорные подставки. Они обеспечат приток холодной воды, и получится огромный паровой котел, дающий дешевейшую и почти вечную энергию.

– Где находится ближайший подобный вулкан, пригодный для эксплуатации?

– В полутора тысячах километров на северо-восток.

– И придется строить невиданный по длине туннель для силовых кабелей?

– Зачем же? Мы можем проложить кабели прямо по дну, соответствующим образом их защитив.

– Но ведь они все равно придут когда-нибудь в негодность?

– И пусть! Пять веков мы им гарантируем, а потом всегда сможем поменять. Если, конечно, к тому времени в этом еще будет необходимость.

– А сколько уйдет времени на реализацию проекта?

– Если все пойдет идеально, – Магрис задумался, – полгода, если же возникнут трудности в строительстве, то год, а может, и больше.

– Расскажите о самых больших проблемах, – попросил Тасон.

– Проблема первая: строительство чаши, высота которой вместе с турбинами более пятисот метров, а общий диаметр – более полутора километров, потребует концентрации всех усилий многих ученых Хрустального города. Да, пожалуй, и всей Океании.

– Почему же нельзя сделать вашу ПТЭС – подводную теплоэлектростанцию – поменьше, например в диаметре?

– Сама чаша имеет внизу основание не менее тысячи метров. Меньше просто нельзя сделать из-за возможности погружения опор в размягченную вулканическую магму. Да и подъем воды при малых размерах не принесет ощутимого результата. От основания радиально под углом в сорок пять градусов отходят балластные козырьки. На них придется после установки срочно загрузить тысячи тонн породы для стабилизации положения всей конструкции в случае слишком большого выброса газа из жерла вулкана. Не менее срочно надо производить монтаж на месте, причем с уже подсоединенными и готовыми к укладке силовыми кабелями, и, не забывайте, все это – на глубине тысяч метров. Это уже, кстати, третья проблема, а я ведь пропустил еще одну трудоемкую операцию: доставку цельносборной ПТЭС на место установки. Возникает необходимость постройки каких-то больших плавсредств для этой цели. Плюс целая масса возникающих при этом сопутствующих проблем. Поэтому предлагаю не распылять своих усилий, а сконцентрироваться на осуществлении новейшего и вполне реального проекта в жизнь. Прошу также правильно оценить те перспективы, которые откроются после введения ПТЭС в действие. А именно возможность запуска новых опреснителей, в которых город нуждается все больше и больше.

На несколько минут наступила тишина – каждый ведущий взвешивал все аргументы «за» и «против» выдвинутой идеи. Тасон, давно уже решивший поддержать проект ведущего энергетика, объявил о голосовании по двум проектам.

– Хочу только напомнить, что проекту, который заслушивается второй раз, если он дополнен и исправлен, для утверждения необходима половина голосов. А проекту, впервые выдвинутому на обсуждение, для утверждения необходимо набрать две трети голосов присутствующих. Итак, кто за строительство ТЭС на острове Черепахи? ...Двадцать один голос. В этом случае вопрос о строительстве подводной ТЭС снимается. Мне очень жаль, Магрис, но вашу «идею века» придется пока отложить.

– Ну как вы не понимаете! – Ведущий энергетик огорченно схватился за голову. – Два месяца, которые мы угробим на строительство ТЭС и туннеля, пропадут даром: нам все равно придется использовать тепло вулканов!

– А вы не смотрите на это так печально, подойдите к вопросу с другой стороны. – Тасон ободряюще улыбнулся. – Пока мы будем возиться с этим делом, вы постарайтесь улучшить свой проект, удешевить, что даст возможность построить ПТЭС не за шесть, а, скажем, за четыре месяца.

– Конечно, мы не будем сидеть сложа руки! – Магрис возмущенно фыркнул и демонстративно углубился в свои бумаги.

– Господа главные ведущие! – Тасон посмотрел на часы. – Прошу еще минуточку вашего внимания. Остался один маленький пункт программы. На Зеленом континенте, в Западных горах найдены богатейшие залежи золота и серебра. Настоятельно стал вопрос о посылке внушительной экспедиции, постройке там города и скорейшей разработке ценных для нашей промышленности месторождений. Вы об этом уже наслышаны, состав экспедиции перед каждым на столе, осталось дать добро на отплытие. Прошу голосовать... Единогласно! Очень радуется ваше единодушие! На этом объявляю высший совет ведущих номер двадцать четыре от года три тысячи сто восьмого закрытым. До встречи в полном составе ровно через неделю.

Глава 6

Чинкис

После шести часов торжественных тостов, пышных поздравлений и обязательных танцев банкет перешел в стадию постепенного затухания: гости, разбившись на небольшие группки, разошлись по всему дому и вели беседы на интересующие их темы. Давно освободившись от своего парадного щита и венка из алмазов, Чинкис сидел со своим старым другом Устликом за одним из дальних столов. Немного нетрезвыми голосами они пытались спорить.

– А я говорю, у вас в отделе собрались одни бездельники! – кипятился Чинкис. – Это ж надо, сто тридцать пять лет – и никакого результата! Да за это время можно было кельпара научить летать!

(Восьмитонный шестиногий кельпар, отдаленно напоминающий земного носорога, считался у аларастрасийцев символом безысходной неуклюжести.)

– Постыдился бы! – Обиженный, со своей худощавой фигурой и поредевшей гривой, на фоне Чинкиса выглядел как доходяга-старикашка. – Да все эти годы мы сутками бьемся над проблемой! И не только наш отдел, а и все остальные, кто хоть чуть-чуть освобождается от срочной работы. Даже более того: раскроив несколько полос «чинка-четыреста шестьдесят пять» на маленькие кусочки, мы раздали их во все существующие исследовательские центры по всем уголкам галактики. Ты только представь себе, какие огромные побочные результаты мы после этого получили! И все без толку! Стоим на месте! У меня от этого постоянная головная боль! А ты говоришь – бездельники!

– Чего это вы тут ссоритесь? – Подошедшая Кетин положила руки на их спины. – Можно и мне немножко послушать?

Друзья заулыбались и раздвинулись, уступая место молодой хозяйке.

– И ничего мы не ссоримся, просто выясняем истину. – Чинкис нежно обнял Кетин за плечи. – Я свое дело сделал, а они со своим – не справляются.

– Ну вот, опять! – Устлик всплеснул руками. – Кетин, как вы его долго выдерживаете?

– С большим удовольствием! Мы бы его даже в полеты не отпускали. – Она ласково взглянула на мужа. – А в чем, если не секрет, проблема?

– Не секрет, – начал вспоминать Устлик. – Все началось триста тридцать пять лет назад, когда наш дорогой Чинкис побывал в одной звездной системе. Это немыслимо далеко, и я даже удивляюсь, как компьютер может отыскать туда дорогу. Мой друг был там первый раз, так как засек прибором Нона неугодный разум, и впервые обследовал планетку, на которой размножались приматы. Их цивилизация являлась редчайшим образчиком разнообразия жизни во Вселенной. Местные жители обладали феноменально развитыми телепатическими возможностями и даже могли групповыми усилиями пользоваться телекинезом. Но вся их беда заключалась в том, что они никак не развивались технически. Весь смысл их существования сводился к общению между собой и собиранию пищи – порой с помощью телекинеза. Каждый из них мог отключить свой мозг от приема информации полностью, а мог откликаться на вызов одного или даже нескольких приматов. Можно только представить себе, какую ужасную силу они могли представить в будущем, если бы научились перемещать себя в пространстве в другие звездные системы и с помощью телепатии узнавать о чем угодно. Ведь когда Чинкис вышел на орбиту их планетки, о нем и его целях было уже известно. И навстречу его кораблю полетели громадные обломки скал, заброшенные с планеты с помощью их совместного телекинеза. Пришлось отступить за пределы системы, куда не могли достать даже самые сильные телепаты. Наш чистильщик отправил тогда на

планету запрограммированного робота с заданием захватить одного из приматов для скрупулезного исследования. Довольно скоро он выяснил особенности мозга пленника и нашел возможность с помощью излучения устранить блокировку, позволяющую приматам отгораживаться от сигналов остальных телепортеров. Настроив излучатели на полную мощность, Чинкис устремился к планете – и через час с приматами было покончено. Мозги телепатов, лишенные возможности отгородиться от мыслей всей цивилизации, из-за хлынувшей в них информации моментально вышли из строя. Большая часть особей погибла сразу же, оставшаяся, обезумев, превратилась в животных, живущих одними инстинктами. Обследовав планетку и не найдя там более ничего привлекательного, Чинкис занес ее в реестры компьютера и отправился дальше.

– Вы так подробно и интересно все рассказываете, – вставила со вниманием слушающая Кетин, – как будто сами там были.

– Я все это знаю, потому что интересовался каждой мелкой деталью тех событий. Дело в том, что Чинкис через двести наших лет снова посетил ту планетку с запланированной инспекционной проверкой. За это время прошло шесть тысяч местных лет, и приматам удалось возродить свою разумную деятельность. Правда, развитие их пошло совсем другим путем. Их общество было отсталым феодально-общинным строем со слабым сельским хозяйством и только-только зарождающейся промышленностью. Но не это было самым удивительным. Кстати, – прервал свой рассказ Устлик, обращаясь к Чинкису, – может быть, ты продолжишь эту интересную историю, а я тем временем подкреплюсь вон теми заманчивыми пирожными, от которых у меня уже давно слюнки текут?

– Конечно угощайся! – Юбиляр придвинул шикарную вазу поближе к гостю и продолжил рассказ: – Самым удивительным оказалась найденная мной в океане трехгранная пирамида поразительных размеров из материала, неизвестного нашей науке. Его состав и происхождение до сих пор ставят в тупик лучшие умы нашей цивилизации. – Чинкис выразительно посмотрел на своего ученого друга, который с восхищением поглощал сладость, сделанную заботливыми ручками Соро.

– Не отвлекайся на комплименты! – Полный рот мешал Устлику говорить. – Продолжай...

– Сначала я вообще увидел только верхушку, стоящую на мелководье, но даже она была огромна, со своими километровыми гранями. Произведя рядом посадку, я приступил к тщательному обследованию. Прозрачный, но немыслимо крепкий материал, из которого состояла пирамида, довел меня чуть ли не до безумия. Что я с ним только ни делал! Резал, сверлил, взрывал, плавил. – Чинкис тяжело вздохнул. – Облучал всеми видами энергии – все безрезультатно. Только «Цветок огня», это страшнейшее оружие, оставляло на поверхности еле заметные царапины. Обследуя пирамиду со всех сторон, я был еще больше поражен ее гигантскими размерами. Грани уходили далеко вглубь и достигали шести, ты только представь себе, шести километров. Передо мной встал вопрос: что делать? Ведь о доставке этого артефакта в нашу галактику не могло быть и речи.

– Но почему, дорогой? – удивилась Кетин.

– А потому, – терпеливо стал объяснять Чинкис, – что темпоральное поле, в котором мы совершаем прыжки телепортации во время наших путешествий, имеет предел по размерам охватываемого им тела. Его рабочая форма – эллипсоид, даже небольшая деформация которого приводит к взрыву и аннигиляции любой материи, находящейся на границе. Поэтому только боевые крейсеры сил «глубокого рейда» делаются размером в весь внутренний объем такого эллипсоида. Все корабли чистильщиков строятся с учетом размера темпорального поля и занимают в нем чуть меньше трети объема. Сделано это с учетом возможности транспортировки одним кораблем двух других, на случай, если те получают существенные повреждения и не смогут самостоятельно добраться к месту ремонта. Для этого на каждом нашем

корабле имеются специальные захваты. А все, что выходит за пределы поля, будет отсечено в самом начале темпорального прыжка. И только с помощью этих свойств нашим ученым и удалось порезать «чинк-четыреста шестьдесят пять» на мелкие кусочки.

– А откуда такое интересное название?

– Неужели вы до сих пор не изучили музей своего мужа? – засмеялся Устлик. – Он ведь такой педант в этом вопросе!

– Ну... Нам пока не до этого было, – немного смутившись, ответил Чинкис вместо жены. – А назван уникальный материал в мою честь: мне было тогда четыреста шестьдесят пять лет.

– Значит, тебе все-таки удалось отсечь кусок от той пирамиды? – требовала продолжения Кетин.

– Если бы! Захваты моего корабля бесполезно елозили по граням, соскальзывая с поверхности при попытке зафиксировать удержание. Ведь для того, чтобы темпоральное поле захватило какой-нибудь предмет, необходимо небольшое, но одновременное ускорение этого предмета вместе с кораблем.

– Так как же ты доставил образцы «чинка-четыреста шестьдесят пять» на Аларастра-сию?

– Возле пирамиды, в донных отложениях, я нашел более пятисот длинных полос из того же загадочного материала, что и пирамида. При толщине десять и ширине сорок сантиметров эти закругленные на концах и на гранях полосы были длиной восемьсот два метра. Странные отрезки были не идеально ровными, а слегка перекрученными и напоминали нереально вытянутые лопасти пропеллера, как на некоторых машинах турбулентного типа. Довольный найденным, я запрограммировал роботов на откапывание и транспортировку полос на не заселенный приматами остров, а сам продолжал обследование планеты. Очень уж надеялся отыскать причину возникновения пирамиды. Ничего не найдя в этом направлении, я был немало удивлен редким и очень странным отношением приматов к остальным представителям животного мира. Количество и разнообразие «неразумных» видов было таким огромным, что даже трудно было сосчитать и классифицировать. Попадались даже виды, по некоторым признакам схожие с аларастрасийцами. Во всех мирах приматы, ставшие «разумными», постепенно сводили на нет почти весь остальной животный мир, доказывая своей агрессивностью полную невозможность сосуществования с ними. А на этой планете было наоборот. Животные никогда не нападали на приматов и даже оказывали им поддержку и защиту при землетрясениях, наводнениях или засухе. Поэтому, когда у меня созрел план уничтожения цивилизации, я решил попытаться по мере возможности сохранить животный мир, который мог бы существенно пострадать при ликвидации приматов. Построив огромную баржу на длительном источнике питания и смонтировав на ней кормопроизводящие линии, сырьем для которых служили простая морская вода и воздух, я с помощью завербованных местных жителей собрал на ней тысячи пар неразумных представителей планеты. Пришлось, правда, поместить туда же и тридцать приматов мужского пола для ухода за животными и лечения от возможных болезней. Я не беспокоился об их дальнейшей судьбе, так как прекрасно знал, что без самок они все равно вымрут. Баржа была запрограммирована на дрейф в центре океана в течение двух лет по местному времени. Как раз столько было необходимо для восстановления ледовых шапок на полюсах планеты, которые я собирался растопить. Затем баржа должна была подойти к удобному месту континента с восстанавливающимся травяным покровом и высадить на берег всех, находящихся внутри. И через несколько месяцев самоликвидироваться.

Когда была закончена эта кропотливая работа, я вернулся на свой базовый остров и смонтировал дождевую установку, которая вызывала непрерывный проливной дождь на

всей планете в течение полутора тысяч часов. После выполнения своей задачи она полностью самоуничтожилась.

А сколько я намучился, стараясь уложить в зажимы все выловленные возле пирамиды полоски! Мой корабль стал похож на насекомое с двумя комплектами ног, вцепившееся нижними ногами в огромное, длиннее его в четыре с лишним раза, бревно, а верхними – такое же бревно вскинувшее себе на спину. Конечно, я понимал, что при темпоральном прыжке выступающие части будут отсечены, но возвращаться за ними уже не имело смысла: все равно их негде было разместить.

– Да и того, что ты привез, нам хватает вполне... – проворчал Устлик.

– Нет, ну ты слышишь, Кетин?! – возмутился Чинкис. – Столько лет прошу его сделать совершенную броню, а он в ответ только предлагает обшить корпус корабля мелко нарезанными пластинами.

– Что поделаешь! Мы еще не умеем создавать цельнолитые корпуса из твоего «чинка-четыре-шестьдесят пять»! Соглашайся на то, что можем!

– Да вы не расстраивайтесь так, Устлик. – Кетин пододвинула к нему блюдо с каким-то фантастически украшенным тортом. – Все когда-нибудь получится.

– Ох, Кетин, Кетин. А мне кажется, я так и умру, разглядывая эти опостылевшие куски. Свалились на мою голову... – Ученый грустно улыбнулся. – Иногда от злости и бессилия хочется разгрызть это вещество зубами! Но, увы, и это не получится...

– А хоть какие-нибудь сдвиги есть? – Кетин отрезала кусок торта и положила перед Устликом на тарелку.

– Ммм... Как вкусно пахнет! – взбодрился тот. – Сдвиги-то есть. И огромные. Самое главное: мы знаем, что это такое. Это материал, возникающий в любой среде, кроме вакуума, путем сращивания и одновременного «замораживания» расформированных и перестроенных молекул вещества. Мы даже знаем, как он создается: совместным воздействием нескольких электромагнитных излучений. Процесс производства «чинка-четыре-шестьдесят пять» теоретически рассчитан и доказан несколькими независимыми друг от друга исследовательскими группами.

– Так почему же вы его до сих пор не производите?

– Потому что теория – это одно, а на практике получается совсем непонятный парадокс. Как только появляется первая молекула создаваемого вещества, происходит взрыв, уничтожающий все вокруг в радиусе несколько десятков метров. Погибли даже ученые, которые первыми напрямую экспериментировали с производством. А сколько еще было уничтожено оборудования и целых лабораторий!

– Слишком это все странно, – с сочувствием произнесла Кетин.

– Именно эта странность и ставит нас всех в тупик! Столько расчетов, а толку никакого! Видимо, есть некий фактор, который мы никак не можем учесть. – Устлик подпер голову руками и отсутствующим взглядом уставился куда-то поверх стола.

– Эй, старина! – Чинкис, извиняясь, похлопал друга по плечу. – Даю слово не приставать к тебе по этому поводу. Сегодня мой праздник, поэтому давай будем веселиться и никаких разговоров о работе. Договорились?

– Ха! Если бы все было так просто! – Ученый потянулся к своей тарелке. – Впрочем, с таким тортом забудешь что угодно!

– Ну вот и прекрасно! Выпьем чего-нибудь веселящего?

– С удовольствием! Наливай!

Неистошимые гурманы, аларастрасийцы во всех им известных мирах собирали не только рецепты самых дивных и вкусных кушаний, но и изысканнейшие, оказывающие самое разнообразное влияние на их организмы напитки, содержащие алкоголь. Конечно, только те кушанья и напитки, которые были идентичны и подходили аларастрасийцам по

обмену веществ. Вот и сейчас Чинкис разлил по бокалам высоко ценимый и очень редкий хоундрейский джин, который изготавливался из мельчайших зернышек черного винограда, растущего на гигантских секвойях на окраине галактики. Джин оказывал немалое возбуждающее действие на организм и поэтому употреблялся только после обильного угощения и подавался, как правило, к десерту. Устлик огласил тост за здоровье юбиляра, и мужчины опорожнили бокалы до дна. Кетин только пригубила и поставила джин обратно на стол.

– Он же тебе нравится! – удивился Чинкис. – В твои годы женщины с удовольствием выпивают по несколько бокалов этого джина.

– Кто как... – скромно возразила его молодая жена. – Я пойду лучше выпью чего-нибудь прохладительного. Здесь все-таки довольно душно.

Поцеловав мужа, она вышла на огромный балкон, где в сгущающихся сумерках велись оживленные беседы между гостями. Кто-то из них отдыхал после танцев; кто-то собирался танцевать под вновь начинающуюся музыку, но Кетин, ни к кому не присоединяясь, прошла к самым перилам и, облокотившись на них, стала смотреть на покрывающееся звездами небо.

– Тебе когда в очередной рейс? – неожиданно спросил Устлик.

– Не раньше чем через два месяца: хочу кое-что достроить.

– Почти четыреста сорок дней... – Устлик задумался. – По идее, времени должно хватить.

– На строительство?

– Да нет! На поправку твоего здоровья! В особенности – зрения!

– Кто бы говорил! – завелся Чинкис. – Это у тебя вставные линзы, а у меня зрение как у молодого: только неделя как прошел последнюю медкомиссию.

– Хе-хе! – Его друг залился смехом. – Я хоть и с линзами, а вижу намного лучше тебя!

– Странно... Э, да ты уже пьяненький!

– А при чем тут «пьяненький»? – еще больше развеселился Устлик. – Ты и трезвый видишь хуже, чем я, когда выпью.

– Да ты о чем? – Глядя на веселящегося товарища, Чинкис и сам еле сдерживал смех.

– Да так, о жизни. – Постепенно посерьезнев, Устлик обнял юбиляра за плечи. – Эх, дружище! Просто хочу первым тебя поздравить и пожелать всего наилучшего!

– Ну, вспомнил! Надо было приходиться с самого утра... – и неожиданно осекся, перехватив взгляд Устлика, остановившийся на фигуре Кетин, все еще стоящей на балконе.

Сердце ухнуло и как будто остановилось в предчувствии чего-то громадного. В памяти завертелся калейдоскоп событий сегодняшнего дня. Вспомнились разрозненные, незначительные вроде бы сцены: обещание подарка, внимательная заботливость остальных жен, отказ от алкоголя, духота в хорошо проветриваемом помещении...

– Не может быть! – ошеломленно прошептал Чинкис непослушными губами.

– Счастливчик! Надо же быть таким невнимательным к своей семье. Расслабься, а то ты совсем не дышишь! А тебе надо себя беречь!

Чинкис шумно выдохнул и восхищенно взглянул на Устлика:

– Да мне теперь придется строить целый новый дом!

– Ты ведь и так собирался заняться каким-то строительством?

– Я решил пристроить к этому особняку небольшое крыло, а теперь, если все именно так, надо проектировать и достраивать чуть ли не такое же здание.

Все гости давно разошлись, и огромный дом затих, погасив почти все свои огни. На широком балконе под усеянными звездами небом Чинкис вместе с младшей женой встречал свой второй день в шестьсот первом году со дня своего рождения.

– Как ты могла молчать о таком важнейшем событии в нашей жизни целых двадцать дней? – Он нежно прижимал Кетин к своей груди, вдыхая приятный аромат ее тела. – Все всё знают, а я узнаю об этом последний.

– Но зато узнал в день своего рождения и поэтому лучше запомнишь, что скоро станешь отцом. Или ты хотел получить от меня какой-нибудь другой подарок?

– Дорогая! Ты надо мной смеешься? Я получил немыслимые подарки, но известие о том, что у меня будут наследники, – самое желанное в моей жизни. И как я мог бы о таком забыть? Может, ты считаешь, что я настолько стар – страдаю потерей памяти?

– Что ты, родной! – пылко возразила Кетин. – Наоборот, я считаю тебя слишком молодым, ветреным и безответственным.

– Интересно почему?

– А потому: ты мог бы перейти на более спокойную и престижную работу, но будешь продолжать свои опасные полеты. Вместо постоянной заботы о семье ты будешь рисковать жизнью немыслимо где и лишать меня сна и покоя.

– Да о каком риске ты говоришь? – Чинкис беззаботно рассмеялся. – Мои полеты не опаснее, чем полеты на флайере.

– Это ты так говоришь! Я узнала статистические данные и просто ужаснулась: за последние сто лет из полетов не вернулось двести сорок три чистильщика. И ты готов утверждать, что в этой работе нет никакой опасности?!

– А остальную статистику ты не просматривала? Там, кстати, говорится, что за те же годы в нашей галактике на флайерах, которые разбились при различных обстоятельствах, погибло более сорока тысяч аларастрасийцев. А сколько жизней оборвалось при отравлениях, падениях с лестниц и крыш, да и вообще при несчастных случаях? Так что мои полеты – не что иное, как малодушное бегство от нашего опасного для жизни повседневного быта. И учти: подавляющее большинство погибших или пропавших чистильщиков – начинающие, неопытные пилоты.

– Конечно, тебя послушать, так рейды чистильщиков не что иное, как увеселительные прогулки. Почему же тогда на вашу работу не берут женщин? Я бы, например, всегда с удовольствием тебя сопровождала.

– Ну о чем ты говоришь? – Чинкис даже рассердился. – Это строго запрещено! Великий Фетиус категорически не разрешал даже думать о вылете женщин за пределы нашей галактики. Только в виде исключения пятьсот лет назад высший совет разрешил женщинам постоянное проживание на оборонных базах, которые находятся в плотных туманностях, окружающих галактику. Женщины – самое дорогое и самое охраняемое, что у нас есть, без них у цивилизации нет будущего.

– Ну вот – раз меня надо охранять, возьми меня с собой в полет. Ведь ты уверен, что там намного безопаснее, чем здесь.

– Ты все стараешься перекрутить. Дальний космос опасен для женщин тем, что лишает их возможности иметь детей.

– Странно! Я никогда раньше о таком не слышала.

– А зачем о таких вещах говорить? Вполне достаточно запрета, который все должны выполнять беспрекословно.

– Я специально поинтересуюсь у медиков насчет бесплодия, но мне все-таки очень интересно хотя бы послушать о тех мирах, где ты бываешь. Расскажи мне поподробнее о своих полетах.

– Что же именно?

– Да все, что хочешь. Ты ведь знаешь, я ни разу не летала дальше наших спутников. Сколько времени надо, чтобы долететь, например, в то место, к той яркой звезде?

– Видишь ли, если бы мы сию минуту телепортировались в темпоральном поле именно в то место, которое ты показала, то были бы там минут через пятнадцать. Но этой звезды в таком случае рядом не окажется.

– Как же так? Куда же она денется?

– Дело в том, что в данный момент времени мы видим то место, где та звезда находилась лет сто назад. Именно столько времени понадобилось ее лучам, чтобы достичь нашей планеты. А ведь за эти сто лет находящиеся в постоянном движении звезды сместились на огромное расстояние вперед, по ходу своего движения.

Поэтому включается компьютер и подсчитывает их траекторию, скорость, а самое главное – место, где звезды сейчас находятся. Затем корабль стартует, казалось бы, в пустоту, но через пятнадцать минут оказывается именно возле искомой звезды и, уже на гипертяге, подходит к нужной планете или в выбранную точку.

– А за какое время ты добираться до той планетки, где нашел пирамиду, о которой разговаривали за столом?

– О-о... дай-ка вспомню. – Чинкис начал подсчитывать в уме. – По-моему, около двухсот пятидесяти часов.

– Так долго! – воскликнула Кетин.

– И это при условии, что по пути не возникнет каких-то попутных отклонений от курса. Это когда включается прибор Нона и приходится обследовать близлежащие галактики для выяснения источника сигнала. Вот сама посчитай: я вылетаю отсюда за пределы нашей галактики в пояс оборонных баз, связываюсь с ними и как можно подробнее регистрирую свой предполагаемый маршрут и примерные сроки своего возвращения. После этого делаю первый, получасовой прыжок через ближайшую галактику. Потом – десятиминутная остановка для ориентировки компьютера и подзарядки генераторов для следующего прыжка. Затем следующий скачок – и следующая остановка. И так можно двигаться до бесконечности.

– А если вдруг компьютер выйдет из строя?

– На корабле есть дублирующий, а вот если и он подведет, то шансов на благополучное возвращение практически не остается. Корабль будет веками болтаться между незнакомыми галактиками и в конце концов самоуничтожится после смерти пилота от старости.

– Бр-р-р, – содрогнулась Кетин, – мне даже жутко такое представить!

– А ты и не представляй! Давай лучше вообразим себе новый дом, который я начну строить в ближайшее время. Каким ты себе его представляешь?

– Большим, красивым, – Кетин плотнее прижалась к мужу, – и полным детей.

Глава 7

Город

Поздним вечером Юниусу удалось-таки вырваться из своего душного офиса, в котором работающие на пределе кондиционеры не могли разогнать атмосферу лихорадочной подготовки к новой разведывательной операции. Выйдя на крышу, он не стал дожидаться лифта, а, заметив свободную таску (конструкторы называли это «труба скоростного спуска», но в народе прижилось название простое и незатейливое), нажал клавишу «Занято» и, набрав воздуха, прыгнул в отверстие. Пятисотметровое здание, в котором работал отдел разведки по странам Среднего моря, внешне ничем не отличалось от большинства идентичных зданий Хрустального города. Вся разница между подобными сто двадцати – стотридцатизэтажными домами заключалась в разнообразии шпилей и башенок, их венчающих.

Да еще в форме и размерах раскинувшихся далеко в стороны улавливателей осадков. Достигнув уровня первого этажа, Юниус заскользил по тормозному желобу, но, не дожидаясь полной остановки об амортизационную подушку, ловко выпрыгнул и, не оглядываясь, слился с толпой гуляющих по Верхней набережной. Он боялся, что вдруг появится что-то срочное и придется вернуться с полдороги. А устал он зверски и, вдохнув свежего морского воздуха, уже ни за что не хотел возвращаться к пыльным бумагам и надоевшим инструктажам. Да и вообще, подобное делопроизводство могло убить любые добрые отношения к работе.

Пусть этим займутся его замы. Спуск на лифте занимал слишком много времени, поэтому подобное возвращение на работу могло случиться. Дело в том, что нижние этажи занимали разнообразные фирмы и представительства, под прикрытием которых и над которыми работал разведывательный центр. А лифты этого секретного ведомства работали только на верхних сорока пяти этажах. На восьмидесятом этаже пришлось бы петлять по коридорам, пройти несколько контрольных пунктов. А затем на другом лифте спуститься на сороковой.

Там повторялись те же процедуры и препятствия, и только потом можно было попасть на первый этаж на новом, совершенно независимом от остальных спуске.

За время работы в этом здании Юниуса столько раз возвращали, вылавливая на этом длительном пути, что, когда у него уже не было сил, он всегда пользовался таской, возле которой из-за невозможности попасть по ней наверх не было контроля. Конечно, если бы случилось что-то экстренное и шефа нужно было срочно найти, то дежурный знал: шеф пошел в спортзал, а потом сразу домой.

«Нет, нет, какой спортзал, – в ужасе подумал Юниус, – только домой!» Но где-то глубоко внутри зашевелились врожденное упрямство и задремавшая была сила воли. Агрессивно настроенные лень и апатия удвоили свои усилия: «Да, да! Только домой! Спать! Ты так устал, ты уже пожилой мужчина, и тебе так тяжело бегать по спортзалам на ночь глядя». Но сила воли, подталкиваемая сзади упрямством, пиная перед собой уснувшую совесть, безжалостно ворвалась в самый центр мозга: «Да ты потому и устал, что целыми днями слюнявишь бумажки и занимаешься болтовней! В молодости ты уставал в сто раз меньше, когда студентом целыми ночами подрабатывал в доках, бегая вприпрыжку с тяжеленными мешками. Ну-ка! Грудь шире, вдох глубже, бегом марш! Я тебе дам – спать!» Юниус, удивляя прохожих, неожиданно сорвался с места и быстрым бегом направился к внутреннему краю Большой стены – к ближайшему спуску. «А я и не собирался пропускать сегодняшнюю тре-

нировку», – оправдываясь, думал он на бегу. Испуганная лень, охая, забилась в самый дальний уголок сознания, причитая, что ей опять не удастся выспаться.

Снова воспользовавшись таской – для спуска в Новый город, Юниус, пробежав в приличном темпе два километра, ворвался в зал спорткомплекса, в котором занимался многие годы.

– О! Да ты никак поменял работу? – сказал старший тренер, энергично пожимая ему руку. – Маленький, лысоватый, с черной щеточкой усов на круглом лице, тренер фигурой напоминал подростка. Но среди учителей, преподающих искусство рукопашного боя, ему не было равных. – Небось подрабатываешь рассыльным?

– Наоборот! Меня выгнали со старой работы, и вот бегаю, ищу новую.

Юниусу нравился веселый нрав тренера, и он всегда с удовольствием подыгрывал ему в шутках.

– Тогда ты прибежал куда надо: нам как раз нужен новый мойщик бассейна. – Посмеиваясь, тренер добавил: – А твой дружок подумал, что ты уже не придешь, и собирается идти плавать.

В этот момент в дверях раздевалки появился с полотенцем на шее помощник тренера и партнер Юниуса по тренировкам, его старый приятель Бакис.

– Здорово! Еще чуть-чуть – и ты безуспешно вылавливал бы меня из бассейна!

Бакис настолько походил на Юниуса, что их порой принимали за родных братьев. Юниус был разве что посolidнее на вид.

– Да я знаю, что ты в воде как угорь. – Юниус быстро скидывал с себя одежду. – Но я с тобой сейчас на ковре разберусь. Ха! Да с тобой, как я погляжу, сегодня кто-то уже разобрался?

Под глазом у Бакиса красовался лиловый синяк, не давая правому глазу в полной мере рассматривать окружающее.

– Так ему и надо! – засмеялся старший тренер. – Не умеет учить – пусть не берется!

– А я что, виноват, что она дура двинутая?! – возмутился Бакис. – Хотел показать один прием, взялся рукой немножко не в том месте, а она мне с разворота... пяткой! У-у, коза! Если бы она не была женщиной, я бы ее... – И он сделал руками движение, будто откручивал пробку на бутылке.

– Не на ту нарвался! – Слушатели от смеха держались за животы.

– Подход неправильный, попытка не засчитана! – Немного успокоившись, Юниус сочувственно похлопал друга по плечу и, цокая языком, стал разглядывать уже изрядно опухшее «украшение». Потом посоветовал: – Тебе сначала надо было сделать ей предложение, и, поверь мне, в ответ ты получил бы поцелуй, который, как мне кажется, намного приятнее удара пяткой. Или она замужем?

– Да кто ее знает?! Двадцать шесть лет, старая дева, да и рост у нее... На пять сантиметров выше меня. Ты же знаешь, я больше люблю маленьких и хрупких, которых надо – и хочется – защищать.

– И я таких же! Только чтоб грудь была побольше. – И Юниус растопыренными пальцами показал на себе величину своих вожделений.

– Ну ты фантазер! – Теперь уже Бакис заливался смехом. – Видно, это пережиток твоего недоедания в раннем детстве. Вот ты и хочешь наверстать упущенное: мечтаешь найти женщину, у которой мог бы сидеть на коленях, припав губами к источнику незаменимого и самого полезного продукта питания. Какая прекрасная была бы картина! Я думаю, только в этом случае твой организм окрепнет, а мозг завершит запоздалое формирование.

– Вот я сейчас твой мозг сформирую! – Юниус, смеясь, схватил концы полотенца на шее Бакиса, перекрестил их и принялся тянуть в разные стороны.

Старший тренер громко хлопнул в ладоши:

– Все разборки на ковре! Хватит болтать, начинаем работать! Или вы желаете тренироваться с женщинами, которые лишат вас зрения, а может, и чего-то поболее?

– Ни в коем случае! Смилуйтесь! – притворно залепетал Бакис.

– Мы уж лучше сами кости друг другу переломаем, – добавил Юниус.

– Вот и отлично! Тогда быстро разогрелись – и в стойку! Сегодня отрабатываем новый прием.

– Как вы мне надоели! – Учительница расстроено оглядывала класс, в котором сидели тринадцатилетние ученики. – Ну как можно не знать историю своего города? Тем более города, равного которому нет во всем мире! Да любой турист знает больше вас всех, вместе взятых. Я, конечно, не имею в виду трех наших лучших учеников, на которых надо равняться всему классу. Неужели так трудно запомнить архитекторов, которые спроектировали бастионы? Неужели можно не знать имени человека, сделавшего главные разработки и трагически погибшего при строительстве подземной части города?

– Ну, его-то мы знаем! – возразил один из учеников. – А вот остальных так много! И вы еще хотите, чтобы мы запомнили все размеры...

– Это же так просто! – огорченно воскликнула учительница.

– Вам просто – вы это преподаете!

– Да у вас, молодых, память лучше, чем у меня! Кто имеет желание учиться, прекрасно знает все размеры, даты и имена. Вот кто из тех, кем мы гордимся, расскажет об устройстве Большой стены? И о том, когда и как она строилась?

– Мисс Абелия! Разрешите мне? – Чернявая девчонка с глазами-бусинками тянула руку.

– Хорошо, Гелеби, рассказывай.

Учительница тепло смотрела на бойкую девчушку. Та встала, встряхнула двумя великолепными косичками и бойко затараторила:

– Большая стена строилась в период с две тысячи девятьсот двадцать шестого по две тысячи девятьсот тридцать четвертый год. Одновременно с ней возводились бастионы и отдельные фрагменты Подводного города. Основные сложности заключались в возведении со стороны океана запорных ворот, которые впоследствии должны были связывать Новый город с Подводным. Когда герметизация стены была закончена, начали откачивать воду, но лишь через восемь лет обнажилась суша, которая сейчас и является Новым городом. Длина окружности Большой стены чуть больше семидесяти пяти километров, а высота – две тысячи метров. На самом верху тэобразно расположено верхнее перекрытие шириной восемьсот метров. На нем, по краям, стоят здания третьего и четвертого ряда, расположенные, соответственно, с внутренней и наружной сторон. В тридцатиметровой толще перекрытия находятся окружные транспортные магистрали, оборудование насосных станций и системы коммунальных служб. На двести метров ниже, на уровне океана, расположено второе перекрытие, которое называется рабочей (или пляжной) платформой. Она выдвинута в сторону воды на шестьсот, а в сторону Нового города – на пятьсот метров. Платформа разбита на восемь секторов, из которых четыре, находящиеся напротив бастионов, являются портовыми предприятиями; а остальные, между ними, – местом для отдыха горожан. Внизу, вплотную к стене, стоят самые высокие жилые постройки – здания Второго ряда. Напротив, на расстоянии шестисот метров к центру, стандартные дома первого ряда. Симметрично каждому из бастионов в Большой стене имеется по шесть двойных ворот размером десять на четыре метра каждые. Они используются только в случае крайней необходимости. – Девочка замолчала и выжидающе посмотрела на учительницу.

– А толщина стены? – спросила та.

– Большая стена является двойной, – спохватившись, продолжила Гелеби. – Толщина ее колеблется от тридцати до сорока метров. Внутри находятся основные запасы питьевой воды и главные топливозапасники.

– Отлично, Гелеби! – похвалила мисс Абелия и обратилась ко всему классу: – Кто еще что-нибудь добавит о Большой стене?

– А что добавлять, она же все рассказала? – Рыжий веснушчатый паренек явно томился и с нетерпением ждал конца занятий. – Но у меня есть два вопроса.

– Задавай.

– Почему пляжные зоны не сделали по всему периметру стены?

– Если бы не было портовых секторов, то как бы снабжался весь Хрустальный город товарами и продуктами?

– Но есть же огромные шахтные стволы в стенах бастионов?

– Они служат только для вентиляции в Подводном городе и не приспособлены для грузопотоков. Что еще ты хочешь спросить?

– Почему все школы не строят в пляжных секторах?

– А потому что тогда такие, как ты, вообще бы в школу не ходили!

В этот момент раздалось два удара школьного колокола, возвещающие об окончании урока. Рыжий, а за ним чуть ли не полкласса принялись скандировать:

– Если школу не найдем, отдыхать на пляж пойдем!

– Можете идти, до свидания! – махнула рукой мисс Абелия и в поднявшемся шуме и гаме выскакивающих из класса учеников тихо добавила: – Я тоже уйду, сил моих больше нет с этим преподавательством.

Выйдя из школы, учительница истории мисс Абелия постояла в школьном скверике, раздумывая, куда отправиться. «И зачем я согласилась, пусть даже временно, – думала она, – работать в школе? Не могу я без движения, даже короткое время. Тем более – в помещении! – В этот момент она с улыбкой вспомнила учеников: – А ведь я полностью с ними согласна: на пляже, возле воды, в сто раз лучше и приятнее. Может, и мне... Решено! Пойду погуляю по песочку, посижу где-нибудь на скамеечке под зелеными пальмами. Все равно надоедать отцу бесполезно: он говорил, что в ближайшие две недели никаких интересных поездок и экспедиций не будет». И она быстрой походкой деловой женщины отправилась к Большой стене.

Поднявшись на лифте до уровня Пляжной платформы, Абелия прошла через пассажирские ворота и села в открытый вагончик монорельса, следующего в сторону ближайшего места отдыха. Через несколько коротких остановок, проехав над частокором пирсов мимо многочисленных кораблей, стоящих на погрузке и разгрузке, она вышла в самом начале покрытого роскошной зеленью четвертого сектора.

Здесь было единственное место, где высота зданий не превышала пятидесяти метров. Здесь, на натуральных грунтах, завезенных с материка, росли самые редкие и самые красивые растения, собранные со всего мира. Приятно поражали сотни видов птиц, гнездящихся в кронах деревьев. От их многоголосого шума, особенно на некоторых участках, создавалось ощущение, что находишься где-нибудь в джунглях. Легкий ветерок, дующий с океана, был не в силах разогнать неповторимый запах редких экзотических цветов. Некоторые жители Города предпочитали отдыхать не здесь: они садились на корабли, уплывали на острова, которые входили в состав Океании, и уже там, в естественных условиях, проводили отпуска или небольшие каникулы. Но подобное могли себе позволить немногие. В большинстве своем горожане не могли представить себя вне огромных стен Города, Города, в котором они жили с момента рождения. Даже лежа на пляжном песочке, они с успокоением ощущали за своей спиной непоколебимую Большую стену, видели над собой нависающий козырек верхней платформы и всегда могли любоваться возвышающимися на три тысячи метров грома-

дами бастионов. От подножий зданий, расположенных непосредственно над пляжами, были проведены таски с постоянно текущей водой. По ним желающие могли выскочить сразу на поверхность океана. И пользовались ими не только жители третьего и четвертого рядов.

Пройдя по краю пляжного сектора, Абелия удобно устроилась на самом углу набережной, с удовольствием вдыхая запахи моря и джунглей одновременно. Справа от нее, через десяток метров, набережная переходила в ярко-желтую песчаную полосу пляжа, плавно загибающуюся вправо и скрывающуюся за деревьями. Над смешанным лесом, вдаль, виднелась верхушка Северного бастиона. Слева, сразу за узкой полоской воды, начинался гребень пирсов и пристаней, своими зубьями указывающий на исполинскую величественность Западного бастиона. Еле виднеющиеся отсюда, от бастиона к городу тоже тянулись многочисленные пирсы с кораблями, игрушечными издалика. По проливу во всех направлениях курсировали самые разные плавсредства: от мощных боевых кораблей до простейших суденышек и барж, которые перевозили все, что угодно.

Вот и сейчас одна из таких барж стояла на ближайшем к Абелии пирсе под погрузкой. Работали на ней вручную – мужчины в разной одежде, разного возраста и разной комплекции. Они без остановок грузили в довольно-таки объемные трюмы баржи какие-то предметы в больших свободных чехлах и набитые сумки, тоже немаленькие. Похоже, с личными вещами. «Неужели они собираются плыть пассажирами, – подумала Абелия. – На этой-то лоханке! Вроде не студенты, собравшиеся на каникулы. А может, это геологи, уходят в экспедицию? Нет... Не похоже – никто из них не обращает на меня внимания!»

Абелия, часто бывающая именно на этом месте, привыкла к постоянно несущимся со стороны пирса комплиентам и свисту. Высокая стройная блондинка всегда привлекала внимание моряков и грузчиков, обслуживающих суда. А эти, хоть и поглядывали в сторону набережной, старательно делали вид, что не замечают ее. Какие-то иностранцы? Тоже нет. По некоторым признакам в них можно было узнать коренных жителей Хрустального города. «Может, я хоть кого-нибудь из них видела раньше?» Но было почти безнадежно случайно встретить знакомое лицо в Городе, численность жителей которого превышала тридцать миллионов. Тем более что физиономии снующих по пирсу личностей ничем особым не выделялись – они казались незапоминающимися. «Да... Довольно-таки подозрительные типы...»

– Отдыхаете?

Абелия вздрогнула от неожиданно раздавшегося возле нее голоса. Повернув голову, она увидела мужчину в плавках и с явно неискренней улыбкой на лице, почти полностью лишенном загара.

– Нет, ишу одиночества! – довольно-таки грубо сказала она в ответ.

– А погода сегодня просто загляденье!

Приветливый голос незнакомца совсем не вязался с колючим, неприятно ошупывающим взглядом. Желая закончить все разговоры, Абелия демонстративно отвернулась. Но мужчина, нимало этим не смущаясь, спросил:

– Не возражаете, если составлю вам компанию?

– Возражаю!

Но не успела она это сказать, как наглец уже уселся рядом, продолжая в упор ее разглядывать.

– Я тут прогуливался, скучно стало, не с кем даже поболтать...

Абелия даже возмутилась от такого хамства:

– На пляже масса народу, но я не удивляюсь тому, что вас оттуда выгнали: с вами долго не поболтаешь.

Незнакомец неискренне засмеялся:

– Да я и не ходил по пляжу. Просто здесь мое любимое место, и мне здесь нравится загорать.

– Странно! Я здесь почти каждый день, а вас вот вижу впервые. Да это и понятно: ведь вы, с вашей интеллигентной ненавязчивостью, можете приходить сюда только поздней ночью.

У человека в плавках отвисла челюсть, и никчемная бледность не смогла скрыть того, что он покраснел. Особенно бордово потемнели мочки ушей. «Ага! Понимает все-таки, что ведет себя по-хамски! – злорадно подумала Абелия. – Возможно, отстанет и уйдет куда подальше».

Но незнакомец, немного оправившись от оскорбления в свой адрес, изменил тактику:

– Прошу меня, конечно, извинить за беспардонность, но вы мне очень напоминаете одну давнюю знакомую.

Абелия критически осмотрела собеседника, прикидывая его возраст, и с иронией связвила:

– Вы глубоко ошибаетесь, я тогда еще и в школу не ходила.

– Ну что вы, что вы! Я имел в виду наш, тридцать первый век! Хотя... Неужели я выгляжу таким древним?

– Да нет. – Она еще раз осмотрела спортивную фигуру незнакомца. – Для своих лет вы прекрасно сохранились, вам никто не даст больше сорока, ну максимум сорока трех лет.

Тут уже мужчина засмеялся от всей души:

– Ну спасибо, ну уважили! Приятно слышать такие комплименты.

– Странно, что вас это радует. Я ведь никогда не приукрашиваю действительность.

– О-хо-хо! – Мужчина продолжал смеяться. – Трудно представить момент, когда вы начнете кому-нибудь льстить!

– Вам не кажется, – голос Абелии стал срываться, – что кто-то из нас здесь лишний?

– Как жаль, – он притворно вздохнул, – что вы уже уходите. А я даже не успел вам представиться.

«Как надоел! Да он же попросту хочет выгнать меня с моего любимого места. Ну нет, не выйдет! Скорее он у меня искупается, чем я сделаю отсюда хоть шаг! Хотя... Может быть, у него здесь свидание?»

Абелия осмотрелась, но никаких одиноких особей женского пола поблизости не наблюдалось.

– Что вы оглядываетесь? Ждете своего кавалера? У вас свидание?

Она задохнулась от возмущения, а потом процедила сквозь зубы:

– Удивляюсь, как это вы дожили до такого преклонного возраста!

В ответ он снова рассмеялся:

– Благодаря поддержке многочисленных друзей.

– Какой ужас! – Она притворно всплеснула руками. – Разве существуют еще подобные?

– Ну, вы, того... – Незнакомец впервые серьезно обиделся. – Мои друзья вам не сделали ничего плохого!

– Ага! Значит, вы признаете свое неправильное поведение?

– Ну, отчасти... – Он снова принялся ее бесцеремонно разглядывать. – Вспомнил! Я вспомнил, откуда я вас знаю! Вы живете на Восточном бастионе и работаете в баре двадцатого пирса?

– Нет! Я живу в Старом городе! – Абелия, в гнев вскочив, шагнула в сторону пирса. Остановившись у самого края, она повернулась к тоже вставшему незнакомцу. – Женщина знатного рода никогда не будет работать в грязной портовой забегаловке. Вы нанесли мне оскорбление!

– Извините... – Мужчина растерянно улыбался. – Жаль, что мы с вами расстаемся, а то бы я попытался объяснить свое поведение.

– Да, к счастью, расстаемся! Поэтому прощайте! – И Абелия великодушно протянула руку.

Удивленный этим жестом, незнакомец тем не менее шагнул вперед и бережно пожал красивую розовую ладошку. Вдруг девушка закрыла глаза и стала заваливаться назад, будто бы теряя сознание. Мужчина машинально сделал шаг вперед, пытаясь левой рукой схватить ее за талию. Но Абелия неожиданно остановила движение его ноги ступней, тем самым делая подножку, а рукой, молниеносно высвобожденной из рукопожатия, резко дернула его за запястье. Этим она вернула себе равновесие, а телу незнакомца придала солидное ускорение. Так как тормозить было негде, наглый пристава, чуть не задев носом край набережной, сорвался и, пролетев шесть метров, довольно-таки удачно плюхнулся в воду. С баржи раздалась целая буря хохота, одобрительных выкриков и свиста. Вынырнув в пенящейся воде, незнакомец зло взглянул на недостижимую для него девушку и поплыл в сторону пирса, высота которого не превышала двух метров. На него можно было легко взобраться по свисающим на канатах резиновым чалкам.

Погрузка полностью прекратилась: все возбужденно обсуждали только что увиденное. Но тут вмешался боцман. Выскочив на пирс, он засигналил в свой свисток и тоном, не терпящим возражений, гаркнул:

– Кончай травить! Шевелитесь, шланги! Не собираюсь из-за вас здесь еще и всю ночь прохлаждаться! – потом, подойдя к краю пирса, протянул руку и помог выбраться наверх неудачливому купальщику.

«Интересно, – подумала Абелия, – что это хамье будет делать дальше?»

Но человек, получивший, по ее мнению, заслуженный урок, никуда не ушел, а стал с боцманом что-то обсуждать, время от времени поглядывая в сторону набережной. Потом демонстративно громко хмыкнул, взошел на баржу и скрылся в одном из полутемных трюмов.

«Э-э, да он из их компании, – подумала девушка. – Пойду-ка я лучше на пляж, поплаваю. Гораздо приятнее, чем рассматривать эти странные рожи».

Она повернулась и пошла в сторону зеленеющих деревьев, не заметив, что недавний ее собеседник, уже одетый, выскочил на мостик и пристально смотрит ей вслед.

Глава 8

Хардия

На следующий день после помолвки, когда спящая столица Харди только-только начала вырисовываться в предрассветном тумане, Вителла вошел в рабочий кабинет верховного жреца, надеясь первым пожелать своему учителю доброго утра. Но, как бы подтверждая всеобщее мнение, что он никогда не спит, Райгд уже беседовал с главным инженером рудника над разложенными схемами подземных выработок.

– Пусть даст вам Творец здоровья и долголетия!

Ответив на приветствие декёра, Райгд добавил:

– А я думал, ты еще за столом сидишь!

– Самые стойкие еще сидят. Направляясь сюда, я слышал песни и музыку. Но я улизнул одним из первых – как только подвернулась возможность.

– Вижу, вижу! Хотя мог бы и больше уделить внимания той прекрасной даме, которая досталась тебе в пару.

– Ваше святейшество! – умоляюще протянул Вителла. – И вы о том же? Какие могут быть дамы, когда столько работы?

– Согласен, – кивнул Райгд улыбаясь и, обращаясь к главному инженеру, подытожил: – Значит, мы обо всем договорились, приступайте к работе немедленно! Чтобы после обеда все было готово. Как только прибудет первый технический корпус, сразу вводите их в курс дела. Возможно, завтра с утра они подключатся к работе. И не забудьте: все водопроводы – только из пузыря!

– Ясно, господин главный магистр! Все будет сделано согласно вашим указаниям. – Собрав свои бумаги и получив разрешение, инженер поспешно вышел.

– Вы даже первый корпус сюда перебрасываете? – удивился Вителла.

– Если сегодняшняя попытка удастся, предстоит гигантский объем работ. Возможно, внизу придется построить целый комплекс лабораторий. А в этом случае мне нужны будут лучшие специалисты.

Первый технический корпус считался элитным соединением лучших и самых талантливых инженеров и предназначался как для теоретических разработок, так и для их практического воплощения. Фактически корпус являлся военной единицей и подчинялся непосредственно главному магистру и самому императору. Талантливые высокооплачиваемые умы вместе с вышколенным техническим персоналом, который тоже зарабатывал немало, занимались строительством самых ответственных, а иногда и самых секретных объектов.

– Вы не изменили мнение по поводу материала для опыта? Может, первый раз лучше все-таки на животных? – Вителла выжидающе смотрел на учителя.

– Нет, животные тут не подходят. Только человек может рассказать о своих ощущениях после опыта.

– А если не расскажет?

– Плакать будет не о ком. Это преступники, приговоренные к смертной казни. Чем умирать без всякого смысла, пусть перед смертью сделают что-то полезное в своей жизни. Хотя бы для науки. Тем более что в случае удачного оживления им будет даровано прощение и жизнь.

Вителла, прекрасно осознавая, что участь подопытных все равно будет печальной, не смог удержаться и спросил:

– Жизнь? И надолго?

– Пока все не расскажут! – Райгд пристально и колюче посмотрел на своего помощника. – А ты что, жалеешь эти отбросы общества? Этих убийц и насильников?

– Конечно нет. – Молодой ученый смутился. – Но как-то... неприятно.

– А когда ты убиваешь животных, чтобы изучить их внутренности или сделать с них чучело, тебе приятно?

– Ну, так то же животные! – Вителла недоумевал. – Как можно сравнивать?

– Вот ты любишь повторять, что все в мире относительно. А совсем недавно, например, я помню, ты сделал прекрасное чучело льва для музея. И почему ты не задумался, что с точки зрения льва это кощунственно и безнравственно? Более слабое существо лишило его жизни! Лишило того, чего не давало.

– Но ведь животные не обладают разумом! – пылко возразил Вителла.

– Это тоже относительно! – назидательно поднял палец Райгд. – И я тебе по этому поводу расскажу кое-что интересное. Лет сорок назад я организовал экспедицию на юго-восток, где на расстоянии трех с половиной тысяч километров отсюда среди огромных гор расположено гигантское озеро. Оно, по рассказам местных жителей, создано великими богами во время какого-то решающего военного сражения. Моей целью было найти в той части нашего континента залежи алмазов, поэтому все усилия были направлены на геологическую разведку в горах. Среди них, в одной из долин, мы и наткнулись на племя дикарей, живущее в своем, веками никем не нарушаемом, мирке. Так вот, у них существует одна древнейшая легенда, которая во многом определяет их образ жизни и мышления. Дело в том, что они поклоняются только одному божеству – льву. Даже если бы они умирали с голоду, то и тогда бы не посмели поднять оружие на льва или хотя бы забрать у того часть добычи. Скорее съели бы друг друга. По легенде, которую мне рассказал их шаман, люди в древности обижали львов, и те в отместку, взлетев на небо, окунули всю землю в море, уничтожая всех без разбору. Спаслись только те, кто оказался высоко в горах.

Я старался не показывать своего отношения к легенде и к тому, что дикари наделяли львов высшим разумом, однако старый шаман почувствовал мое недоверие и решил доказать обоснованность их верований. С таинственным видом и с потешавшими меня вначале молитвами он привел нас в огромную пещеру, расположенную почти у самой вершины ближайшей горы. Нашему удивлению не было предела! Большинство стен и сводов были расписаны рисунками и надписями на незнакомом языке. Многие были разрушены или стерты временем, но те, что сохранились, поражали красотой и совершенством. На одной стене четко прослеживалась вся история какого-то народа. Возможно, они и были прародителями обитающего рядом племени. А то, что это было очень давно, доказывали исследования, которые нам разрешил провести шаман. Конечно, после дорогостоящих подарков. В одном из дальних ответвлений пещеры мы обнаружили сталагмиты, которые начали образовываться уже после того, как жившие здесь доисторические люди покинули ее. Это доказывалось тем, что под основаниями сталагмитов мы откопали останки здесь же и похороненных, следы костров и обломки утвари. Выяснив время, необходимое для образования сталагмитов, мы подсчитали, когда здесь жили люди, оставившие рисунки и надписи на стенах. Это было приблизительно четыре тысячи лет назад!

– Не может быть! – поразился Вителла. – И что же, надписи удалось прочитать? Что было на рисунках?

Улыбнувшись, Райгд достал с полки толстый альбом и положил его на стол.

– Увы! Написанное до сих пор не расшифровано. Но все это тщательно скопировано, в том числе и рисунки, и занесено в этот альбом.

– Почему же вы мне его раньше не показывали?!

– А ты что, все это время страдал от безделья? Я сам потратил на разгадывание этих надписей почти полгода жизни и не желаю, чтобы и ты, забыв про все на свете, дни и

ночи просиживал над этими закорючками. Для этого есть специалисты. И у них уже есть определенные результаты. Так что скоро прочитаем, что здесь написано. – Райгд перевернул несколько страниц. – А вот рисунки, которые нас интересуют.

На нескольких страницах были изображены дома, сады, поля и работающие люди, разнообразные животные и растения с диковинными плодами. Дальше над людьми появилось изображение лежащего льва с человеческим лицом, который явно находился в полете. За львом тянулся шлейф кувыркающихся животных и людей. Потом нарисованы были огромные тучи с целым частоклом молний и нитками падающего дождя. Следующие картинки показывали страшные наводнения, затопленные города и усталых людей, обессиленно карабкающихся вверх по склонам и преодолевающих встречные потоки воды. На последней были изображены верхушки гор, торчащие из океана, и вышедшие из пещеры люди, протягивающие руки к солнцу.

– Но ведь эти рисунки доказывают несокрушимость и вечность солнца! – Ошеломленный Вителла внимательно разглядывал страницы.

– А они тем не менее поклоняются львам! – возразил Райгд. – В их легенде говорится, что, если люди перестанут почитать львов, те снова взлетят на небо и покарают неверующих.

– И все-таки это сказки!

– Сказки? Документально подтвержденные четыре тысячи лет назад? Все сказки и легенды на чем-то основываются, и все зависит от точки зрения, с которых их рассматривают. Это и есть относительность понятий.

Раздался стук в дверь, и в кабинет вошел Ренни, ближайший помощник Райгды, выполняющий его самые деликатные, а порой и грязные поручения. Выступал он и в роли палача. Ренни был четвертым человеком – после Вителлы, принца и императора, – который всегда мог пройти к верховному жрецу: без доклада, не спрашивая разрешения, минуя личную охрану. Главный помощник по науке и палач недолюбливали друг друга. Райгд, отвечая как-то на недоуменный вопрос Вителлы о том, зачем тот держит возле себя такую личность, ответил: «Может быть, ты хочешь взять его обязанности на себя? – и, выждав, добавил: – Тогда будь добр, занимайся своими делами!» После этого декёрл при встречах всегда делал вид, что не замечает человека, про которого во дворце говорили: «Если у вас что-то болит, обратитесь к Ренни. После его вмешательства вы забудете обо всех своих болезнях – в усыпальнице!» Длинный и тощий, с неровно растущими пучками волос на лысеющей голове, с бесцветными, лишенными ресниц глазами и крючковатым носом, палач даже своим внешним видом внушал окружающим настороженное отвращение и подспудный страх.

– О святейший! – начал докладывать Ренни с подобострастием. – Два смертника готовы. Я выбрал самых молодых и здоровых, как вы и приказали. Их должны были повесить еще вчера вечером, и они с радостью согласились на любые эксперименты, лишь бы прожить еще день.

– Хорошо! Постарайся как можно незаметнее доставить их к шестнадцати часам вот в это помещение. – Верховный жрец показал на разложенной схеме нужное место. – И не забывай о повышенной секретности во всем, что связано с работами в подземных выработках. Займись этим лично. Держи под наблюдением всех, кто принимает в этом хотя бы косвенное участие. Можешь идти.

– Слушаюсь, ваше святейшество!

Палач, кланяясь, сложился пополам и стал похож на поломанный циркуль. Когда он вышел, Вителла спросил:

– А если опыт не удастся?

– Тогда тотчас проведем еще один опыт. Но уже с тем, кто прошел подобное и, как он сам говорил, «согласен еще раз побывать в гостях у Творца нашего». Кстати, как этот Халид себя чувствует?

– Превосходно, господин магистр! По пути к вам я его проведаль: молится, отсыпается и отличается завидным аппетитом. Но если и с ним ничего не получится?

Райгд задумался, потирая свой подбородок. Потом решительно сказал:

– Тогда, скорее всего, прекратим дальнейшие опыты. Я не собираюсь тратить напрасно время и силы, если не получу хотя бы минимального подтверждения случившемуся.

– Эксперимент будет проводиться с затоплением всего помещения или в отгороженном бассейне?

– Конечно в бассейне. При этом будет прекрасная возможность наблюдать за телами в течение всего времени. Бассейн уже строится. Также подводят воду к специальному резервуару, где она должна предварительно прогреться. Надо ведь приблизить условия к реальным. А ты, Вителла, если свободен, спускайся вниз и на месте проследи за всеми тонкостями подготовки.

– Конечно свободен! И считайте, что я уже внизу.

Вителла направился к двери, но та открылась раньше и в кабинет влетел принц Бутен, еще растрепанный и сонный после недавнего пробуждения.

– Ваше святейшество! – Не обращая внимания на Вителлу, он прошел прямо к Райгду. – Я к вам с жалобой на вашего помощника.

– О Творец! – притворно ужаснулся жрец. – Что опять натворил этот дебошир и пьяница?

– Вы о ком? – Принц в недоумении остановился.

– А ты о ком?

– Я о Вителле.

– И я о нем же.

– Какой же он дебошир и пьяница? – продолжал недоумевать принц.

– А за что же на него еще, кроме этого, можно жаловаться?

– А-а-а!.. Ну да, конечно... Но, как ни странно, вчера обошлось без привычных для нас эксцессов. Даже более того, – принц перешел на доверительный тон, – он вчера ушел трезвый, раньше всех и даже никого не избил!

– Ай-ай-ай! – Райгд, подыгрывая племяннику, с удивлением уставился на Вителлу. – Даже не верится... А что ж, в таком случае, он натворил?

– Нечто гораздо худшее! – Принц с прокурорским выражением лица направил палец на своего друга. – Он стал избегать светского общества и, как следствие, не хочет жениться!

– Ну, это уж совсем... – Райгд притворно всплеснул руками. – А ведь уже такой большой... Нехорошо, ой как нехорошо!

– О Творец! – Возмущенный Вителла даже стал заикаться: – А-а в честь ч-чего я должен ж-жениться?!

– Ваше святейшество! Вы только взгляните на него! – Бутен сложил руки, взывая к справедливости. – В детстве мы дали друг другу обещание жениться в один день. И вот: я скоро женюсь, а он даже не собирается!

– Я?! Обещал?! – От изумления глаза Вителлы, казалось, вот-вот выскочат из орбит.

– Обещал, обещал. – Принц присел на стул и заложил ногу за ногу. – Я вчера при всем дворе сказал: твоя супруга будет настолько же прекрасна, как и моя. Поэтому я тебе вчера и намекал перед церемонией, что если бы моя оказалась некрасивой, то и твоя была бы некрасивой. Если бы моя оказалась прекрасной (а свершившееся превзошло все мои ожидания), то и твоя была бы красавицей. Теперь встает один неразрешимый вопрос: возможно ли отыскать еще одну такую же несравненную жемчужину? Поэтому можешь выбирать любую, которая тебе нравится. Но сказать о своей избраннице ты мне должен сегодня, до конца дня. Если ты не выберешь, мы с принцессой назовем твою будущую супругу сами. Раз договаривались, значит, должны отпраздновать свадьбы одновременно, в один день.

Ошеломленный декёрл обратился к Райгду:

– Ваше святейшество, заступитесь! Как можно так издеваться над человеком? Более того, над ближайшим другом!

– Ну, во-первых, – жрец выразительно хмыкнул, – грех считать издевательством женитьбу на прекрасной женщине, которую, как я понял, собираются тебе найти. И которая будет не хуже, чем супруга самого императора! А во-вторых: с чего это я должен за тебя заступаться? Я полностью поддерживаю принца в этом вопросе. Тебе действительно пора жениться.

– Но мне даже не на ком! Нет подходящей девушки, которая была бы мне близка и которую я хорошо знаю...

– Ну, это не всегда обязательно! – перебил Райгд Вителлу. – Брак по договору даже лучше. Ты пойми: теперь тебя дома всегда будет ждать близкий человек, за тобой будут ухаживать, кормить постоянно чем-то вкусненьким. Короче: ты будешь иметь все то, что называется домашним очагом. Так что, дружище, готовься к свадьбе. А сегодня, будь добр, назови мне имя своей избранницы.

– Как я за один день могу выбрать кого-нибудь для такого ответственного дела, как женитьба?!

– Вот для этого ты и должен почаще находиться в светском обществе! – Принц встал и обратился к своему дяде: – Мы с утра решили все вместе прокатиться по пузыритовой магистрали. Так что я его забираю.

– Не возражаю.

– А как же опыт? – Вителла даже обиделся. – Неужели вы будете проводить его без меня?

– Начало опыта – в шесть часов вечера. Ты вполне успеешь за это время покататься в прекрасном обществе и даже, возможно, решить свои семейные проблемы. Не переживай, я без тебя не начну. Кстати, не помешает иметь возле принца человека, который бы его сдерживал: ведь он слишком любит большие скорости.

– Я?! Да Вителла всегда гонял быстрее! Это за ним нужен глаз да глаз!

– Вителле можно. – Райгд с улыбкой смотрел на молодых мужчин. – Он, в худшем случае, рискует не стать в будущем верховным жрецом. А вот вы, выше высочество, должны являть собой пример сдержанности и рассудительности.

– Все, Вителла, убегаем! – Принц схватил друга за плечи и поволок к выходу. – Сейчас дядя начнет читать наставления, и мы застрянем здесь до вашего опыта. А нам еще надо выбрать лучшие лимузины и ехать в посольство за дамами.

И, толкая перед собой упирающегося Вителлу, Бутен поспешно вышел из кабинета верховного жреца.

– Что это у вас за опыт, – спросил он, уже спускаясь по лестнице, – что ты ради него готов все бросить?

– Пока еще ничего конкретного. – Декёрл явно был расстроен изменившимся распорядком дня. – Когда что-нибудь получится, расскажу все подробно. Но ты мне лучше признайся, ты что, на самом деле хочешь меня женить?

– Да! Потому что если этого не сделаю я, ты сам никогда не решишься. И мы к тому же всегда мечтали сделать свадьбу одновременно.

– Да перестань. Насколько я помню, не давали мы таких взаимных обещаний!

– Помнишь?! А ты готов с полной уверенностью заявить, что подобного не было?

– Мы же тогда были совсем детьми!

– Все равно – это не освобождает тебя от ответственности!

Вителла обреченно вздохнул:

– Ну тогда ладно, но с одним условием.

- Не стесняйся, выкладывай!
- Я сам себе выберу суженую, и для этого мне надо десять дней.
- Хорошо! – Принц похлопал Вителлу по плечу. – Ты вполне укладываешься в минимальные сроки месячной помолвки и успеешь сыграть свадьбу вместе со мной.

Земля, наше время. В этой сюжетной линии все события происходят вокруг главного героя, которому суждено потрясти мир. Как ни странно, иногда великим героем становится ученый. Хотя для этого он должен быть неисправимым романтиком. И – настоящим Человеком. С большой буквы.

Глава 9

Бро́ди

Александр Константинович Броди откровенно разглядывал сидящую перед ним девушку. Ее нельзя было назвать красавицей, но в свои двадцать четыре года она выглядела как идеально ухоженный экзотический плод, рассеивая вокруг очарование и таинственность. В ней была та неуловимая изюминка, которую мужчинам трудно конкретно обозначить и которая подспудно интригует и манит. Курносый нос, острый подбородок, небольшие ямочки на щеках как-то не гармонировали между собой, но влажные блестящие глаза своей чернотой придавали ее облику непонятное совершенство. А уж фигурка у нее была... Лучше всего.

Длинные стройные ножки, тонкая талия и небольшая, но приятно стоящая грудь – все это было как раз во вкусе Александра Константиновича.

Девушка первой прервала затянувшееся молчание:

– Что это вы на меня так смотрите? На мне рога не растут.

Броди засмеялся и заглянул в лежащую перед ним бумажку:

– Если не ошибаюсь, Лариса...

– Ярославовна! – требовательно добавила девушка.

– Да, да! Здесь у меня так и записано. Я рад, что у вас, Лариса Ярославовна, – подчеркнул он свое к ней обращение, – как вы выразились, рога не растут. Увы, это прерогатива мужчин, и хорошо, что они бросаются в глаза только тем, кто хорошо знаком с... э-э-э... фигурантом. А люблюсь я вами потому, что удивлен. Ко мне в основном приходят люди не совсем здоровые и, мягко говоря, не совсем молодые. Тогда как вы, с вашей пышущей здоровьем внешностью...

– Мне порекомендовали вас как отличного массажиста. И очень странно, что вы не знаете о пользе общего массажа в любом возрасте и в любом состоянии. – В голосе девушки ощущалась немалая твердость характера. – И если вам заплачено, не тратьте время на беспредметные разговоры.

– Я считаю, между нами должны быть доверительные, дружеские отношения, – пытался продолжить разговор массажист.

– Еще чего! – Лариса высокомерно повела плечиком. – Даже наша разница в возрасте не допускает никакой дружбы.

– Жаль, конечно. – Александр сочувственно закивал головой. – Оказывается, я уже пропустил тот возраст, когда женщины любят пообщаться, обсудить интересующие проблемы и последние новости.

– Кто бы говорил! За те деньги, что вы дерете, я должна с вами еще и общаться? – Девушка саркастически хмыкнула. – Я могу этим заниматься бесплатно, притом с людьми, которые мне приятны.

– Очень рад! Вы мне тоже понравились. – Александр Константинович решительно встал. – Но времени для разговоров больше не осталось, приступим к массажу.

– Даже не верится. Как вы все успеваете?

– Стараюсь. Хотя это и нелегко. – Он притворно вздохнул. – Прошу вас, проходите в ту комнату, раздевайтесь и проходите в душевую. После душа выходите в следующую дверь, там я буду вас ждать возле массажного стола.

– Раздеться догола? И принять душ? – У девушки округлились глаза.

– Обязательно! Там есть чистые простынки, накиньте на себя одну.

– Больше ничего?

– А что еще?

– Может, вы меня еще и поймать захотите? – ехидно спросила Лариса.

– За те жалкие гроши, что вы платите, – возмутился Александр Константинович, – еще и это? Никогда! – Так восклицая, он подошел к зеркалу и стал себя рассматривать. – Неужели у меня такой дешевый вид? Ай-ай-ай! – И, огорченно вздохнув, добавил: – Надо будет обязательно заказать очки в золотой оправе с простыми стеклышками. Буду тогда солидней выглядеть, да и клиенты зауважают.

– Хоть три седла корове нацепи, ни молока, ни уваженья не прибавят! – процитировала Лариса строчки популярной басни.

– Вы еще не в душе?! – Броди притворно грозно сдвинул брови. – Давайте-ка, милочка, поторопитесь! А я пока пойду готовить инструменты. – Он показал свои руки. – Тоже нужно непременно помыть. Потом начну разминать пальцы. – И, схватив себя за горло, принялся демонстрировать удушающие движения, как бы намекая на подобное развитие массажа.

– Да вам в цирке клоуном работать! Или вас уже и оттуда выгнали? – И, не дожидаясь ответа, девушка решительно вошла в раздевалку. Через некоторое время раздался шум воды.

«Ну и деваха! – подумал Александр с восхищением. – Такой палец в рот не клади, всегда последнее слово останется за ней!»

И, зайдя в массажный кабинет, он принялся ополаскивать руки под краном, заодно напевая веселенький мотивчик какой-то старой песенки.

Доктор исторических наук Александр Константинович Броди месяц назад шокировал многих своих знакомых тем, что открыл массажный кабинет и занялся таким прозаичным, казалось бы, ремеслом. Известнейший археолог, прекрасный организатор и руководитель многочисленных экспедиций, ученый, имеющий в своем послужном списке более десятка уникальных открытий и находок, больше сотни самых разнообразных публикаций... Он вдруг отошел от привычной деятельности и, как поговаривали, в свои сорок лет остался у разбитого корыта. Но только несколько человек знали об истинных причинах, побудивших такого знаменитого исследователя, как Броди, заняться лечением остеохондрозов и радикулитов на разных стадиях. Сложный калейдоскоп политических событий, научно-производственной работы и личных судеб многих десятков близких людей менял коренным образом все устои и традиции.

Начало двадцать первого века застало Украину в полной экономической и финансовой разрухе. Политические бандиты, прикрываясь депутатским иммунитетом, разворовывали остатки народного и государственного благосостояния и каждый день урезали и без того мизерные ассигнования на науку, медицину и культуру. «Сэкономленные» таким образом средства скармливались непомерно раздутому бюрократическому аппарату. А кому в таком государстве нужна археология?

Институт, в котором работал Александр Константинович, теоретически еще функционировал, но зарплату не платили уже больше года. Талантливые и заслуженные специалисты быстренько переметнулись за границу, где их с удовольствием приняли лучшие учебные и исследовательские заведения. Кто пошустрее, занялся мелким бизнесом или гнул спину на небольших дачных участках, тем самым спасая свою гордость от необходимости попрошайничать на улице или рыться в мусорных баках. При таком положении дел некому было финансировать не то что крупную экспедицию, но даже мизерные исследования, которые еще недавно велись для показухи. Поиски спонсоров стали делом бессмысленным и безнадёжным. Те немногие предприниматели, которым удалось совершить одну-две удачные сделки, принесшие хорошую прибыль, оставляли заработанные деньги в иностранных банках и даже не помышляли о вложении средств у себя на родине. Ибо в каждом банке сидело

жулье в государственных мундирах и поджидало наивных доверчивых вкладчиков или инвесторов, тут же прикарманивая те деньги, которые остались после драконовских поборов.

Броди уже не раз собирался откликнуться на многочисленные приглашения коллег из-за границы и переехать на новое место жительства с высокооплачиваемой работой, но... Как-то все не получалось. То поездки на места новых раскопок, то неоконченная статья или книга, то надежды (увы, до сих пор не осуществившиеся), что положение науки улучшится. Да и не хотелось оставлять свой уютный домик на тихой улочке в старом районе Харькова. Семьи у него не было, из близких родственников тоже никого не осталось. Скорбь о родителях, ушедших из жизни друг за другом несколько лет назад, улеглась, и в душе остались только самые светлые воспоминания, связанные с отцом и матерью. Будучи раз женат, Александр потерял жену из-за частых и длительных отлучек. Они расстались, так и не решившись завести детей, – и уже давно были чужими друг другу людьми.

Зато была огромная куча друзей, которые хоть и разбрелись по всему свету, но постоянно поддерживали с ним самые тесные отношения и, бывая в Харькове, в первую очередь старались встретиться с Александром Броди, которому еще в студенческие годы единодушно присвоили кличку Плинтус. Прозвище это, которым пользовались очень многие друзья и знакомые, прилипло к Саше еще в десятом классе. Именно тогда, дабы не очень отличаться от одноклассников (а был он на два года младше), молодой Броди придумал для себя универсальное слово. С этим словом и с помощью различных прилагательных он охарактеризовывал любого человека. Например: плинтус драный, плинтус двинутый, шибко грамотный плинтус. Позднее он стал применять это же слово и к девушкам, только добавляя окончание: стройная плинтусья, хитро сделанная плинтусья, плинтусья очаровательно фрезернутая. Как часто бывает в таких случаях, слово прилипло к нему самому и стало его прозвищем. Но он не обижался, а на вопрос «Почему?» отвечал: «У них не хватает фантазии, а мне даже приятно, когда меня цитируют и во всем подражают». В школу Саша пошел в пять лет и тянул вначале чуть ли не на вундеркинда. Но все попытки за год окончить два класса оказались безуспешными: он так и окончил десятилетку самым маленьким и младшим среди соучеников, зато с отличными отметками и со знаниями, намного превышающими планку среднего образования.

Может, его бы и обижали более сильные и задиристые товарищи по классу, если бы не сосед по улице, с которым они сидели за одной партой.

Тот выглядел вообще громилой, так как пошел в школу в восьмилетнем возрасте. Мускульная сила Митьки и разносторонняя эрудиция Саньки соединились в мощный тандем дружбы и взаимовыручки, который удивлял очень многих, но сохранился на всю жизнь. У Митьки уже с третьего класса было прозвище, которым его в глаза мог назвать только Саня. Все остальные при этом нарывались на крупные неприятности. Дело в том, что Митя всегда мечтал стать космонавтом и однажды напялил на голову старый чайник, который смогли снять лишь через несколько часов, разрезав специальными кусачками. Но даже после того, как его стали называть Чайником, он не перестал мечтать о космосе и сделал эти мечтания своей целью в жизни.

А когда родители Александра, мечтавшие сделать из того светило мировой медицины, настояли на поступлении в мединститут, Дмитрий, недолго думая, пошел поступать вместе с другом, выдвигая веский аргумент: «В космосе врачи тоже нужны!» И они продолжали учиться вместе, но уже в высшей школе.

Медицина – медициной, но у Александра Броди была в жизни другая мечта. Прочитав в детстве чудесную книгу про археологов, которые занимались подводными раскопками в водах Черного моря, он загорелся желанием найти что-то древнее и давно утерянное. Прикоснуться к истории, покрытой мраком многовековой тайны, вернуть к жизни утраченные

факты, забытые человечеством. Получая медицинское образование, он тратил все свободное время на углубление знаний по истории, археологии и даже на изучение древней письменности.

Поэтому, когда мединститут был закончен, Александр тут же поступил в Донецкий университет на исторический факультет. Друг Дмитрий, понимая, что история не вяжется с космосом, после торжественных взаимных обещаний дружить вечно рванул в Москву, где с блеском поступил в авиационный институт, из которого вела хорошо протоптанная тропинка в центр подготовки космонавтов.

А для Броди вскоре началась интереснейшая жизнь, проходившая в дальних и ближних экспедициях. Огромный мир перед ним стал раскрываться во всем своем неповторимом историческом многообразии: подводные города, загадочные рисунки и надписи в глубоких пещерах, уникальные находки в доисторических захоронениях. Все это завертело и закружило, забрав энергию до последней капли, лишив личной жизни и не оставляя времени даже на отдых. Вместо отпусков Александр, часто за свои деньги, мчался на очередной край света в поисках нового элемента неизвестного прошлого. И из этих элементов он, с огромной любовью, помогал складывать многоликую и разноцветную мозаику истории человечества.

А его лучший друг Дмитрий Сергеевич Гоянюк действительно стал космонавтом. И хоть был гражданином России, а не Украины, продолжал приезжать в Харьков. Иногда он выполнял личные просьбы Александра Константиновича Броди, осуществляя фотографирование и измерения намеченных поверхностей Земли из космоса. Правда, делал это не лично, а просил помочь своих товарищей или изымал информацию из спутников связи в ЦУП. Эти данные космонавт передавал своему другу археологу в частном порядке, совершенно не беспокоясь, что об этом узнает московское начальство.

Объектами, интересующими Броди, были, как правило, безжизненные пустыни, над территорией которых космонавтам полагался отдых. Поэтому внеурочное время, которое тратил на фото и исследования Дмитрий, оплачивалось искренним интересом ученого друга и простой человеческой благодарностью. Тем более что для друга Плинтуса Гоянюк, так и оставшийся в дружеском обращении Чайником, сделал бы все, что угодно.

Ожидание всемирно известного космонавта тоже было одной из причин, из-за которой Александр не выезжал из Харькова уже больше года.

И была еще одна тайна. Два года назад в Крыму нашли очень странное захоронение. В нем, видимо, хоронили своих жрецов или шаманов какие-то местные древние народы. И хоронили, просто-напросто скидывая последних на скелеты предшественников. Поэтому дно захоронения покрывал толстенный слой перемолотого праха. Но не это впечатлило, а то, что последние мало-мальски сохранившиеся кости имели возраст больше трех тысячелетий. И самое главное – среди бесполезной массы истлевших вещей и бессмысленной мишурной атрибутики в специальной герметической яме были обнаружены больше ста серебряных пластин, каждая площадью почти в квадратный метр. Находки были залиты специальным смоляным раствором, состав которого так и не удалось выяснить полностью. С обеих сторон каждой пластины мелким шрифтом были нанесены письмена, которые не встречались никогда ранее!

К великому ужасу Александра Константиновича, приехавшего тотчас, треть бесценных пластин исчезла самым непонятным образом. Пришлось устраивать скандал на государственном уровне. Но тут людишки в погонах, поставленные охранять общество от вора, деликатно намекнули: мол, не кипятись, забирай, что есть, а то и остальное «исчезнет». Пока он в возмущении раздумывал, как поступить, прямо из комнаты у него украли еще

несколько страниц загадочной письменности. Медлить было нельзя. Без промедления оставшиеся находки были перевезены в неприступные подвалы института, вход в которые Броди разрешал только себе. Очистив пластины от смолы, он стал заниматься расшифровкой и больше года почти ничего не замечал вокруг себя. Сфотографировав все надписи и введя их в свой домашний компьютер, он даже перестал ходить на работу, всецело поглощенный разгадыванием неизвестного. И в конце концов талант и настойчивость принесли величайший успех в его жизни – все надписи на таблицах были прочитаны! Но полученной информации явно не хватало. Через подставных лиц Броди попытался отыскать украденные еще в Крыму недостающие пластины. За немалые деньги ему удалось выкупить лишь одну, след остальных был безвозвратно утерян.

Несмотря на эпохальную значимость события, Александр Константинович скрыл совершенно расшифровку новонайденной доисторической письменности. Более того, он совершенно перекрутил и запутал информацию о самом существовании серебряных пластин, что в существующем хаосе очень несложно было сделать. Толкнули его на это небеспочвенные опасения о дальнейшей судьбе найденных реликтов древней письменности. И самое главное – сам расшифрованный текст. Там было такое!.. Броди решил продолжать исследования в полной тайне, не подпуская никого к самой сути своего поиска. А для окончательного решения ему не хватало лишь подробных съемок с большой высоты тех мест, которые его заинтересовали. В этом мог помочь лишь Гоянюк.

Встреча в Москве была горячей и очень бурной. Конечно, не настолько, как хотел Дмитрий: он как раз готовился к очередному космическому полету. Но ресторан гудел! Дав задание-просьбу своему другу-космонавту, ученый-археолог вернулся в Харьков и стал проводить дни и недели в томном ожидании. Так бесплодно прошел почти год.

Чуть больше месяца назад Броди заглянул в совершенно пустой холодильник – и задумался. А внимательно рассмотрев в зеркале свое отощавшее от недоедания лицо, решил хоть как-то улучшить свое материальное положение. Мозги, получившие новую тему для размышлений, тут же выдали приемлемое решение. Через час Александр уже обзванивал друзей с просьбой сделать ему рекламу и направлять всех потенциальных клиентов в только что созданный массажный кабинет. Друзья подключились к рекламе с таким рвением, что спрос превзошел все ожидания, и даже высокая плата не отпугнула поток хлынувших к нему после звонков посетителей. Расписав очередь на много месяцев вперед, Броди при двух выходных имел теперь в день три-четыре массажа и, беря за каждый по тридцать евро, полностью обеспечил себя всем необходимым. Он даже поправился и стал снова похож на того веселого компанейского балагура, которого любили друзья и обожали знакомые – со студенческих времен.

Несмотря на то что ему шел сорок первый год, Броди был мужчиной крепкого телосложения, в полном расцвете сил.

Ему удалось сберечь все зубы, все немного выующиеся волосы, а также гладкую кожу лица и озорной юношеский взгляд. Немного выпирающий животик придавал ему вид преуспевающего француза, живущего где-нибудь на окраине Парижа, и, как не раз замечали друзья, для общего завершения образа не хватало только очаровательного пенсне.

Вот и сейчас он прикидывал, вытирая руки полотенцем: где все-таки заказать солидные красивые очки. Из душевой, закутанная по шею в белую простыню, вышла раскрасневшаяся клиентка. Опытному взгляду было заметно, что на массаж она пришла впервые, но изо всех сил пытается сделать вид полного безразличия к предстоящему.

– Лариса Ярославовна, – подчеркнуто вежливым голосом произнес Броди, – как массажист я обязан знать, каким видом трудовой деятельности вы занимаетесь.

– В данный момент, – девушка высокопарно взмахнула свободной ручкой, – я лишь рассматриваю наиболее интересные предложения о работе. В этом вопросе никогда не стоит торопиться.

– Вполне с вами согласен. А теперь снимайте простыню и ложитесь на этот стол. Сначала на живот. – Заметив нерешительность девушки, он добавил: – Не бойтесь простудиться, здесь поддерживается оптимальная температура.

– Придется поверить вам на слово!

Обреченно вздохнув, она подошла к столу, легла на живот и только потом откинула простыню со спины в разные стороны.

От увиденного глаза Александра Константиновича расширились, а тело перестало повиноваться. Где-то глубоко внутри вдруг проснулось давно сдерживаемое чувство, которое всегда пробуждается в мужчине при виде женщины, которая идеально соответствует собирательному образу, зафиксированному в генетической памяти.

«Как же я буду работать?! – Он вдруг в панике почувствовал, что руки стали влажными, а пальцы предательски задрожали. – О господи! Лучше б я ее выгнал!»

Неожиданно зазвеневший телефон дал идеальную возможность перевести дыхание и немного взять себя в руки. Быстрым движением он накрыл девушку полами простыни и прошептал внезапно осипшим голосом:

– Прошу прощения, буквально одна секунда! Только попрошу перезвонить попозже!

– Да сколько угодно.

Лариса легла на бок и, опершись на локоть, с загадочной улыбкой посматривала на массажиста. А он, подойдя к телефону, неловко снял трубку.

– Я слушаю!

– Здорово, Плинтус! – Мужской голос был таким громким, что даже девушка отчетливо слышала каждое слово. – Как жите-бытье?

– Чайник! Привет, родной! – Александр от радости даже слегка подпрыгнул на месте. – Когда приехал, где находишься сейчас?

– Докладываю: только что, выйдя из здания аэропорта, я сел в автомобиль черного цвета типа «мерседес» и на большой скорости двигаюсь к зданию, в котором ты сейчас находишься. Предупреждение: если через пятнадцать минут ты не будешь стоять у закрытой калитки со стороны улицы, то твои ворота будут взяты на таран и будет совершен наезд на твою веранду, с целью сорвать с петель входную дверь.

– Чайник! – засмеялся Броди. – Я тебя задушу!

– Ты мне не веришь?! Ну сейчас, сейчас!.. – В трубке послышалось обращение к водителю: – А ну, ямщик, поддай-ка жару! Совсем тут без меня ездить разучились! – А потом снова в трубку: – У тебя осталось двенадцать минут!

– Да я бы через минуту уже бежал в твою сторону! Но, – Броди растерянно взглянул на Ларису, – у меня тут девушка.

– Так держать! Давно пора! А хорошенькая?

– Да... – Александр Константинович смутился. – Довольно-таки...

– Отлично! Тогда нас уже трое, и мы пообедаем все вместе.

– Но... это как-то...

– Чего ты там мнешься?! А ну-ка дай трубку своей красавице, я сам попытаюсь с ней договориться!

– Да ты так орешь, что она все отлично слышит.

– Прекрасно! – Голос в трубке стал еще громче: – Девушка! Алло! Вы меня слышите?! Приглашаю вас на торжественное мероприятие, посвященное моему удачному возвращению из космического пространства!

– А кто он такой? – Лариса удивленно приподняла брови.

– Она спрашивает, кто ты такой, – сказал Броди в трубку и от себя добавил: – И можно ли тебе доверять.

– Что?! – Казалось, телефон не выдержит и воспламенится от чрезмерного звука. – Девушка! Что он там на меня наговорил?! Не верьте ни единому его слову! Постарайтесь завязать ему рот и задержать до моего прибытия через десять минут! Тогда мы вместе с вами с ним разберемся! Все! Конец связи! – И в трубке раздались короткие гудки.

– Увы! Сегодняшний массаж придется отменить. Вы уж извините, что так получилось. Но с ним, – он кивнул на остывающий и потрескивающий телефон, – бесполезно спорить.

– А вы знаете, я подозревала, что произойдет нечто подобное. – Девушка встала, поправляя на себе простыню. – Или вы всем в первый раз устраиваете аналогичное крещение?

– Да вы что?! – даже испугался Александр и стал, оправдываясь, подробно объяснять: – Дело в том, что это звонил Дмитрий Гоянюк, всемирно известный космонавт...

– И вы с ним знакомы?! – перебила Лариса с загоревшимися глазами.

– Да, мы с ним знакомы с детства, он мой лучший друг. Когда мы встречаемся, наша радость настолько безмерна и беспредельна, что мы устраиваем по этому поводу крупный праздник или шумную вечеринку.

– А как по поводу компенсации ущерба, нанесенного мне в связи с невыполнением массажа?

– Все, что угодно! – Александр Константинович покаянно сложил руки и покорно склонил голову.

– Тогда познакомьте меня со своим другом, – неожиданно сказала девушка. – Я еще ни разу в жизни не видела живого космонавта.

Броди облегченно рассмеялся:

– Да вы его плохо знаете! Если он сказал, что будет через двадцать семь, к примеру, секунд, то так оно и будет. Если сказал, что приглашает на обед, то вам уже не отвертеться. Да и сбежать бы вы не успели: через пару минут он протаранит мои ворота на черном «мерседесе».

– В самом деле? – спросила Лариса, кутаясь в простыню.

– Ну, ворота, может, и не выломает, они у меня из толстого железа, а вот шуму поднимет на всю округу. Так что, быстро одеваемся и как можно моментальнее выстраиваемся возле калитки...

– ...со стороны улицы! – продолжила за него девушка и выбежала в раздевалку.

С минуту Александр Константинович стоял, задумчиво глядя ей вслед, почесывая то нос, то затылок и глубокомысленно хмыкая. Потом неожиданно нанес два прямых в голову воображаемому противнику, бросился на пол и сделал десяток отжиманий, вскочил и совершил интенсивную пробежку на месте, высоко поднимая колени. Сделав несколько глубоких вдохов, он сложил вместе ладони, потом поднял глаза к потолку и проговорил:

– Пусть ко мне придет удача! – и, посмотрев на дверь раздевалки, добавил: – И в этом тоже!

Глава 10

Город

Кабинет главного ведущего по контактам с другими народами ничем не напоминал место, куда сходятся нити всех видов разведывательной деятельности Океании. На застекленных полках, занимающих три стены до самого потолка, в неисчислимом количестве стояли фигурки зверей, рыб и птиц, сделанные из самых разнообразных материалов. Сам владелец кабинета прекрасно знал численность своего искусственного зоопарка и часто упоминал об этом, но все остальные не могли вспомнить эту огромную цифру из-за ее постоянной изменчивости. Все, кто общался с Тасоном, знали о его хобби и считали за честь подарить небольшой сувенир, привезенный, как правило, из дальних мест. К тому же это считалось хорошей приметой, гарантирующей удачное выполнение следующего задания.

Но лишь сам шеф разведки знал, какие фигурки и в какой последовательности надо повернуть, чтобы открыть ту или иную нишу, в которой скрываются секретные архивные материалы. Тасон занимал свою должность уже более двадцати лет, и одним из положительных свойств его характера, помогающим в такой сложной деятельности, была феноменальная память. Он держал в голове такой гигантский объем информации, что постоянно удивлял своих сотрудников и подчиненных. У одних он вызывал неприкрытое восхищение, у других – плохо скрываемую зависть или боязнь опростоволоситься. Если кто-то забывал или не учитывал мельчайшую подробность разрабатываемой операции, шеф тут же указывал ему на ошибку и, невзирая на лица, делал малопривлекательное замечание. При этом говорилось: дескать, если я обо всем помню, то почему вы, конкретно занимающийся данным делом, так плохо осведомлены?

Сидя за письменным столом довольно скромных размеров, Тасон перелистывал какие-то бумаги, временами останавливаясь и внимательно вчитываясь в содержание. На углу стола, рядом с двумя кнопками, загорелась небольшая красная лампочка вызова. Он нажал одну из кнопок, включая переговорное устройство:

– Да?

В ответ послышался голос секретаря:

– Господин главный ведущий! К вам господин советник Юниус.

– Пусть войдет!

Он отпустил кнопку и нажал другую. В кабинет вошел Юниус и плотно закрыл за собой дверь. Только после этого шеф разведки отпустил кнопку и обменялся приветствиями со своим первым замом. Получив разрешение, тайный советник по странам Среднего моря расслабленно плюхнулся в кресло, стоящее напротив стола, и доложил:

– Первая партия наших людей со всем необходимым уже в пути. Будем надеяться на их благополучное освоение на месте.

Все подмечавший Тасон одобрительно кивнул и спросил:

– Чего это ты такой угрюмый?

– А-а... плюнули в душу... неохота даже рассказывать.

– Ну, раз неохота... – шеф улыбнулся, – думай, что рассказывать нужно. Считаю, приказ ты уже получил.

– Скорее всего, то, что со мной произошло, к делу не относится. Хотя... – Юниус задумчиво почесал подбородок. – Мы ведь решили грузиться днем, дабы не вызвать излишней заинтересованности у случайных наблюдателей. И вот мы грузимся, а на набережной пляжа уселась какая-то смазливая девица и принялась самым наглым образом наблюдать за происходящим на пирсе. Мало того, она еще и внимательно всматривалась в лица: создавалось

впечатление, что она пытается их запомнить. Все люди как люди: кто на пляже отдыхает, кто работает, а эта... – Он пренебрежительно хмыкнул. Потом продолжил рассказ: – Я незаметно спустился с другой стороны судна, добрался вплавь до пляжа и, уже с противоположной стороны, подхожу, будто бы прогуливаюсь. Думаю, поговорю, выясню, кто такая.

– Ну и как, поговорил?

– Если можно так выразиться! Как я с ней ни заигрывал, но в ответ слышал лишь одни грубости. Решив хоть что-то узнать, слегка на нее надавил. Так она как вскочила, как расшумелась! Говорит, мол, вы меня оскорбили, я, дескать, знатного рода! – Последнее предложение он спародировал женским голосом, а потом в сердцах добавил: – Ха... Дешевка!

– Зачем же так злиться? Где твоя выдержка?

– Так ведь самое обидное впереди. – Он расстроено ударил кулаком по ладони. – После этого она делает вид, что падает то ли в обморок, то ли еще куда, и я, как дурак, на это повелся: полез поддерживать! А она меня дергает за руку, ставит подножку, и я, как бестолковый ишак, падаю с набережной в воду. Еще в полете я услышал дружный хохот ребят, которые все прекрасно видели. Как мне перед ними стыдно, как она меня опозорила... – И, опершись локтями на колени, он обхватил голову руками.

Тасон, сотрясаясь всем телом от тихого старческого смеха, вытер слезу, выступившую в уголке глаза, и радостным голосом поблагодарил:

– Ну, спасибо! Повеселил старика! – Немного успокоившись, спросил: – Выяснил, кто она такая?

– Выясняю! Завтра буду знать. И ей жутко повезет, если она окажется чистой и не замешана в какой-нибудь шпионской деятельности.

– Это уже твои проблемы. Ведь не по этому поводу ты ко мне пришел?

– Да, конечно. Но вы сами приказали мне рассказать. – Юниус укоризненно посмотрел на шефа. – А потом еще и сами же посмеялись.

– Ты сам развеселился от своего рассказа, если согласишься на это дело со стороны.

– Ну, вообще-то... – Он задумался, но, спохватившись, стал докладывать о другом событии: – Перед самым отплытием рядом пришвартовалось судно, завершившее рейс из Хардии и доставившее серебряные слитки. На нем работает наш человек – боцман Донтер...

– Прекрасно его знаю, – перебил шеф своего подчиненного. – Мы даже несколько раз общались лично.

– Тогда вас, пожалуй, не удивит то, что он вам передал, как это удивило меня. – С этими словами Юниус достал из своего портфеля чудесную статуэтку жирафа, сделанную из слоновой кости.

Блаженно охнув, Тасон зацокал языком от удовольствия и принялся вертеть сувенир, разглядывая его со всех сторон.

– Ай да Донтер! Вот это уважил! – Потом встал и осторожно поставил подарок на одну из полок. Задвинув аккуратно стекло, вернулся за стол. – И что же интересного он тебе поведал?

– Кроме серебра он доставил в город еще и подозрительную парочку, которая поселилась в одной из лучших гостиниц Восточного бастиона. Донтер сразу же сообщил о них в наши бастионные службы, и за прибывшими установили тщательное наблюдение. В самом скором времени мы будем знать об их связях и намерениях. По мнению боцмана, эти так называемые заказчики изделий из пузырита – птички очень высокого полета. К тому же весь груз серебра принадлежит им лично, и немалые средства, вырученные от его продажи, могут пойти неизвестно на какие дела. Донтер в ответ на их просьбу дал обещание опекать их и подробнее познакомить с жизнью Хрустального города. Словом, гости слишком интересовались деталями. В течение ближайших дней мы все о них узнаем – и я сразу же доложу более конкретно. Но самое интересное то, что Донтер напал на след давно разыскиваемого

нами острова, о котором говорится в самых древних легендах. Почти точные его координаты сообщил какой-то бывший пират, случайно находившийся в том районе много лет назад. Он даже видел пролетающих над островом дельфинов. Если это не какие-нибудь сказки и не ошибочная информация, то, может, стоит послать кого-нибудь для проверки?

Тасон задумался, барабанив пальцами по столу, а потом очень удивил подчиненного ответом:

– Немедленно, по боевой тревоге, в течение двух-трех часов отправить туда два боевых корабля среднего класса с проверенными людьми. Пусть тщательнейшим образом обследуют весь предполагаемый район поисков. Если найдут остров – перекопать до девственной породы.

– Понял! Идти выполнять? – Юниус вскочил с кресла.

– А у тебя ко мне все?

– Только один вопрос. Мне срочно нужен в помощники человек, прекрасно знающий хардийский и египетский языки и досконально разбирающийся в истории и в сложившихся на севере Алмазного континента обстоятельствах. А также ориентирующийся в тонкостях традиций и внутрирелигиозных отношений. Скорее всего, этот человек должен будет лично сопровождать меня в Хардию и постоянно находиться при мне, помогать в повседневной работе.

Главный ведущий закрыл глаза и наморщил лоб, напрягая свою мозговую информационную сеть в поисках подходящей кандидатуры. Прошло больше минуты, пока он проговорил:

– Есть такой человек. По-моему – в самый раз.

– Это наш штатный сотрудник? – деловито спросил Юниус.

– Да. На его счету несколько мелких, но удачно выполненных заданий. Занимайся отправкой кораблей, а я тем временем выйду на него и к вечеру вас познакомлю. Так что с завтрашнего дня начнете совместную работу.

После ухода Юниуса Тасон еще некоторое время занимался бумагами, изучение которых прервал приход его зама. Затем, сложив их в огромную папку, положил на полку, среди множества ей подобных, в одной из потайных ниш. Вернувшись за стол, набрал девятизначный номер на табло телефона и, подождав соединения, с улыбкой начал разговор с невидимым собеседником:

– Я приветствую и желаю здоровья и удачи!.. И тебе спасибо!.. Что новенького? Да у меня как всегда: работаю, работаю, а отпуск не дают!.. Что, тебе дали?.. Завидую, честное слово! Я бы сам с удовольствием махнул на острова, я даже забыл, как они выглядят!.. А как там твоя дочурка, преподает? Не нравится ей?.. Замуж еще не собирается?.. – Он засмеялся. – Да нет, я не по тем делам!.. Как у нее насчет желания сменить работу на более интересную?.. Давно просится?.. Как раз по ее специальности и знаниям, ей понравится. Уже давно ушла? А ты смог бы ее срочно разыскать? Да, ее консультации нужны уже немедленно. Вот и прекрасно, так и сделаем. Вы ждите нас дома, а мы, как только освободимся, сразу зайдем и обо всем договоримся. Да, я зайду со своим замом. Тогда не прощаюсь, до встречи!

А тем временем из окна высотного здания, находящегося на третьем уровне Восточного бастиона, Тайра с восторгом рассматривала Хрустальный город.

– Просто поразительно! Я была восхищена фотографиями и рисунками, но не могла и представить себе, что в реальности все еще величественнее и прекраснее.

– Да уж! Я здесь два года, а до сих пор не могу налюбоваться видом из этих окон. – Генеральный консул Хардийской империи в Океании, сидя в кресле, попивал охлажденный сок из высокого фужера. – В разное время суток и в разное время года замечаешь постоянно

что-то новое в этом не приедающемся разноликом многообразии. Игра света и теней, синева моря и голубизна неба создают воистину неповторимые оттенки, они как бы переплетаются с серебристой устремленностью линий города и всех его зданий.

– Вы говорите с такой гордостью, будто сами строили этот город! – Халли сидел в другом кресле, поигрывая небольшим брелоком, свисающим на цепочке с запястья.

– Я полюбил его, им невозможно не восхищаться!

– Жаль, что мы до сих пор не можем построить нечто подобное в Хардии! – Тайра повернулась и жестко посмотрела консулу прямо в глаза.

– Да... – немного смутился тот, – это единственное, что постоянно портит мне настроение.

– Вы бы знали, как это портит настроение его святейшеству! – Девушка отошла от окна и, взяв фужер со своим напитком, присела на изящный пузыритовый стул с тончайшими ножками. – И его недовольство все возрастает.

Как он сам выразился, дошло до точки. Он очень интересовался: не тянет ли вас домой?

«Да что они себе позволяют?! – зло подумал консул. – Пара зеленых молокососов собирается запугивать такого старого волка, как я? И как эта шлюшка умудрилась получить такие чрезвычайные полномочия? Ну ничего! Я их так подставлю, они и оглянуться не успеют!» – но вслух сказал:

– Всегда готов служить империи в любом месте! – и обезоруживающе улыбнулся. – Конечно, и в нашей работе бывают промахи, кое-что весьма трудно выполнить. Да вы сами увидите, как непросто здесь работать. Все местные – жуткие патриоты! Только и думают, в чем бы уличить зарубежных представителей. Даже самый последний пьяница-доходяга тут же побежит докладывать в службу надзора при малейшей подозрительной мелочи. Вот я, например, полностью уверен, что ваш визит в консульство не остался незамеченным и уже где-то зарегистрирован.

– В этом столпотворении? – Халли беспечно хмыкнул. – Да они даже своих соседей не узнают, когда сталкиваются.

– Пусть даже за нами следят, – добавила Тайра, – что предосудительного, если мы зашли в родное консульство по делу или с какой-нибудь другой целью?

– Каждый день, – принялся терпеливо объяснять консул, – в порты города приходит до пятидесяти судов только из Хардии, о которых я почти ничего не знаю. У них такой же статус, как и у вас: свободные торговцы. И поверьте, большинство из них даже не ведают, где находится их консульство. А вы, даже не успев освоиться в гостинице и осмотреться, сразу отправились ко мне.

– Мы прекрасно обучены конспирации и знаем, что с важным визитом лучше поторопиться сразу, пока не приставлено наблюдение. – Тон Халли был невыносимо высокомерным.

Консул промолчал, но в его ехидном взгляде ясно читалось: «Учили-то вас не здесь... И не я...»

Тайра поняла его выражение и неожиданно призналась:

– Да, скорее всего, мы поторопились. Но раз уж мы здесь, давайте поговорим о деле. Подобрана ли кандидатура для предстоящей операции? Кто он? Где он? Как лучше на него выйти?

Консул отставил фужер и взял лежащую на столе папку. Достав большую фотографию, он протянул ее Тайре.

– Вот этот человек. С его помощью мы можем достичь желаемого.

– О Творец! – воскликнула девушка с отвращением. – Какой он противный!

– Да, это не златокудрый Окапий, самый популярный и самый красивый певец в городе, – сказал дипломат вслух, а про себя подумал: «Тебе-то ведь, сучка, не привыкать – небось, ложилась и не под таких уродов!»

Словно услышав мысли консула, Тайра зарумянилась не то от злости, не то от стыда. А потом пояснила:

– Дело в том, что подобные мужчины всегда страдают комплексом неполноценности, осознавая свою непривлекательность. Они постоянно тушуются перед женщинами, особенно красивыми, стараются избегать с ними любого контакта.

– Ну, этот тип не из таких. Даже наоборот. Он считает себя очень умным и талантливым (честно говоря, это недалеко от истины) и уверен, что все женщины от него без ума. Все свои высокие заработки он тратит на первых попавшихся «красавиц», но регулярно пользуется еще и услугами нескольких проституток, которые ему нравятся и умеют его полностью ублажить. Плюс ко всему, у него есть тема в жизни, о которой он готов беседовать часами, лишь бы попался разбирающийся в этом вопросе собеседник. Для вас это будет прекрасная возможность для установления первого контакта и последующего более близкого знакомства.

– И что же его, кроме женщин, интересует в этой жизни?

– Вулканы! И все-все-все, что с ними связано.

– Ну надо же! – расстроилась Тайра. – Это как раз то, о чем я не имею ни малейшего понятия.

– Вы знаете, совершенно не обязательно быть профессором-вулканологом, чтобы поддерживать постоянный разговор с человеком, который сам во всем прекрасно разбирается. Мы тут сделали подборку материалов. – Консул встал и, подойдя к столу, достал из него пухлую папку каталогов с цветными фото. – Они очень интересные и легкозапоминающиеся. Если вы за несколько дней проштудируете то, что здесь собрано, – он положил папку на столик перед своими посетителями, – то у вас будет прекрасная «легенда». Вы с братом – отпрыски богатого знатного рода, любители попутешествовать и полюбоваться на достопримечательности. Особенно любите все, что связано с вулканами. После получения денег за проданное серебро, насытившись красотами Хрустального города, вы собираетесь плыть в место, где хватает различных вулканов, гейзеров и прочего подобного добра. Конкретную точку на карте выберете сами, большой роли это не играет.

– Да, братик, отдыхать нам не придется! – Девушка взвесила на руке намечаемые к изучению материалы.

– Трудно, конечно, – согласился консул, – но это самый реальный шанс, чтобы, не вызывая излишних подозрений, завязать тесное знакомство с этим человеком. Занимает он, кстати, очень солидное положение в обществе. И это – дополнительные трудности. За те несколько дней, что у вас уйдут на подготовку и освоение на месте, наши службы готовят и самым тщательным образом спланируют момент вашего первого контакта. Ибо от него будет зависеть весь ход операции. Старайтесь вести себя естественно, как избалованные дети богатых родителей. Воспользуйтесь услугами вашего случайного гида – боцмана. Не скупитесь на дорогие угощения. Даже если он и будет докладывать о ваших передвижениях, то пусть его докладные будут заполнены скучной рутинной туристско-любительской информацией. А сейчас попрошу меня извинить, – консул посмотрел на часы и встал, – у меня назначена очень важная встреча, на которую нельзя опаздывать. Если вас еще что-нибудь интересует, спрашивайте у моего помощника. Он в курсе всех наших дел. Он также договорится с вами о дальнейших встречах и постоянной связи. Очень рад был познакомиться!

– Мы тоже! – Тайра отдала папку Халли, а сама протянула руку для прощания. – Но еще больше мы будем радоваться после успешного выполнения задания.

– И пусть поможет нам Творец! – с чувством, торжественно провозгласил консул. Но, провожая посетителей к двери, подумал: «Если то, что я знаю, правда, то Творец поможет мне избавиться от этих выскочек. Но что делать с остальными? И – с теми, кто их посылает на мою голову?»

Юниус, справившись с возложенным на него заданием по отправке кораблей в район искомого острова, связался с приемной шефа. Узнав, что Тасон уже ушел, он поинтересовался, какие были оставлены указания. В ответ секретарь продиктовал номер телефона, по которому нужно перезвонить. Дозвонившись, Юниус услышал скрипучий старческий голос:

– Я слушаю!

– Добрый вечер. Говорит Юниус. Меня попросили перезвонить по вашему номеру.

– Да, да! Одну секундочку...

И тут же в трубке послышался голос Тасона:

– Если освободился, давай немедленно ко мне. Где сейчас находишься?

– На Большой стене, пятый сектор.

– Прекрасно, тебе по прямой, записывай адрес...

– Не старенький, запомню!

– Ну, смотри, хвастунишка! – В голосе шефа послышался веселый скепсис. – Хотя раз поймаю на забывчивости, сразу отправлю на пенсию.

– Ой, как здорово! – обрадовался Юниус и тут же изменил тон: – А о чем это вы только что говорили?

– Ладно, ладно. Сейчас придешь, я тебе напомним. Малая стена, пятый сектор, двадцать восьмое здание, сто пятнадцатый этаж, квартира номер четыре. Академик Карней Пари из рода Пари.

– О-о-о!.. – восхитился Юниус. – Всю жизнь мечтал попасть к нему в гости!

– Если поторопишься, может, успеешь. – И совсем тихо, в самую трубку, добавил: – У меня к тебе огромная просьба.

– Сделаю, говорите.

– Совсем вылетело из головы, не купил цветы для хозяйки. Ты уж, будь добр, купи букет пошкарнее и подари от нас двоих, а то как-то...

– Понял, шеф. Устрою все лучшим образом! Бегу!

– Адрес не забыл?

– Если и забуду, мне любой прохожий подскажет. – В ответ раздался сигнал отбоя.

Бросив трубку и выскочив из пункта связи, Юниус бросился к ближайшему спуску, ведущему в Новый город. Через восемь минут, выйдя из таски, он уселся в кабинку радиального такси, курсирующего по прямой к Малой стене. Преодолев за двадцать минут восьмикилометровое расстояние, он вышел в самом шикарном районе города, обрамляющем Малую стену. В нем сосредоточились лучшие магазины, престижнейшие рестораны и самые известные увеселительные заведения города. Пройдя через ослепляющий блеск сверкающих неоновых вывесок, Юниус заскочил в цветочный магазин, прилепившийся к самой стене, и купил роскошный букет роз, с хихиканьем представляя, как оценит престарелая хозяйка дома такой страстный подарок от ее дряхленького почитателя (он, конечно, имел в виду Тасона). Потом отобрал одно из десятка имеющихся удостоверений, предъявил его у лифта и стал подниматься на стену, обрамляющую всемирно известный Старый город с Серебряной Пирамидой. Естественно, доступ туда разрешался не только тем, кто там работал или жил. Туристам тоже не отказывали, процедура получения была весьма проста. Но учет и контроль велся и был весьма строгим. В Старый город, например, не пускали тех, кто совершил в его пределах неблагоприятные поступки или, что еще хуже, допустил святотатство или загрязнение Матери Пирамиды.

Найдя нужное здание, Юниус вошел в лифт древней конструкции, с полностью прозрачными дверями и стенами. Медленный подъем обеспечивал прекрасную просматриваемость всех внутренних коридоров и общественных помещений. Одним из этих помещений был супермаркет, расположенный чуть выше середины здания и повторяющий в точности свой прототип на первом этаже. И как раз там, среди снующих в тапочках постоянных покупателей, Юниус вдруг увидел особу, нанесшую ему сегодня унизительное оскорбление. Невзирая на недоуменные взгляды попутчиков, он нажал кнопку экстренной остановки и заставил лифт вернуться на уровень супермаркета. Выскочив на этаж, он бросился вслед мелькнувшей за стеллажами знакомой блузке с одной всепоглощающей мыслью: «Теперь ты от меня не уйдешь!» Поспешно проскочив несколько витрин с разложенными товарами, он, испугавшись потерять свою наблюдаемую, занервничал и, заметавшись в разных направлениях, вдруг столкнулся с ней лицом к лицу. Девушка даже вскрикнула и чуть не выронила из рук сумку с покупками.

– Господин! Вы мне чуть глаза не выкололи своими розами! – Потом, смахнув локон, упавший на лоб, удивленно раскрыла глаза: – Да это опять вы! – и, оглянувшись по сторонам, произнесла: – Может, вы какой-то маньяк? Может, вам надо обратиться к врачу?

Юниус, с кислым выражением лица, поправив розы, пробормотал:

– Глядя на вас, хочется стать колобком.

– А почему именно колобком?

– Потому что только колобок после двойной встречи с вами не сможет повеситься. А я чертовски люблю жизнь.

– Ну зачем же так мрачно? У вас еще есть несколько лет жизни! Попробуйте провести их с пользой! – въедливо посоветовала девушка.

Лицо Юниуса пошло красными пятнами.

– После общения с вами начинаешь придумывать самые благовидные мотивы для самых негероических поступков.

– А от вас ничего, кроме негероического, и не ждут! – И, подойдя к нему вплотную, прошипела: – Или вы собираетесь со мной драться?

Юниус отступил на несколько шагов и высокомерно произнес:

– Не в моих правилах наказывать физически слабый пол. Тем более что меня ждут и я очень спешу!

– Ой-ой-ой! Да я бы плюнула в глаза той женщине, которая ждет вас и накрывает стол к ужину! – И, повернувшись, пошла в направлении лифта.

– А я совсем не удивлюсь, если нет мужчины, который приходит к вам хотя бы иногда и хотя бы ужинать! – со злостью бросил ей вслед Юниус.

Абелия застыла, словно после удара, и медленно повернулась. И такая боль была в ее взгляде, что опешивший Юниус опустил глаза от неожиданности. А когда снова решился взглянуть в сторону девушки, той уже и след простыл. Только мелькнула ее тень в поднимающемся вверх лифте. Он бросился к параллельным шахтам, но там, как назло, долго не было свободной платформы, поднимающейся вверх. И после бесплодных двадцатиминутных поисков по всем этажам, получив на две сотни своих невразумительных вопросов сотню таких же бестолковых ответов, Юниус, отрешенно нажав кнопку звонка, предстал перед квартирой, в которой его ждали. Дверь открыл человек, лицо которого было известно очень многим жителям Океании – по портретам.

– Если не ошибаюсь, господин Юниус? – Широко улыбаясь, он указал в глубь помещения. – Проходите, проходите, мы вас уже заждались.

Из комнаты в прихожую вышел Тасон:

– Неужели ты опозорил разведку и забыл адрес?

– Как можно, шеф? Просто пришлось по пути провести небольшое служебное расследование. – Юниус встряхнул перед собой букет роз. – А где наша уважаемая хозяйка?

Тасон подошел к своему подчиненному вплотную и прошипел на ухо:

– Только не забудь, цветы от нас двоих!

Ответ последовал таким же заговорщицким тоном:

– Шеф, все под контролем!

И вдруг в прихожую из столовой вошла женщина, доставившая в этот день столько неприятных минут тайному советнику по странам Среднего моря.

– Хочу представить вам, – старый академик не заметил воцарившегося в друг напряженного молчания, – свою младшую дочь Абелию!

В ответ Тасон, понявший, что все идет не совсем как надо, чуть ли не шепотом произнес:

– А это мой заместитель и лучший сотрудник Юниус! – и, пытаясь привлечь внимание своего зама к происходящему вопросительным мычанием, добавил: – С цветами!

– Да я... Вот тут... – Опешивший Юниус пытался скрыть свое замешательство. – Цветы от этого... от этих... вернее, от господина Тасона с этими... лучшими пожеланиями...

– Это ваш заместитель?! – с возмущением вскрикнула Абелия. – Да он меня целый день преследует!

Тасон утвердительно закивал головой и, приняв скорбный вид, печально произнес:

– Что поделаешь, красавица, придется тебя арестовать за шпионскую деятельность, – и обратился к растерянному Юниусу, который не знал, куда деть цветы, – вот только забыл, на какую державу она работает?

Ничего не понимающий Карней Пари тем не менее решил взять нить происходящего в свои руки:

– Давайте все-таки сначала поужинаем! Не зря же Абелия старалась. Молодой человек, отдайте девушке букет, пока он еще не совсем поломался. Абелия, поставь цветы в вазу и приглашай свое, если так можно выразиться, начальство к столу. Ведь если я правильно понял, именно под руководством этого симпатяги ты и будешь плодотворно трудиться? Как раз там, куда ты так настойчиво рвалась.

– Под его руководством?! – ужаснулась Абелия и презрительно скривила губы: – Никогда!

– А вот эмоции, голубушка, надо сдерживать! – Тасон забрал букет у своего зама и вложил в руки девушки. Потом отечески взял ее за плечи и повел в столовую. – В нашей работе все должно сводиться к выполнению поставленных задач, и я категорически запрещаю своим подчиненным любые отношения, могущие негативно отразиться на конечном результате.

Академик тем временем, подталкивая упирающегося Юниуса, тоже вошел следом и жестом указал на красиво сервированный стол:

– А я считаю, что возле этого изобилия вообще ни о каких делах не говорят. Разве что за десертом.

Когда все расселись за столом, хозяин разлил вино по красивым бокалам с витиеватым орнаментом. Молодые люди сидели раскрасневшиеся и принципиально не смотрели друг на друга. Хитро переглянувшись, старики подняли бокалы, и академик Карней сказал:

– Давайте выпьем за наше здоровье и благополучие!

А главный ведущий Тасон добавил:

– И за успешное начало сотрудничества!

Глава 11

Хардия

Два человека лежали на специально сделанных платформах, которые могли менять угол наклона и даже вращаться вокруг продольной оси. Запястья и лодыжки лежащих были туго привязаны к платформам прочными широкими лентами. Такими же лентами, но уже свободней, к ложу были прихвачены бедра, живот, грудь и плечи. Еще одна лента проходила по лбу каждого мужчины, не давая им возможности поднять или повернуть голову. Платформы с участниками эксперимента стояли в импровизированном бассейне, сделанном из четырех прозрачных тонких листов пузырита, плотно сжатых в местах соединения винтовыми зажимами. Вокруг бассейна копошились самые известные в главном госпитале врачи, имеющие большой опыт работы в реанимационном и функционально-восстановительном направлении.

Только что вошедший Вителла поздоровался с теми, кого он сегодня еще не видел. Верховный жрец обернулся и махнул рукой, подзывая его к себе.

– Ты вовремя! Я уже хотел было посылать на твои розыски.

– Ваше святейшество! Я же вас просил вообще меня не отпускать, я бы здесь принес гораздо больше пользы.

– Еще наработаешься! – пообещал Райгд. – Пользуйся молодостью и наслаждайся жизнью. А сейчас давай помогай проверять аппаратуру и ставить датчики на нужных точках тела.

Вителла тут же присоединился к персоналу и техникам, обслуживающим многочисленную аппаратуру. Все приборы медицинской диагностики были самых последних модификаций, совсем недавно закупленные и доставленные из Океании. Райгд никогда не скупился на подобное оборудование, считая необходимым иметь в своем распоряжении все самое лучшее и самое современное.

Проверив правильность присоединения датчиков в местах пульсовой диагностики, на сердце, шее и выбритых участках головы, Вителла и его помощники вылезли из пустого пока бассейна по приставным лесенкам. Хоть все и были в легких одеждах, капельки пота покрывали лбы и шеи, заставляя время от времени вытираться платками. Вентиляция, работающая в полную силу, не могла существенно понизить окружающую температуру, которая держалась на отметке в тридцать шесть градусов. Да и цель такая не преследовалась – для чистоты эксперимента.

Райгд подошел к декёрлу и похлопал его по плечу:

– Давай, начинай! Ты заварил эту кашу, ты и команду продолжением.

Один из мужчин, привязанных к платформе, неожиданно заговорил хриплым, срывающимся голосом:

– Святейший! Меня терзает страх перед неизвестным будущим.

– Все в руках Творца нашего! – прочувствованно молвил жрец. – И я ведь дал вам торжественную клятву даровать прощение и жизнь после завершения эксперимента.

– Меня печалит и страшит совершенно другое, ваше святейшество!

– Говори, сын мой.

– Если вдруг что-то не получится и я останусь калекой или умственно неполноценным, дайте мне слово, что прекратите мои мучения в тот же час, когда убедитесь в этом.

Я не хочу, чтобы мое тело в таком случае и дальше подвергалось различным опытам.

Райгд долго смотрел на молодого красивого человека, который должен был распрощаться с жизнью уже более двенадцати часов назад.

– Будем надеяться на благополучный результат. – Видя, что его хотят перебить, Райгд успокаивающим жестом поднял руку и продолжил: – Но если что-то не удастся, обязуюсь немедленно прекратить твои страдания.

– Спасибо, ваше святейшество!

Мужчина, распростертый на вращающемся ложе, облегченно вздохнул. Он явно успокоился и смирился с неведомым. Другой мужчина, которого ожидала та же участь, не говорил ни слова. Только буравил тяжелым злым взглядом окружающих, и все его красивое тело слишком уж обильно было покрыто бисером пота.

Выждав еще некоторое время и получив от верховного жреца утвердительный кивок головой, Вителла скомандовал:

– Открыть краны заполнения!

Один из помощников тут же открыл кран, и шумный поток воды хлынул в бассейн. Через несколько минут жидкость, поднимаясь до тел, стала покрывать их, подбираясь к лицам, которые были несколько выше, чем ноги. Стрелки приборов, измеряющих пульс и давление, ускоренно запрыгали, фиксируя отчаянное сопротивление организма предстоящей смерти. И вот жидкость покрыла рот, а потом и нос мужчин, не имеющих возможности поднять голову над уровнем воды. Тот мужчина, который огласил свою последнюю волю, желая ускорить неизбежное, открыл рот и сделал резкий вдох. Тело забилося в конвульсиях, но крепкие повязки удержали его на месте, и оно, напрягшись в последний раз, расслабилось и замерло. Тем временем вода поднялась еще сантиметров на тридцать, и Вителла дал команду прекратить ее подачу. Второй мужчина все это время держал воздух в легких, не выпуская, оттягивая последний момент и с бешенством разглядывая своих мучителей сквозь образовавшийся над ним слой жидкости. Но вот и он не выдержал. Из перекошенного болью рта вырвался пузырь воздуха, и на поверхность донеслось сдавленное судорогой рычание, перешедшее в захлебывающиеся звуки. После повторения процесса агонии и второе тело явно распростилось с душой.

– Начинаем двадцатиминутный отсчет!

Заранее было оговорено, что этого времени вполне хватит для первого эксперимента. За двадцать минут жизнь окончательно покинет свою физическую оболочку. Ведь не было ни одного случая оживления утопленников, которые находились без кислорода так долго. Если же в теле возобновятся какие-нибудь жизненные функции, то опыт можно будет считать удачным.

Сначала в первом, а потом и во втором случае поступили доклады от склонившихся над приборами медиков, что нервная и сердечно-сосудистая системы прекратили свою деятельность. Тогда Райгд, Вителла и главный невропатолог Бензик залезли в бассейн и, стоя по грудь в воде, принялись непосредственно обследовать утопленников.

– Пульс нигде не прощупывается!

Жрец и его помощник тщательно ощупали тела со всех сторон. Затем вместе с невропатологом они стали проверять рефлекторные сокращения, которые наблюдаются у всех тел, имеющих нервную систему. Эти сокращения наличествуют даже при полной отчужденности центрального органа, например головы. Бензик специальной длинной иглой стал укалывать в центры нервных окончаний.

У тел утопленников это вызывало мышечные сокращения. Так, в принципе, и должно было быть. Но неожиданно человек, сидящий над экраном прибора, датчики которого были прикреплены к мозгу, удивленно сказал:

– Наблюдаются вспышки активности мозга!

А вот это уже было нечто из ряда вон выходящее. Но последующие уколы иглой только подтвердили первый всплеск волн, которые фиксировались при работе определенных участков мозга.

– Пошла двадцатая минута!

Вителла и Райгд повернули платформы так, что тела повисли лицом вниз, а ноги поднялись выше уровня головы. Тут же Вителла дал команду:

– Открыть сток воды!

И меньше чем за минуту мокрые блестящие платформы поднялись над уровнем воды со свисающими на полосках безжизненными телами. Трое исследователей, встав на колени, внимательно всматривались в лица утопленников, у которых изо рта и носа стала выливаться вода. Вителла первым заметил дрогнувшее веко и тут же почувствовал конвульсивное движение грудной клетки.

– Получилось! Они оживают!

В тот же миг раздались голоса наблюдающих за организмами по приборам:

– Есть первый пульс на первом объекте! Есть пульс на втором!

– Возобновляется сердечная деятельность! Пошли мозговые сигналы!

Оживающие мужчины, закашлявшись, стали выплевывать скопившуюся в легких воду. Верховный жрец вдруг показал рукой Вителле на красный окрас отхаркиваемой жидкости:

– По-моему, кровь! А в случае с Халидом было нечто подобное?

– Нет! Вода была нормального, естественного цвета.

Между тем тела людей, подвергшихся эксперименту, стала сотрясать мелкая дрожь, а из легких, вслед за кровавой сукровицей, последовали кошмарные стоны, свидетельствующие о тяжелых мучениях.

– Что-то не так! – Вителла обратился к тем, кто был вне бассейна: – Помогите вернуть их в первоначальное положение! Снять связывающие полосы!

Несколько помощников, не занятых возле приборов, бросились в бассейн, поворачивая платформы и освобождая привязанные конечности. Но с телами продолжало происходить что-то странное. Веки открылись и показались глаза с закатившимися зрачками и белками полностью красного цвета. Из всех капилляров выступила мельчайшими капельками кровь, а из открытых ртов продолжали доноситься неприятно будоражащие хрипы.

– Им больно, они умирают! – произнес Райгд.

– Сердце второго объекта остановилось!

Раздавшемуся объявлению тут же вторили следующие:

– Не функционирует сердце первого объекта! Угасание пульса на всех наблюдаемых участках! Частота мозговых сигналов падает! Прекращаются! Совсем отсутствуют!

Тела мужчин, которые, казалось, еще совсем недавно обрели новую жизнь, в последний раз дернулись и застыли, покрытые красной кровавой пеной.

– Даже без вскрытия видно, что умерли они от обширнейшего кровоизлияния! – Райгд, вылезший вместе с Вителлой и Бензиком из бассейна, отошел с ними к дальней стене. – Какие ваши мнения?

Невропатолог, вытирая полотенцем руки, с плохо скрываемым возбуждением произнес:

– Я считаю, опыт удался! Пусть не до конца, но уже сам факт частичного оживления утопленников говорит сам за себя! А иннервация! После десятиминутного отключения у них всех жизненных функций происходило то, что возможно только в организмах, находящихся в летаргическом сне или в неизлечимых состояниях комы. Мое мнение: эксперименты надо продолжать. Немедленно и в больших количествах! А попутно заниматься изучением всех возникающих интересных факторов!

– Но может быть, не стоит так спешить? – Вителла озабоченно крутил головой. – Ведь непродуманные действия могут завести нас в глухой тупик, а это ничего, кроме напрасных жертв, не принесет! Ведь первое, непреднамеренное, воскрешение прошло успешно! Значит,

мы чего-то не учли? Предлагаю все детально проанализировать, а уже потом продолжать эксперименты!

– Кстати! – Указательным пальцем Райгд погладил себя по носу. – О первом, как ты говоришь, непреднамеренном воскрешении. Предлагаю тут же, по горячим следам, провести повторный опыт, но уже с человеком, удачно его прошедшим.

– Но, ваше святейшество! – стал возражать Вителла. – Он же не преступник, приговоренный к смертной казни! Как можно заставлять человека еще раз пойти на нечто подобное? Тем более после того, что только что здесь произошло?

– Во-первых, Вителла, не забывай о приоритетах! – Жрец начинал сердиться. – А во-вторых, Халид сам дал согласие на повторный эксперимент, и поэтому его можно считать добровольцем.

– А если бы он присутствовал при этом? – Вителла кивнул головой в сторону бассейна.

– Но ты же сам все должен понимать! Представь, насколько облегчатся и станут правильнее наши последующие работы, если Халид повторно оживет!

Вмешался подпрыгивающий от нетерпения невропатолог:

– Я считаю доводы старшего магистра правильными и думаю, что эксперимент надо продолжить немедленно! Тем более что есть доброволец!

Вителла хотел что-то еще возразить, но Райгд произнес непререкаемым тоном:

– Значит, так и сделаем! Решено! – И, обращаясь ко всем присутствующим в помещении: – Немедленно доставить сюда Халида, находящегося в госпитале на отдыхе! Тела вынести наверх и поместить в холодильники для последующего изучения. Все здесь немедленно убрать, вымыть и высушить. Подготовить всю аппаратуру для нового эксперимента!

Верховному жрецу не было нужды повторять дважды. Ренни, стоявший с невозмутимым видом у выхода, тут же скрылся в дверном проеме и отправил охрану наверх за Халидом. Все остальные бросились выполнять распоряжения главного магистра с завидной организованностью и усердием. Тела были вынесены, бассейн и платформы вымыты и скрупулезно высушены. Потом одна из платформ была вынута из бассейна, поставлена возле стены и накрыта большими белыми простынями.

Человеку несведущему вполне могло показаться, что опыт здесь еще не проводился.

Все это время Райгд, Вителла и Бензик находились в следующем, еще не достроенном помещении и довольно бурно обсуждали самые разные гипотезы о причинах неудачи первого эксперимента.

– Может, не надо было проверять иннервацию? – Жрец обращался к невропатологу. – Ведь тело, отвечая на внешние раздражители сильными мышечными сокращениями, спровоцировало тем самым многочисленные разрывы кровеносных сосудов.

– Ни в коем случае! Это могло произойти только после полного трупного окоченения. А ведь температура тела за двадцать минут совершенно не менялась. Я скорее склонен винить изменения в составе воды, переизбыток или недостаток какого-нибудь компонента. Например: излишнее потовыделение, попадание неизвестной инфекции, которую, возможно, мы и занесли, залезая в нестерильной одежде в бассейн.

– Наоборот! Сегодня как раз была идеальная чистота! – Вителла махнул рукой в сторону лаборатории. – Вы бы видели, сколько мусора и грязи находилось в помещении, когда ожил Халид. Да и вода бралась из того же источника. По моему мнению, причина совершенно в другом. Когда Халид, так сказать, «утонул», он сделал это во сне, то есть совершенно не напрягая свою нервную систему ожиданием предстоящей гибели. Его организм не пережил того стресса и шока, обрушившихся на мозги тех двух несчастных, останки которых уже в холодильнике.

– Очень, очень даже может быть! – Бензик даже захлопал в ладоши. – Но это мы можем элементарно проверить! Достаточно перед опытом ввести снотворное – и сразу все станет ясно!

– Да, но ведь у нас было два тела! – Райгд прикрыл глаза, вспоминая все подробности. – И, как вы помните, один из них шел на эксперимент совершенно осознанно и не испытывал при этом ни большого волнения, ни даже страха. А все симптомы, приведшие к смерти, были у обоих совершенно одинаковыми. Поэтому давайте не будем делать ничего того, что отсутствовало при оживлении Халида. Иннервацию проверять не будем, в бассейн тоже не полезем, а насчет сна спросим у непосредственного участника. Захочет уснуть – мы его усыпим, не захочет – значит, он совершенно спокоен и нервный стресс ему не грозит.

– А если повторное оживление Халида пройдет успешно? – Молодой декёрл все еще испытывал глубокое непонимание такой поспешности в проведении следующего опыта. – Как мы все-таки разберемся в причинах неудачи, которая нас постигла меньше часа назад?

– Разберемся! – Верховный жрец покровительственно похлопал своего помощника по плечу. – Проведем десятки, сотни – да-да, не смотри на меня так! – даже тысячи новых опытов, но обязательно разберемся!

– История нам не простит, если мы будем медлить и сомневаться! – высокопарно добавил главный невропатолог.

– Замечательно сказано! Золотые слова! – похвалил Райгд. – Настоящий ученый всегда должен стремиться к достижению своих целей любыми методами. И я, между прочим, очень жалею, что в твоём, Вителла, возрасте потратил даром массу времени на бессмысленные сомнения и наивные разглагольствования тогда, когда надо было действовать быстро и решительно.

– Ваше святейшество! – В словах Вителлы ощущалось понимание бесполезности дальнейшего спора. – Вы великий ученый, и ваше мнение для меня самое авторитетное... Но если мы отложим опыт хотя бы на один день, все скрупулезно проанализируем...

– Опять ты за свое! Ты невыносим! – И Райгд безнадежно махнул рукой.

«Только Вителла осмеливается возражать верховному, – с опаской подумал невропатолог. – Хотя он и не прав и возражает не по делу, но ему это сходит с рук. Если он не будет слишком зарываться, то, возможно, действительно займет место Райгда. Но тот, кто захочет побороться за это место, может использовать в своих целях излишнюю честность и человеколюбие Вителлы».

После стука в дверь просунулась уродливая голова Ренни:

– О святейший! Халид доставлен!

– Пусть войдет сюда.

Вошедший встал на колени и замер в поклоне.

– Как самочувствие, Халид? – В голосе жреца слышались доброта и участие. – Хорошо ли тебя кормят? Хорошо ли ты отдохнул?

Коленопреклоненный мужчина поднял главу. Его лицо было совершенно спокойным, в широко открытых глазах не было и тени страха, а уверенный голос выдавал даже некоторое осознание своей значимости.

– Ваше святейшество! Меня ничего не беспокоит в моем теле, значит, я здоров. И я не думаю о брэнной пище, значит, кормят меня хорошо. Я постоянно молюсь, общаясь с Творцом нашим, а это самый лучший отдых.

– Отрадно слышать о твоей возросшей любви к молитвам, но готов ли ты именно сейчас предстать вновь перед огненным ликом Творца нашего?

– Готов, ваше святейшество! – просто ответил Халид.

– Прекрасно! Сейчас наши врачи произведут тщательный осмотр всего твоего организма, чтобы после оживления можно было сравнить твое самочувствие с нынешним.

Халида отвели в помещение лаборатории, и Бензик с остальными врачами принялись досконально проверять все его рефлексy и реакции. После двадцати минут напряженной работы всего коллектива объект исследования был уложен на платформу и привязан к ней крепкими лентами. На вопрос, хочет ли он, чтобы его усыпили, он ответил категорическим отказом. Подсоединили к телу датчики во всех необходимых местах, включили и проверили работу всех приборов. И наконец-то Вителла, все еще остро сомневающийся в необходимости такой поспешности, дал команду о заполнении бассейна. Вода накрыла лицо Халида, и тот не стал задерживать дыхание. Тело судорожно дернулось несколько раз и застыло. Лишь из открытого рта время от времени выходили небольшие пузырьки воздуха и, проходя сквозь воду, лопались на успокаивающейся поверхности. После показаний всех приборов о том, что все жизненные функции организма полностью прекратились, девятнадцать минут были проведены в полнейшем молчании и тишине, нарушаемой лишь шумом шагов расхаживающего Райгда да мерным гулом работающей аппаратуры. На двадцатой минуте Вителла, перегнувшись через бортик бассейна, покрутил одно из колес с торца платформы, опуская голову Халида ниже уровня ног. С противоположной стороны такое же колесо покрутил Бензик, поворачивая тело животом вниз.

Когда вода стала освобождать из своих объятий безвольно провисающее тело, опять трое исследователей, каждый со скоростью, которую ему позволял возраст, спустились в бассейн, внимательно наблюдая за происходящим. На этот раз они более определенно заметили тот момент, когда вода, выливаясь из рта, как бы спровоцировала первое непроизвольное движение груди и последовавшее за этим объявление о первом ударе сердца. Начавшийся судорожный кашель интенсивно освобождал легкие от накопившейся жидкости.

– Крови не видно, вода чистая, – констатировал Вителла и, подождав немного, добавил: – Дыхание нормализовалось! Возвращаем его в исходное положение и сразу же развязываем!

Когда стягивающие полосы были отстегнуты, Вителла приподнял рукой голову Халида, все еще опутанную проводами и датчиками. Тот ясными, осмысленными глазами обвел троих склонившихся над ним людей и, остановившись взглядом на Райгде, попытался что-то сказать. Но из горла вырвалось только хриплое шипение, и лицо перекошилось от боли.

– У него после удушающих судорог болит горло, поэтому ему больно говорить, – сделал предположение невропатолог. – Я бы порекомендовал дать ему горячий чай с медом, чтобы убрать спазмы.

– Вителла был прав, не все мы продумали! – Райгд резко выпрямился и громко скомандовал: – Срочно горячий чай!

– У меня есть, ваше святейшество! – И один из медиков тут же подал термос, которым, видимо, сам пользовался.

– Кресло и простыню! Как сердце и пульс? – спросил Вителла. Получив сообщение, что сердечно-сосудистая система медленно, но уверенно приходит в норму, он предложил: – Давайте посадим его в кресло и отсоединим все датчики, кроме сердечного.

Когда это было сделано, он сам принялся потихоньку поить горячим чаем только что ожившего уопленника, по телу которого иногда пробегали волны успокоительных вздрагиваний. Напившись, Халид прокашлялся и снова сделал попытку заговорить.

– Ваше святейшество! – Его тихий голос был еле слышен, но звучал гордо и твердо. – Я снова видел Творца нашего!

– Хвала Вечноживущему, дающему нам тепло и свет! – напыщенно процитировал верховный жрец строчку из молитвы, воздев руки к своду.

Почти все находящиеся в помещении были людьми науки и прекрасно понимали абсурдность религиозного отношения к Солнцу, но вынуждены были подыгрывать при посторонних, тем более что сам главный магистр в присутствии простолудина прилагал

немалые усилия для почитания Творца. Поэтому все тоже подняли руки и зашевелили губами, повторяя слова молитвы.

– А сейчас, сын мой, – продолжал жрец, – не напрягай свой усталый голос после тяжелых испытаний, выпавших на твою долю. Сейчас мы вынесем тебя в соседнее помещение, где для тебя приготовят мягкую постель, и ты поспишь для восстановления сил и полного отдыха организма.

Райгд вылез из бассейна и пошел в другой зал. За ним понесли сидящего в кресле Халида, полуприкрывшего глаза от осознания своей значимости. Бензик и Вителла организовали мягкое ложе из подручных материалов и стали готовить шприц со снотворным. Аккуратно уложив Халида, все помощники вышли, а Ренни, выйдя вслед за ними, плотно закрыл пузыривую дверь. Вителла сделал укол, но, пока снотворное еще не начало действовать, жрец решил задать пару вопросов.

– Что-нибудь тебя беспокоит, сын мой?

– Святейший! Болит грудь, – пожаловался лежащий Халид, – и еще немного горло.

– Можешь ли ты рассказать, как было все с тобой в этот раз?

– Точно так же! Я знал, что тону, и внутри меня все было против этого. И снова душа моя рванулась кверху, и снова я оставил свое тело и вылетел в бескрайнюю черноту с тысячами сверкающих звезд. Тогда я чуть повернулся и увидел Творца нашего во всем сиянии и огненном величии. Не в силах сдерживать себя, я в мгновение ока достиг его тепла и, возторгаясь, снова пронизывал разноцветные кольца в пурпурных красках и в радужном сиянии. Но миг ликования моего и счастья был краток. Снова неведомая сила вырвала меня из пышущих лаской глубин и бросила в мою оболочку, выплевывающую воду...

Постепенно его голос стихал, и глаза под воздействием снотворного стали закрываться. Наконец они закрылись полностью, и дыхание Халида стало спокойным и размеренным.

– Он спит. – Невропатолог закатил веко у спящего. – Здоровый глубокий сон. О Творец! Мне до сих пор не верится, что он живой, дышит, разговаривает! Да это самое немыслимое и великое, что мне довелось увидеть за всю мою жизнь!

– Будем надеяться, что теперь чудеса будут намного чаще! – Райгд тоже не скрывал своей радости по поводу удачно проведенного эксперимента. – Но мне не дает покоя одна мысль: почему именно Халид удачно проходит этап оживления? Хотя у нас еще полно смертников для последующих опытов, надо все-таки выяснить, по каким критериям отбирать кандидатов в первую очередь.

Все трое задумались, разглядывая спящего. Неожиданно Вителла воскликнул:

– Я, кажется, догадался! Все стены этих помещений имеют чудодейственную силу, которую нагнетает в них неведомый источник. Мы до него пока не докопались. А возможно, никогда не докопаемся, если он находится слишком глубоко в слоях мантии. Но энергия, аккумулирующаяся в окружающих нас породах, наверное, воздействует и на наши тела. То есть накапливает в них необходимую силу, помогающую организму оживать после длительного пребывания в воде, которая, как вы помните, находится не так уж далеко от этого места. А ведь Халид накапливал энергию в своем теле длительное время! Он не только работал здесь, но также и спал, и неоднократно! Поэтому мы можем элементарно проверить мою гипотезу, сравнив анализы тех, кто бывает здесь чуть ли не постоянно, и тех, кто здесь никогда не был.

– Отличная идея! – В голосе верховного жреца слышалась гордость за своего ученика. – Осталось все это организовать и доказать на практике. А это не так уж и сложно, мои старческие плечи выдержат административную работу с удовольствием.

– Господин главный магистр! – Бензик выглядел немного растерянным. – Вы что, отказываетесь от нашей помощи?

– Наоборот! – Жрец усмехнулся. – Вы у меня все вззоете от работы и будете даже просить об отдыхе.

– А я, наоборот, рвусь к работе, тогда как вы меня все время заставляете отдыхать! – возмутился Вителла. – Избавьте меня от этих светских увеселений. Разве вам трудно сказать, что государственные интересы требуют моего постоянного присутствия при проведении важных исследований?

– Могу! – Жрец даже закивал головой. – Но зачем? Если принц решил тебя женить, то разбирайся с ним сам. Тем более что подобное мероприятие не слишком отрывает от работы. побыстрее выбери ту, что тебе нравится, объявите о помолвке – и спокойно занимайся исследованиями.

– А потом всю жизнь мне придется заботиться о женщине, про которую я почти ничего не знаю, кормить ее и ублажать?

– Какой же ты наивный! – засмеялся Райгд. – Чтобы узнать женщину, чаще всего не хватает даже всей жизни!

– Лучше всего жениться, не изучая, на это уходит даром масса времени, – присоединился к советам невропатолог с хриплым хихиканьем.

– Конечно, маленького обидеть может каждый. А потом еще и посмеяться! – укорил Вителла, а затем констатировал: – Как все-таки трудно в наше время найти понимание и поддержку.

– Ну ладно, хватит болтать о женщинах, – голос жреца посерьезнел, – пора возвращаться к научной рутине. И хочу сначала предупредить вас двоих: с этой минуты все должны придерживаться самой строгой секретности. Все остальные, кто хоть что-то знает о происходящем здесь, длительное время не будут даже выходить на поверхность. В вашем молчании я уверен, надеюсь, вы не подведете.

– Как насчет принца? – спросил Вителла. – Что, если он начнет расспрашивать?

– Даже он ничего не должен знать! Если будет необходимость, я сам его подробно проинформирую. На его вопросы отвечай: исследуем шахтные породы, – это недалеко от истины. Кроме того, я с сегодняшней ночи начну спать здесь. И вам советую сделать то же самое. Или вы не мечтаете сами поучаствовать в эксперименте?

– Ваше святейшество, – в один голос воскликнули оба, – конечно мечтаем!

– Прекрасно! Иного ответа я и не ожидал! – Райгд громко хлопнул в ладоши и крикнул в сторону дверей: – Ренни!

Когда тот появился, жрец стал перечислять задания, которые надо было срочно выполнить:

– Немедленно вызываешь ко мне вниз всех руководителей шахты и начальство первого технического корпуса. Потом отбираешь среди приговоренных к смерти четыре пары мужчин и одну пару женщин. В каждой паре должны быть люди, сходные между собой по возрасту и по здоровью. Первая пара должна быть молодая и здоровая, вторая – молодая, но с явными признаками болезней и общей слабости, третья пара – крепкие здоровые мужчины преклонного возраста, четвертая – тот же старческий возраст, но немощные, доживающие последние месяцы своей жизни. Женщин выбери среднего возраста, одинакового состояния здоровья. Не привлекая к ним особого внимания, собери всех под строжайшей охраной и доставь в дворцовый госпиталь. Там мы у них возьмем все необходимые анализы и проведем скрупулезное обследование. После этого половину из них под усиленной охраной оставишь в дворцовой тюрьме, а их дублеров разместишь в одном из соседних с этим помещений. Следить за их хорошим самочувствием будешь сам, лично. И тех, кто останется наверху, и тех, кто будет здесь, кормить усиленно, одинаково и разрешать спать, сколько хотят. И еще одно. – Райгд подошел к палачу почти вплотную. – С этого момента любая утечка информации о проходящих здесь экспериментах будет считаться разглашением важнейшей государ-

ственной тайны и соответственно наказываться. Любой человек, замеченный в предательстве, немедленно должен быть арестован и изолирован от всех контактов до тех пор, пока я сам не разберусь в его действиях. За соблюдение моего приказа ты, Ренни, будешь отвечать лично, даю тебе для этого чрезвычайные полномочия. Если все ясно, иди выполняй.

— О святейший! — Глаза палача стали похожи на глаза голодного волка. — Я вас никогда не подведу! — И после поклона сразу же выскочил за дверь.

Глава 12

Броди

Даже кратковременные приезды Дмитрия Гоянюка в Харьков проходили в такой веселой и шумной атмосфере, что надолго запоминались всем его друзьям и товарищам.

Разговоров в их кругу на эту тему всегда было столько, что хватало до следующего приезда. Эти воспоминания с обсуждением каждой мельчайшей детали бесшабашных гуляний известного космонавта можно было сравнить только с обсуждением бразильцами чемпионата мира по футболу. Поэтому Александр Броди прекрасно осознавал, что дальнейшее гуляние будет напоминать катящийся с горы снежный ком и к их пока еще небольшой компании к глубокой ночи присоединится огромное количество народа. А ему хотелось подробно с Дмитрием обо всем поговорить. Еле выжив после медвежьих объятий своего друга, он познакомил его с Ларисой и, усевшись с ними в автомобиль, сразу перешел к очень интересующему вопросу:

– Ты привез то, что мне надо?

Но Чайник совершенно проигнорировал обращенный к нему вопрос. Он покачивал головой и причмокивал губами, разглядывая девушку, а потом запричитал:

– Ну почему я женатый? Почему мне так не везет?!

Лариса, довольная, заулыбалась:

– А вы что, хотите на мне жениться?

– Конечно хочу! – Гоянюк сгреб одной рукой Броди, который делал вид, что хочет его задушить. – Но, к сожалению, не могу. Совесть не позволяет стать многоженцем.

– Не вешай лапшу! – Александр изо всех сил пытался вырваться из дружеского захвата. – Сам уже третий раз женат, да еще поговаривают, что из детей, бегающих по Звездному, добрая половина похожа на тебя.

Дмитрий задвигал бровями и хвастливо хмыкнул:

– Подобные сплетни меня радуют и делают неплохую рекламу. Новое поколение должно быть сильным и здоровым.

– Таким, как ты?

– Да! Таким, как я! Я совершенно не удивляюсь желанию женщин иметь детей с превосходными физическими данными, и, когда ко мне обращаются, я просто не в силах отказать.

– Э-э, да ты много потерял, став космонавтом. Тебе надо было открыть фирму «Самец по вызову». И, кстати, хоть в двух словах скажи: мой заказ выполнил?

– Ну, Плинтус! Вечно ты все опошлишь. Я только вернулся с тяжелейшей работы, мчусь сразу к другу отдохнуть и развеяться. А ты... Опять про работу! Ну разве так можно? Лариса! Как вы его выдерживаете?

– Да выдержать-то его можно. Но все то время, что я с ним знакома, Александр Константинович меня удивляет и – как бы это поточнее сформулировать – озадачивает!

– А я даже больше могу сказать... – вмешался Броди.

– Твоим мнением пока не интересуются, – перебил его Чайник и скалambuрил: – Очень некрасиво перебивать красивых девушек. – Потом снова обратился к Ларисе: – А сколько, если не секрет, вы уже знакомы?

Она взглянула на свои часы:

– Да уже почти полчаса.

– Ну ведь это ж надо! – Дмитрий с уважением посмотрел на друга. – Экий ты, брат, стал шустрый! А я думал, Лариса, он за вами уже давно ухаживает.

– Чего ты пристал к девушке? Как тебе не стыдно? – Своими сильными пальцами массажируя Александр крепко схватил ухо, уже не раз побывавшее в космосе. – Ты лучше бы рассказал, куда это мы едем!

– Ой-ой-ой, больно! – запричитал Гоянюк. – Ты же мне ухо оторвешь! Отпусти немедленно, садист несчастный! Я ж потом медкомиссию не пройду и меня отстранят от полетов!

– Хороший массаж твоим ушам не помешает, – многозначительно изрек Броди, разжимая пальцы, – напротив, даже усилит циркуляцию крови, поступающей к твоему мозгу. И ты тогда быстрее назовешь место, где мы собираемся обедать.

– За нанесенное увечье я сегодня же пожалеюсь на тебя в местком...

– Да хоть в профком!

– А едем мы в новый суперресторан «Колизей». Мне сказали, что открылся он только неделю назад и кухня там изумительно-шикарная.

– Нет-нет! Я категорически против! – решительно возразил Броди.

Космонавт с девушкой удивленно переглянулись.

– Во вчерашней газете была статья, – начал объяснять Александр, – в которой рассказывали о групповом отравлении на одном из первых банкетов. Так что я не хотел бы после обеда оказывать вам первую медицинскую помощь.

– А в какой газете? – неожиданно спросила Лариса.

– Вот-вот, – поддержал ее Дмитрий, – что-то слабо в такое верится, но... По нашей многолетней традиции выбирать место для первой вечеринки в день моего приезда имеет право только Александр. Так что, если у тебя какие-то другие предложения – выкладывай. – Он повернулся к Ларисе. – Если, конечно, не последует возражений от нашей очаровательной дамы.

– Ну, для возражений у меня, я надеюсь, не будет никаких оснований. Поэтому оставляю за собой право только соглашаться.

– Лариса Ярославовна, вы меня интригуете!

Девушка все больше и больше нравилась Броди, и он уже с трудом сдерживал глупую улыбку, которая готова была появиться после каждого взгляда на нее. И это была еще одна причина, из-за которой он хотел провести время в спокойной немногочленной обстановке, где никто не надоедает, где вкусно кормят, где звучит приятная музыка. Он подумал о возможности потанцевать с Ларисой, и только от представления этого момента в груди томно защемило, а щеки запылали от жара.

Он открыл окно со своей стороны, но ворвавшийся ветер только повысил температуру, поэтому пришлось сразу же нажать кнопку закрытия.

– И вообще, в такое время года грех находиться в шумном пыльном городе, надо ехать в лес. Предлагаю поехать в «Хашу».

– Прекрасная мысль! Давно не ел запеченного молодого поросенка, фаршированного грибами и баклажанами!

Тут же повернувшись к водителю, Дмитрий дал новые указания, и машина, слегка изменив направление, еще больше ускорила движение. Снова повернувшись к заднему сиденью, Гоянюк открыл небольшой бар.

– Через полчаса будем на месте, а пока предлагаю выпить чего-нибудь вкусенького за дружбу и за знакомство.

В баре стояли бутылка фирменной водки «Тарас», молдавский коньяк «Букурия», «Мартини» и бутылка французского «Пол Массона». Как раз только то, что любил пить сам Дмитрий Гоянюк и чем любил угощать своих друзей и близких.

– Ну ты, как всегда, Санька, пьешь коньячок, я водочку, а вы, Лариса? Может, что-нибудь из этих вин?

Девушка тяжело вздохнула:

– А что, пить обязательно?

– Вам уже есть двадцать один год?

– Да. – Она игриво поправила локоны волос. – Можно сказать, совсем недавно исполнилось.

– Тогда какие могут быть вопросы?! – Гоянюк в изумлении развел руками. – Вас ведь никто не заставляет пить всю бутылку. Выпейте сколько вам нравится, главное – остаться в здравом уме и не начинать петь раньше, чем начнем мы.

– Так вы еще и петь собираетесь?

– А вы хоть раз были в «Хаше»? – спросил Броди.

– Много слышала об этом заведении, но побывать не довелось.

– Ну так вот, сами увидите, что для пения там созданы идеальные условия. – И, почему-то покраснев, мысленно добавил: «И не только для пения».

– Ладно, тогда наливайте из своей бутылки, – обратилась Лариса к Дмитрию, – хорошая водка мне больше нравится, чем хорошее вино.

– О! Мне нравятся ваши трезвые размышления. – Гоянюк налил водку в хрустальную рюмочку и протянул девушке.

– Хотелось бы надеяться, что не разочарую вас своими размышлениями и после выпитого. – Она чокнулась сначала с коньячным бокалом Александра, а потом с такой же рюмкой, бережно зажатой огромными пальцами Дмитрия. – Но если я потеряю над собой контроль, то у меня к вам просьба как к людям более опытным и сдержанным: не давайте мне делать ничего плохого и опекайте меня, словно младшую сестру.

– Э-э! Так неинтересно, – разочарованно протянул Броди.

– Ух он какой! Со мной, Лариса, можете быть совершенно спокойной, я буду за вами присматривать, и никто не посмеет вас обидеть или хотя бы тронуть пальцем. А если что, – Гоянюк сдвинул брови, – разборки будут короткими. – И, подмигнув девушке в сторону Броди, пригрозил: – Даже невзирая на лица.

– Ну ладно, – прервал его Александр, – давайте лучше выпьем, пока мы все не расплескали и пока я снова кому-то уши не надрал. За наше здоровье – тост номер один! – И первым выпил до дна.

Мотель «Хаша» находился почти в самом центре чудесного лесопарка недалеко от города. Члены охотничьего хозяйства взяли когда-то эти уголья в долгосрочную аренду и на паевых условиях возвели в лесной глуши современнейшее здание из бетона, отделанное снаружи деревом и природным камнем. Здание в два высоких этажа имело форму круга и скрывало в своем центре под пологим пластмассовым куполом зимний сад с великолепным бассейном. Весь первый этаж занимали просторные холлы, огромные конференц-залы, многочисленные залы с разнообразными спортивными снарядами, тренажерами, теннисными столами. Там же были и бильярдные, и несколько саун, и парная. Пользовались громадной популярностью комнаты, в каждой из которых располагались несколько больших джакузи с водой разной температуры. Второй этаж занимали радиально расположенные двух- и трехкомнатные номера. Наружные помещения номеров являлись небольшими банкетными залами, которые, в свою очередь, выходили прозрачными раздвижными дверями на огромные, наглухо закрытые по сторонам балконы. Балконы эти были выдвинуты далеко в лес, так что их перила касались ветвей деревьев. Это создавало ощущение соединения с природой – когда, сидя за столом, можно было услышать щебетание птиц и умиротворяющий шум ветра, путающегося в верхушках деревьев и в хвое гигантских сосен, окружающих все здание.

Ни с одного балкона не было видно даже кусочка асфальта или грунтовой дороги. Блок-пост, который располагался на трассе при въезде в охотничье хозяйство, пропускал машины только со специальными пропусками или временными пригласительными. Далее трасса, не

доходя до мотеля метров сто, ныряла в туннель, ведущий в гаражи, расположенные в толще земли под самим зданием. Там же находились все коммуникационные и сервисные службы и кухни, из которых наверх блюда подавались по специальным лифтам.

Кто конкретно входил в список пайщиков, то есть хозяев, построивших мотель «Хаша», мало кто догадывался. Но то, что сюда ни разу не наведывалась налоговая полиция, а санэпидстанция или пожарные боялись тут показаться, говорило само за себя.

Автомобили, привозящие посетителей, останавливались в начале гаража или следовали в глубину, к специальным лифтам, поднимающимся прямо на второй этаж, чуть ли не в сами номера. В первом случае гости высаживались и по широкой парадной лестнице поднимались к центральному входу на первом этаже. Там их торжественно встречал администратор с подносом хрустальных рюмок, наполненных фирменной водкой «Держава»: выпить такую рюмку или хотя бы пригубить должен был каждый вновь прибывший. Во втором же случае (это происходило чаще) из затемненных лимузинов пересаживались в лифт приехавшие инкогнито лица, широко известные в мире политики, бизнеса, преступности и религии. Все они приезжали со своими друзьями, преимущественно женского пола, и усиленно отдыхали от мирской суеты, совершенно уверенные в неразглашении тайны их присутствия здесь.

Дмитрий Гоянюк был народным любимцем, и, пожалуй, не было места во всей Украине, где его не принимали бы от всей души, с самой искренней радостью и неподдельным дружелюбием. Если бы не суровые правила, введенные в «Хаше», здесь, как и всюду, сбежались бы все официанты, повара и уборщицы, каждый посетитель захотел бы лично позвать руку прославленному космонавту, пригласить к своему столику или послать от себя что-нибудь самое шикарное из выпивки. Но в мотеле все было направлено на невероятное обслуживание клиентов и на такое же невероятное сохранение их инкогнито. Даже если кто-нибудь замечал в гараже машину своего друга и мог со стопроцентной уверенностью заявить о необходимости совместной встречи, был бессилён добиться у обслуживающего персонала каких-либо сведений о том, в каких комнатах можно найти нужного человека, и бесполезно было просить передать тому хотя бы малейшую весточку. На все настоятельные требования, а порой и угрозы персонал вежливо отказывал и советовал связаться со своим знакомым по телефону. Что было практически бесполезно: почти все приезжавшие сюда отдыхать отключали свои телефоны. Или, если это было невозможно, переводили свои аппараты на отдельные сим-карты.

Броди на это и рассчитывал, когда предложил поехать именно сюда. Здесь никто, никогда и никого не имел права беспокоить. Только по предварительному распоряжению клиента к нему могли пропустить гостей, приехавших позже, или сообщить о людях, с которыми у него была договоренность о встрече.

Поднявшись по лестнице и впервые оказавшись перед «Хашей», Лариса спросила у сопровождавших ее мужчин:

– Неужели это здание действительно имеет форму кольца? Если да, трудно даже представить, насколько оно большое.

– Лучше всего это видно после экскурсии по первому этажу. – Дмитрий подал свой локоть, и девушка взяла его под руку. – А еще лучше, когда побываешь во внутреннем дворе.

– Добро пожаловать в мотель «Хаша»! – Появившийся в открывшихся дверях администратор одной рукой держал поднос с тремя изящными рюмками и фарфоровой пиалой, а другой ловко разливал водку из бутылки с надписью «Держава». – Мы очень рады видеть и обслуживать таких дорогих и уважаемых гостей. В вашем любимом номере стол уже сервируется лучшим, что способны создать наши прославленные кулинары. – Элегантным движением он выдвинул поднос вперед. – Предлагаю выпить за ваше здоровье и более частые к нам визиты!

– А почему мне не налили?! – удивился Гоянюк. – Насколько я помню, по традиции каждый у парадного входа должен обязательно выпить рюмашку. Себе и им налили, а мне?

Опешивший поначалу администратор облегченно вздохнул и сделал какой-то незаметный жест, после которого мелькнувший как тень официант поставил на поднос четвертую рюмку.

– Ваши желания для нас закон! – Он налил и себе. – Тем более что для меня это большая честь!

Все разобрали рюмки.

– Традиции здесь, конечно... – начала было Лариса.

– ...прекрасные! – продолжил за нее Броди и, улыбнувшись, добавил: – Я заметил, что после «Хащи» настроение на длительное время становится лучше, а жизнь намного прекраснее. Так что пьем за удачу, которая нас ждет впереди!

Все дружно выпили, взяв из пиалы на закуску чудесно хрустящие маринованные огурчики, каждый – с проходящим внутри по всей длине кусочком сладкого перца. Отдав кому-то поднос, администратор провел гостей в холл:

– С чего желаете начать?

– Девушка здесь первый раз, – Дмитрий снова подставил локоть, – поэтому желательна небольшая экскурсия, заодно и аппетит нагуляем!

Пройдясь по периметру первого этажа, они вышли во внутренний двор и оказались у бассейна. Чистейшая голубая вода среди заботливо ухоженных зарослей так и манила своей прохладой. Девушка даже посетовала, что не взяла с собой купальник. На что Гоянюк со смехом ответил:

– Через две минуты у вас будет сотня новехоньких купальников, на выбор.

А вообще, здесь подавляющее большинство купается без купальников. И, поверьте, никто от этого не испытывает никакого стеснения.

– Ладно, допустим, Александр Константинович, – девушка махнула пальчиком в сторону Броди, – доктор и массажист, перед ним я могу раздеваться совершенно спокойно. А ведь вы космонавт, так что еще неизвестно, как себя поведете.

– Ну это ж надо! – Гоянюк в возмущении хлопнул в ладоши. – Тоже мне, нашли «доктора и массажиста»! Да ему больше подходит определение «знаменитый археолог»! К вашему сведению, я в сто раз больше доктор, чем он. Хотя мы и окончили вместе медицинский институт, но вот уже двадцать лет Санька занимается исключительно археологией, так что удивляюсь, как вы доверили ему свое тело! – Заметив, что Броди хочет что-то сказать, он повысил голос: – Ладно, ладно! Извиняться будешь потом! – и продолжил: – А я все это время проводил в космосе и на Земле медицинские исследования. Так скажите мне теперь, кто больше имеет врачебной практики, я или он?

Девушка захлопала глазами:

– Вот как плохо быть доверчивой! А мне сказали, что он лучший массажист...

Гоянюк заметил, что друг показывает ему кулак, и попытался придать своему лицу серьезное выражение:

– Ну, насчет того, что он лучший массажист в Харькове, так это бесспорно! Но я хотел сказать, что я больше доктор, чем он! И меня надо стесняться намного меньше.

– Хотя, если признаться честно, – продолжала Лариса, – много раз в жизни встречала малоизвестных археологов, но всегда мечтала познакомиться с живой знаменитостью.

– О господи! – сказал Дмитрий притихшим голосом. – Не надо так меня пугать. Неужели вам раньше попадались уже, так сказать, остывшие знаменитости? – Сам первым засмеялся, похлопал друга по плечу. – А по поводу вышесказанного могу добавить: Александр Константинович – еще и самый известный и маститый археолог! И не только в Харь-

кове! И не только в Украине! О нем знают почти во всем мире. Ведь это именно он расшифровал надписи, найденные семь лет назад в марокканских пещерах!

– Так вы и есть тот самый Броди?! – воскликнула Лариса и схватилась ладошками за щеки.

– Не знаю, кого вы имеете в виду, – Александр расправил плечи и высоко задрал подбородок, – но я именно тот, кто я есть на самом деле.

– Я даже представить себе не могла, что это вы! – В глазах девушки горел неподдельный восторг. – Я просто подумала, что вы однофамильцы!

– Мне, конечно, льстит, что вы обо мне знаете. Но позвольте спросить: откуда?

Лариса отступила на два шага, присела в реверансе и проговорила церемонным голосом:

– Разрешите представиться: дипломированный специалист-археолог. Только что окончила исторический факультет Одесского университета.

– Так ваш декан... – начал было Броди.

– Гарик Вашанович Симотян! – закончила за него девушка. – И он очень много про вас рассказывал. Вы мой кумир! А два часа назад я бы рассмеялась в глаза человеку, который бы предсказал мне знакомство с вами в массажном кабинете.

– Ну, так уж и кумир, – он даже смутился, – представляю, что там Гарик Вашанович обо мне нарасказывал...

– Все! Буквально все!

– Какой ужас! Он что, рассказывает обо мне всем студентам?

– Нет, только тем, кто сильно любит историю! Всегда ставил вас в пример – и мы все восхищались. Наш декан так много о вас рассказывал, что мне жутко стыдно, что я вас сразу не узнала!

– Лариса! Мне даже как-то неловко, лучше бы я в ваших глазах остался простым массажистом. А то вы так на меня смотрите, как на золотой памятник на моей могиле.

– Да что вы, Александр Константинович, такое говорите?! – продолжала Лариса. – Все мои сокурсницы умерли бы от зависти, если бы увидели меня с вами!

Глядя на них, Дмитрий обиженно развел руками:

– Ну вот! Я уже никому и не нужен!

– Не падай духом! – Теперь уже Александр подставил локоть Ларисе. – Идемте к столу – и настроение сразу начнет резко повышаться.

– Да, тебе хорошо! – Гоянюк подал руку девушке с другой стороны, и они начали подниматься по широкой лестнице на опоясывающий весь второй этаж балкон. На этот балкон выходили двери каждого номера. – У тебя хоть будет с кем потанцевать, а я совсем один.

– Да что ты плачешься?! Танцуй с кем угодно! Вот хотя бы... – Броди обвел взглядом совершенно безлюдный внутренний дворик и вдруг воскликнул: – О! Придумал! Ты знаешь, что Аллочка в городе?

– Да ты что?! Каким ветром ее сюда занесло?

– Приехала на несколько дней к родителям. Давно не видела, соскучилась, решила поведать. Она ко мне вчера заскакивала, посидели, поболтали.

Гоянюк уже достал из кармана свой телефон и набирал номер. Броди, улыбаясь, добавил:

– Правда, я слышал от нее угрозы: если ты ей попадешься, она за себя не ручается.

– Отлично, отлично! – Дмитрий в спешке неправильно набирал номер и в раздражении сильно ударял по миниатюрным кнопкам. – Я тоже по ней соскучился и буду зверски рад ее видеть! – Потом, извинившись, отошел на несколько метров в сторону.

– А кто она такая? – спросила Лариса у Александра.

– Наша однокурсница по мединституту и его первая жена, – объяснил тот. – Причина их развода после нескольких лет совместной супружеской жизни даже для меня большая загадка. Они до сих пор тащатся друг от друга и радуются при встречах, как маленькие дети. Просто диву даешься, как они могут жить раздельно!

– Может, они ссорятся наедине?

– Да вы сами увидите! Они никогда не ругаются. И наедине ведут себя прекрасно. Иногда, соскучившись, они встречаются бог знает где, лишь бы побыть денек-другой вместе. А потом – снова разлука! И не только я – все, кто их знает, бессильны объяснить что-либо в их отношениях.

– А чем она занимается?

– Тоже интересный вопрос. Алла не кто-нибудь, а фермер! Купила развалившийся совхоз на территории области и вот уже лет шесть, по-моему, занимается сельским хозяйством: животноводством. И, что самое удивительное, довольно-таки успешно!

– И что же, совершенно одна?

– Да нет. – Александр оглянулся на Дмитрия и понизил голос: – Есть у нее там какой-то мужичок, из местных. Живут, говорит, с ним нормально, он ее во всем поддерживает и помогает. Очень настойчиво предлагает ей замуж, а она – ни в какую! Говорит ему: нравится, спи со мной; не нравится, спи на сеновале – в загс все равно не пойду!

– А я с ней полностью согласна: загс для жизни совершенно не нужен! – безапелляционно заявила Лариса. – Он только дает государству лишний рычаг для управления человеком.

Броди с уважением посмотрел на девушку:

– Вы меня приятно шокируете, я при вас даже теряюсь. Или вы читаете мои мысли, или... уже намного умнее меня.

– Ну что вы, Александр Константинович! Это мне за себя неудобно. Все годы обучения в институте мечтала встретиться с вами, а когда это случилось – умничаю до неприличия. Будто вы мой однокашник.

– Вот и правильно! Давайте договоримся: вы моя клиентка, я ваш массажист. Решили приятно провести время. Ко мне приехал мой лучший друг, и мы все вместе радуемся жизни, отдыхаем и танцуем. И без всяких прежних заслуг, званий и регалий! Заметано?

– Нет проблем! – Лариса рассмеялась.

Подошедший Гоянюк довольно потирал руки:

– Вот это точно! Проблем нет! Аллочка уже в пути. На въезде ее пропустят, администратора я предупредил. Затем ее проведут сразу к нам. А мы можем уже входить и расслаживаться. – И он открыл дверь номера.

Пройдя по коридору мимо дверей нескольких комнат, они вошли в столовую, которая застекленной стеной соприкасалась с лесом. На других стенах висели сюрреалистические картины известных мастеров с фантастическими пейзажами и сценами из жизни вымышленных галактик.

– Почему они думают, что это мой любимый номер? – удивился Дмитрий. – В следующий раз обязательно попрошу номер с изображениями горных пейзажей или, на худой конец, полотнами маринистов.

– Это он для проформы ворчит, – доверительно сообщил Броди, подвигая стул садящейся за стол Ларисе. – Место ведь выбираю я, а мне эти картины очень нравятся.

– Да, впечатляют. – Девушка восторженно разглядывала ни на что не похожие панорамы и нечеловеческого вида существ. – Даже не верится, что у художников столько фантазии и выдумки.

– Так что, начнем? – Дмитрий шумно уселся и сделал приглашающий жест рукой в сторону буфетов.

– Если Ларисочка не возражает...

– ...Ярославовна! – смеясь, вставила девушка.

– Если Ларисочка Ярославовна не возражает, – поправился Александр, – я предлагаю подождать еще пятнадцать – двадцать минут. Пока не придет Алла. Все-таки неудобно: придет, а мы уже все съели и выпили. А так еще немножко аппетит нагуляем.

– Я согласна!

– Может, тогда включим музыку? – предложил Гоянюк.

– Музыка чуть-чуть подождет, – продолжал Александр. – А пока предлагаю посмотреть то, что давно тебе мешает и вообще выпирает из твоего кармана.

– Ну, Санька! Ты и мертвого достанешь! Но сразу предупреждаю: в твоём распоряжении десять минут. Потом я все заберу...

– А если... – попытался сказать что-то его друг.

– А если будешь возражать, – повысил голос Дмитрий, – заберу и сожгу! Тут же! Под балконом!

Броди молитвенно сложил ладони:

– На все согласен! Обещаю вести себя хорошо и к концу назначенного тобой срока постараюсь полностью смириться с твоей бесчеловечной жестокостью.

– Ладно, – в голосе Гоянюка слышалось нарочитое великодушие, – попробую тебе поверить, но учти: в последний раз! – И он бросил на стол пачку тончайших цветных фотографий.

Александр Константинович набросился на них с жадностью, перебирая дрожащими руками. Внимательно всматриваясь в нанесенные сетки координат, стал откладывать некоторые фото. Иные прямо на тарелки, иные прислоняя к фужерам.

– Чтобы долго не мучился, хочешь, расскажу самое главное?

– Ну! Митька, не тяни резину!

– Никакой радиации в интересующем тебя квадрате не обнаружено! Но!.. – Гоянюк не спеша почесал себя за ухом.

– Тебе ухо мешает?! – в нетерпении, с угрозой бросил Броди. – Сейчас оторву!

– Но!.. В ночное время в одном месте радиусом два-три километра температура почвы постоянно на полтора-два градуса выше окружающей.

– Вот оно! – в восторге заорал Броди. Лариса даже вздрогнула от неожиданности. – Митька, ты не представляешь, как я ждал такого подтверждения!

Он от радости даже укусил себя за кулак. Потом вскочил и, подбежав к космонавту, одной рукой стал хлопать того по спине, а другой ерошить волосы.

– Это же то, что мне надо! С завтрашнего дня ишу средства на экспедицию! Ты себе даже не представляешь, насколько это грандиозно и немыслимо! Если то, о чем я знаю, подтвердится – это перевернет все наши понятия об истории человечества! А может, и не только человечества!

– Да успокойся ты! Ты уже что, заговариваешься? Тебе надо изрядно выпить!

– Нет! Выпивка меня не спасет!

Броди оставил в покое шевелюру своего друга и в возбуждении забегал вокруг стола. Затем неожиданно остановился возле изумленно глядящей на него девушки.

– Лариса! Вы приносите удачу! Вам всегда так везет?

– Да, в принципе, не жалуюсь! – Она улыбнулась. – Вот и сегодня повезло: увидела живьем великого археолога, сижу за одним столом с живым и здоровым космонавтом, который известен всему миру. А тут еще намекали на дивно фаршированного печеного поросенка. По-моему, не каждый человек смог бы таким везением похвастаться.

– Вот именно! Поэтому я и хочу вам предложить интересную работу! И с завтрашнего дня вы начнете помогать мне в поисках спонсора для проведения экспедиции на дальнюю

окраину Ливии. Мне обязательно нужна везучая помощница! Надо будет отправить тысячи писем и обзвонить миллион людей. Отыскать их и заинтересовать, на каком бы континенте те ни находились!

– А зачем же искать спонсоров по всему миру? – удивилась девушка. – Может, мы сами сможем помочь?

– Спасибо за предложение, но... – Броди безнадежно махнул рукой. – Митька, за свою жизнь ничего не скопил (мы с ним, наверное, слишком уж веселились), а вы только после института. Нобелевскую премию еще не успели получить? Естественно, нет! Мне нужен по меньшей мере миллионер! Который к тому же поверил бы мне на слово и доверил немалые средства для организации очень дорогостоящей экспедиции.

– Александр Константинович! – Девушка встала и взяла Броди за руку, глядя при этом прямо в глаза. – Но я же вам верю! И поэтому готова предоставить любую сумму!

Броди перехватил ее руку и поцеловал.

– Мне приятно это слышать, но моя совесть не позволит забрать у вас деньги, которые вы насобирали, не тратя ни копейки из своих стипендий. – Потом улыбнулся: – Или вы, может, хотите признаться, что являетесь подпольной миллионершей?

– Да! – совершенно спокойно ответила девушка. – На моем счету в одном из зарубежных банков – два миллиона долларов США.

Как было бы описано дальнейшее в театральной ремарке: «Конец сцены. Занавес. Мужчины в обмороке».

Глава 13

Город

Шторм, на целые сутки погрузивший Город в рваные тучи и сплошные завесы из дождевых капель и тумана, наконец-то стал утихать. По небу еще мчались на север низко висящие тучи, но с южной стороны уже были видны лучи солнца, пробивающиеся из светлоголубых разрывов.

Ветер из распоясавшегося неукротимого монстра превратился в оправдывающегося школьника, которому стыдно за небольшие шалости. Не стало слышно его оглушительного рева, прекратился его будоражащий свист между стремящимися ввысь колоннами зданий, которые сверху донизу матово поблескивали от прилипшей влаги.

Только океан все не мог уgomониться. Казалось, он продолжает сердиться за что-то и своими гигантскими лапами-волнами без усталости молотит по стенам бастионов, особенно Южного. Но бастионы были величественны и неприступны. Они даже не вздрагивали, когда тысячетонные глыбы воды обрушивались на них с ужасающим грохотом, превращаясь в миллиарды брызг и целые гейзеры бурлящей пены. Но вот наконец и океан понял бесполезность попыток смести это препятствие и стал успокаиваться. Идущие стройными рядами огромные валы потеряли направленность и заметались, рассеиваясь в разные стороны. Вся поверхность покрылась аритмичной зыбью, среди которой временами появлялись то мрачные пропасти, то неожиданно вздымающиеся из пучины водяные горы. Но так же быстро, как появлялись, они и исчезали, уступая место все более мельчающим собратьям.

— А вот и я! — Боцман Донтер шагнул в открывшуюся дверь номера, на ходу целуя ручку впустившей его Тайры. — Или вы уже подумали, что я нарушу свое обещание и не приду?

— Да что вы, Донтер! — Она выхватила у гостя влажную от дождя накидку и сама повесила на вешалку. — Просто в такую погоду выходить из дома равносильно, по моему понятию, небольшому подвигу. Какая может быть в таких условиях экскурсия?

— Поверьте слову старого моряка, — возразил боцман, — через полчаса будет тепло и солнечно, а все население города выйдет прогуляться, так как у нас никто не любит целые сутки находиться в замкнутом помещении. О! Халли, здравствуй! Почему такой нерадостный вид?

Вышедший из второй комнаты Халли с виноватой улыбкой поздоровался с боцманом и пояснил:

— Мне просто жутко представить: если бы этот шторм застал нас в пути, — он вздрогнул, — что бы с нами было?

— Да ничего страшного! Только и делов, что пришли бы к месту назначения на сутки позже. Корабль практически непотопляем, переживал и не такие бури.

— А качка?! Не знаю, как сестра, но я бы точно не дожил до конца плавания.

Донтер отечески засмеялся, весело похлопывая себя по животу:

— Насчет твоих опасений тоже могу дать гарантию: я еще ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь умер от качки. Даже наоборот, от нее есть немалая польза. — И, видя недоумение слушателей, объяснил: — После шторма те, кто страдает морской болезнью, отличаются завидным аппетитом. То есть с этой точки зрения качку можно сравнить с немалой дозой приятного алкоголя.

— Вас послушать, так сразу догадаешься о следующей пользе, про которую вы сейчас начнете рассказывать! — Тайра шутливо пригрозила боцману своим изящным пальчиком.

— К сожалению, — Донтер грустно вздохнул, — для этого нужно как-то решить проблему постоянной нехватки женщин на судах.

В этот момент комнату осветили лучи солнца, внезапно вырвавшиеся из хаоса уже почти белых облаков. Солнечный свет заиграл на мокрых зданиях Хрустального города, и там, где это произошло, все засверкало ослепительным блеском миллионов солнечных зайчиков. Ко всему великолепию еще добавилась огромная радуга, изогнувшаяся далеко вдаль, между Северным и Западным бастионами.

– Какой прекрасный вид! – воскликнула девушка.

Халли закрыл отвисшую от удивления челюсть и растерянно произнес:

– Если бы мне кто-нибудь рассказал о радуге такой величины, я бы ни за что на свете не поверил!

– Могу похвастаться, – гордо вставил боцман, – что наблюдал радугу еще больших размеров, чем эта.

– Но теперь, увидя подобное своими глазами, я не усомнюсь в вашем рассказе о чем-то большем. – Тайра тоже залюбовалась радугой.

– Ловлю вас на слове. Ведь еще недавно вы наверняка сомневались, что будет прекрасная погода? Признавайтесь!

– Каюсь! – Девушка переплела пальцы, смиренно склонив голову. – Отныне обязуюсь верить вам во всем! Даже если вы предложите мне спрыгнуть с крыши любого из этих зданий и пообещаете, что со мной ничего не случится, – я ни секунды не засомневаюсь.

– Отлично! Очень скоро я это проверю. Теперь быстренько собирайтесь, у нас очень насыщенная программа. Если вы действительно хотите осмотреть все то, о чем вы меня просили, нам не хватит и целого месяца.

– Мы готовы. – Тайра пригладила руками тонкое переливающееся платьице, которое внизу лишь чуть-чуть прикрывало колени.

На ее «брате» была свободная шелковая рубаша, опущенная ниже пояса, пузырящиеся свободные шаровары и легкие сандалии. Донтер, критически все осмотрев, снисходительно хмыкнул:

– Если вы хотите везде успеть и побольше увидеть, прислушайтесь к моему совету. Надо обязательно сменить одежду! Или у вас по этому поводу какие-нибудь предрассудки?

– Ни в коем случае! Объясните только, какой в этом смысл.

– Первое отличие всех приезжих от местных жителей – их одежда и скорость передвижения по городу. Почти все туристы пользуются медлительными лифтами, тогда как есть намного более скоростной вид, особенно при спуске, – таска. Но для того, чтобы ими пользоваться, надо одеться соответствующим образом, вот так как я. – Боцман развел руки в стороны.

Его одежда действительно отличалась от соблазнительного наряда Тайры и экзотических одеяний Халли. Брюки и рубашка, на которых красовались многочисленные карманы, были сшиты из прочного, но легкого и прекрасно пропускающего воздух материала. На локтях, плечах, коленях и ниже спины были нашиты латки, напоминающие кожу, но изготовленные из специальных оплавленных волокон с термоизолирующим эффектом. На запястьях и голенях имелись застежки-липучки, с помощью которых плотно застегивались рукава и низ штанин. Обувь была на мягкой резиновой основе с выступающими на пятке утолщениями и такими же утолщениями, закрывающими наружные косточки стопы. Завершал наряд вшитый под воротник рубашки капюшон, от которого к нагрудному карману тянулась трубка с мундштуком. При спуске капюшон надевался на голову и несколькими вдуваниями через трубку накачивался воздухом, предохраняя голову от возможных ушибов. Правда, местные жители пользовались капюшонами крайне редко. Все части одежды были подобраны по тону и, хоть немного отличались по цветам, гармонировали друг с другом.

Конечно, в Хрустальном городе встречалось достаточно людей, особенно среди молодежи, желающих выделиться необычностью своей одежды. Их наряды порой так пестрили

разнообразием и несовместимостью красок, что вызывали гнев и осуждение ортодоксальной части населения, особенно людей пожилого возраста. Но мода есть мода. То красные капюшоны диссонировали с зелеными рубашками, желтыми брюками и белой обувью. То черные брюки темнели на фоне остальной одежды, разрисованной яркими полосами во всех направлениях.

Традиционным и самым модным во все времена считался наряд, у которого ярко-голубой цвет в верхней части постепенно темнел к обуви, становясь иссиня-черным. Именно в такой одежде и был Донтер.

– Безоговорочно соглашаемся! – Тайра пощупала липучки на рукавах боцмана. – Мы и сами хотели купить по несколько таких костюмов, ведь на них непреходящая мода во всем мире. А если вы к тому же поможете нам в выборе...

– Тогда вперед! В вашей гостинице внизу есть магазин, там мы найдем все, что вам нужно.

– Только один вопрос. – Девушка остановила Донтера, уже было направившегося к двери. – Если мы захотим пообедать в лучших ваших заведениях, будет ли нам удобно в этих одеждах?

– Смею вас заверить, что наш вид будет приличествовать любому месту и в любое время. Исключением являются лишь торжественные мероприятия и специальные собрания. Да и то приглашенных обычно заранее предупреждают, какой должна быть форма одежды.

– Все. До магазина не задаю больше ни одного вопроса. Разве что тебе. – Тайра обратилась к Халли, который уже открывал дверь: – Как у нас с наличными?

– Хотя ты и старше меня, – подчеркнул тот, улыбаясь, – но родители приучили меня надеяться только на собственную память, – он похлопал себя по карману, – и никогда не выходить из дома без денег.

– Какой все-таки вредный у меня братишка, – пожаловалась Тайра боцману уже в коридоре, – все время прошу называть меня на людях младшей, а он ни в какую.

– Ну, по-моему, возраст вам не страшен. Вы и через сорок лет будете самой прекрасной и обворожительной.

– Все, что вы говорите, сбывается! – со смехом сказала Тайра. – Если через много лет я стану старой и жуткой, я вам это припомню!

– Надеюсь, что, если подобное случится, – в тон ей ответил Донтер, – я уже буду недосыгаем для вашей мести!

Спустившись вниз, они потратили минут двадцать на переодевание в новые одежды. Оставив старые в магазине, чтобы захватить их на обратном пути, вышли из здания, в котором располагалась их гостиница. А на улице действительно уже бушевал людской водоворот. Тысячи горожан спешили кто куда, подталкивая друг друга при неожиданных остановках. Между ними, нимало не смущаясь от такого столпотворения, сновали работники коммунальных служб, наводя порядок после урагана. Между домами тянулись целые аллеи из разнообразных деревьев и огромные клумбы цветов, обрамленные декоративными кустарниками. Они-то и пострадали больше всего. Оборванные листья и ветки зеленели на тротуарах под ногами прохожих. Кое-где с корнем были вырваны огромные кусты, а порой и целые деревья. Все это заботливо высаживалось по возможности на старые места, тщательно убирался весь мусор и рассыпанные земля и песок. Буквально на глазах от нанесенного штормом беспорядка не оставалось и следа.

– Да, у вас прекрасно здесь все организовано, – высказался Халли.

– Мы гордимся чистотой и порядком, – согласился боцман, – и уборщик у нас – одна из самых уважаемых профессий.

Они находились на третьем, самом верхнем из жилых уровней Западного бастиона, ближе к краю правого крыла. Треугольник уровня весь не просматривался из-за многочис-

ленных зданий на его поверхности. Но центральный ствол бастиона, километровый в диаметре, смотрелся величественно. Он держал, казалось, немыслимый груз всей платформы за один только угол, вернее даже за небольшую его часть. На высоте шестисот метров ствол, постепенно сужаясь, вонзался в центр плоской массивной чаши диаметром более трех километров. Чаша была совершенно непрозрачной из-за хранящихся там запасов пресной воды и лишь по краям голубела от просвечивающих насквозь лучей солнца. Темным был и ствол, держащий на себе все три жилые платформы и венчающую его «техническую» чашу.

Зато улицы и площади самой платформы были совершенно прозрачны. Через них прекрасно просматривались дома и миниатюрные человечки второго уровня, и даже кое-что на первом.

– Я, наверное, никогда не привыкну к ощущению, – сказала Тайра, глядя себе под ноги, – что уже сорвалась и падаю, падаю...

– Если честно, то я тоже больше привык к непрозрачной палубе под ногами, – признался Донтер, – поэтому стараюсь больше смотреть по сторонам или вверх. Давайте решим, с чего начнем знакомство с городом.

– Хотелось бы подняться на самую чашу и взглянуть на город с самой верхней точки, – неожиданно предложил Халли.

– Увы! – с огорчением ответил боцман. – Я сам всю жизнь мечтаю там побывать, но туда имеют допуск только военные. Там у них находятся аэродромы и вспомогательные службы.

– Какая жалость, – разочарованно протянула Тайра, – я думала, что за большие деньги можно прокатиться на одном из ваших самолетов, а у вас даже не дают на них посмотреть.

– Ну, посмотреть-то на них мы как раз можем! – Донтер поднял палец, заставляя спутников прислушаться к какому-то грохоту. – Слышите?

Они задрали головы, и в тот же момент рев усилился. С края чаши стремительно сорвались три серебристых самолетика и изящно легли на крыло, совершая облет вокруг бастиона. Сделав круг, они резко спикировали почти к самой воде и с грохотом и сиянием дюз, по восходящей гиперболе, рванулись в сторону открытого океана.

– Это самые новейшие, реактивные! – Боцман улыбался такой довольной улыбкой, будто бы лично построил наблюдаемые самолеты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.